

**Питеркин Илья Валентинович. Особисты. Операция «Дети»:
повесть.**

**Текст 3-его издания, переработанного и дополненного. – Изд-во
«Радуга», СПб,: 2018.**

ISBN 978-5-6042108-1-9

К 100-летию создания органов военной контрразведки

Великая Отечественная война, как и все войны, – не только столкновение армий, военной техники, экономик и промышленности, разведок и контрразведок. Это столкновение – нравственных основ народов, государств цивилизаций.

Цинизм и сострадание, жестокость и человечность, самоотверженность и трусость, героизм и предательство – всё это в полной мере проявилось в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны.

В основу повести положены подлинные события из истории службы военных контрразведчиков, красноармейцев и морских пехотинцев, самоотверженно воевавших на Ленинградском фронте.

Имена и фамилии некоторых участников описываемых событий изменены.

Автор благодарит всех, кто оказывал помощь и поддержку в этой работе.

*Особая благодарность моей жене, Крапивиной Надежде Сергеевне –
без её активной творческой помощи книга не была бы написана.*

Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

*Сотрудникам военной контрразведки
Ленинградского фронта и Балтийского флота
времен Великой Отечественной войны,
честно исполнившим свой долг,
посвящается.*

ОСОБИСТЫ.

«Операция «Дети».

Повесть

**І. Младший лейтенант госбезопасности
САРАНОВ.**

Июль 1941 года.

Стоял жаркий воскресный день. Послеполуденное солнце, похозяйски расположившись на открытом голубом небе, нещадно палило.

И тяжелыми изнурительными боями давила война. Армия отступала всё дальше и дальше на восток.

Красно-белый автобус ЗИС мягко катился мимо просторных полей, перемежавшихся небольшими перелесками. Когда он въезжал в тень придорожной лесополосы, июльская жара не казалась такой безжалостной, как среди некошенных полей.

Пассажиры автобуса – группа особистов, возвращавшихся с совещания, – ехали молча, лишь изредка кто-нибудь почти шёпотом бросал соседу короткую фразу. Бессонные ночи, жаркий день и тяжелая усталость разморили многих и, устроившись кто как мог, офицеры засыпали, пользуясь такой редкой возможностью.

Несмотря на усталость, Виктор Саранов не стал «прихватывать» часок сна, а смотрел в окно и возвращался к сказанному на совещании начальником особого отдела армии Кравцовым. О массовой заброске агентов, завербованных из бывших красноармейцев, в основном жителей западной Украины и Белоруссии, этнических немцев, венгров и румын; о том, что тыл армии практически наводнили диверсионными группами, состоящими, как правило, из двадцати-двадцати пяти человек, использующих советскую военную технику, вооружение и красноармейскую форму; о том, что главная цель таких групп: пробраться в наши тылы на расстояние от пятидесяти до трехсот километров, обеспечивая полную дестабилизацию, панику в войсках и среди гражданского населения. И о тех сложных задачах, которые, исходя из этой ситуации, поставили перед ними, армейскими контрразведчиками.

Автобус сильно тряхнуло. Спавший рядом сосед чуть было не упал с сиденья, но Виктор успел подхватить его и удержать. Тот непонимающе посмотрел, кивнул и вновь отключился.

Вздыхнув, Виктор устроился поудобнее, слегка отодвинув навалившегося на него спящего соседа. «Сколько людей, сколько судеб изменила и ещё изменит война, — продолжал размышлять Виктор, — Если человек отстал от своих или даже попал в окружение, это ещё мало о чем говорит. Как поведет себя человек, когда ему угрожает смерть? Почему люди в одинаковых обстоятельствах ведут себя по-разному?».

Ещё в первые дни войны он решил для себя, что недопустимо оценивать поведение в боевых условиях солдата или командира, не зная и не пройдя самому этот путь, не испытав страха, не научившись его преодолевать. С этим он и обратился к своему непосредственному начальнику капитану госбезопасности Лавриненко. Тот долго смотрел на Саранова, которого ценил и уважал, и, вздохнув, согласился с его доводами.

Ранним утром следующего дня Виктор уже шёл в штыковую контратаку. Бой был скоротечный, злой и кровавый. Немцев остановили, но через полчаса десятки снарядов обрушились на позицию батальона, осколки косили бойцов, ещё не успевших отойти от штыковой.

Виктор запомнил всего себя, каждую клетку организма, напряженного как струна — только дотронься, и она лопнет. Ему казалось, что от внутреннего напряжения он сам может взорваться. Только после того, как убил первого неприятельского солдата, что-то внутри переключилось, и он громко закричал. А до этого бежал молча, крепко держа в руках винтовку, и почему-то очень боялся её выронить. Виктору казалось, что он кричит не «ура», а только один звук: «а-а-а-а!!!» Скорее всего, так и было, но этот звук постепенно перерос в злобную матерщину, которая выплеснулась при первом же контакте с противником. Только мат, хруст, удары и крики слышал он в своём первом штыковом бою, перешедшем в короткую кровавую и ожесточённую рукопашную.

Виктору повезло: за десять долгих дней на передовой его не только не ранило, но даже не поцарапало. Зато теперь он знал, что такое первый бой. И как трудно в нём выдержать, не согнуться, встать и идти. Огромных усилий воли стоил ему первый бой и, особенно, штыковая атака.

Пройдя и испытав состояние человека, идущего на смерть, Виктор понял, что лишь теперь он получил моральное право спрашивать с других. Как он потом заметил, ему стало значительно легче в работе. Саранов каким-то внутренним чутьём того, первого, боя стал отсекал труса от случайно оступившегося в бою. Теперь он чувствовал и знал, что оступить мог любой солдат в любом, даже и не в первом бою. И он, начальник отделения особого отдела корпуса, обязан это понять и вовремя остановить нависшую над человеком опасность ненужного наказания.

Через две недели после боевого крещения Саранову вручили медаль «За отвагу» – его первую боевую награду на этой войне.

Автобус остановился, и небольшая группа особистов одной из дивизий корпуса, попрощавшись, вышла. Километров через десять сошел и Саранов; свернув в сторону, направился в расположение своего отделения.

Утром, едва Виктор приготовился к очередному опросу окруженцев, его срочно вызвали к начальнику особого отдела корпуса.

Саранов вошел в кабинет Лавриненко и даже не успел доложиться по форме.

– Заходи, заходи, Виктор Иванович, – Лавриненко разбирал бумаги, – противник может прорвать нашу линию обороны. Приказ командующего армией: подготовиться к передислокации. Наш отдел переводится в село Васильково. Твоя задача, Саранов, доставить документы отдела к новому месту расположения. Помещения и охрана там, на месте, подготовлены. Машина загружается. Выезжаешь прямо сейчас. С тобой поедет боец, снайпер.

Лавриненко несколько секунд помолчал, читая какую-то бумагу, затем продолжил.

– Знаю, что по инструкции с тобой должно быть не менее трёх человек. Но их у меня нет. Понял, Виктор Иванович? Если понял, выполняй.

Во дворе трое бойцов загружали полуторку. Рядом стоял молодой красноармеец. Саранов подошел, боец вытянулся и представился.

– Красноармеец Молодец! Это фамилия у меня такая – Молодец, – уточнил он, не дожидаясь вопроса.

– Надеюсь, что не только фамилия, – слегка улыбнулся Виктор.

Минут через двадцать погрузка закончилась, ящики накрыли брезентом. Молодец закинул в кузов вещмешок, осторожно поставил свою снайперскую винтовку и, легко перепрыгнув через борт, уселся на ящик. Саранов устроился рядом.

Грузовик медленно тронулся и, постепенно набирая скорость, выехал на большак. Двигались с максимальной скоростью на восток, к месту нового расположения штаба корпуса.

Часа через полтора грузовик нагнал большую группу беженцев. Рядом Саранов увидел нескольких военных. Чуть в стороне – четверо красноармейцев, все с оружием. Перед ними – молодой командир. Виктор не мог различить петлицы на его гимнастерке. Командир что-то громко говорил,

держа пистолет в левой руке, а правой размахивал, как бы сверху вниз разрезая воздух. За ним стояли три красноармейца, видимо, из его отряда.

Медленно подъехав как можно ближе, водитель остановил машину и Саранов услышал отдельные слова молоденького командира: «Дезертиры, ... ваша часть..., расстрел, ...оборона». Виктор понял, что тот останавливает неорганизованно отступающих и пытается их собрать для формирования новых подразделений. Вдруг один из четверых неожиданно резко вскинул винтовку и выстрелил в командира, который медленно стал оседать на землю. Дезертиры бросились бежать к близкому лесу. Красноармейцы опомнившись, стали стрелять по убегавшим. Но то ли от волнения, то ли от неожиданности никто из них не смог попасть.

Саранов выхватил пистолет и дважды выстрелил. Одного ранил, видимо, попав ему в ногу. Второй завалился на бок и затих. А Молодец тем временем спокойно взял свою винтовку, обмотанную лоскутами от маскхалата, развернул её, приложил к плечу. Делал он это неторопливо и четко. Слегка пошевелил плечом, как бы прилаживая приклад. Раздалось подряд два выстрела. Тот, кто убил командира и бежал первым, упал вперёд, как будто его сзади чем-то ударили. Второй сделал два шага и медленно повалился на бок.

Саранов посмотрел на своего бойца и тихо сказал:

– Молодец, товарищ Молодец!

Он никак не отреагировал на похвалу. Неторопливо сел на ящик, разрядил винтовку и отвернулся в другую сторону, как будто ничего особенного не произошло.

Виктор подозвал к себе красноармейцев, назначил одного старшим и приказал доложить их командованию. Немного помолчав, добавил.

– Похороните лейтенанта. И не забудьте взять у него все документы. Передадите своему командиру, когда вернетесь в часть. Того дезертира, что в поле орёт, доставить в часть, в особый отдел.

– Всё, поехали, – крикнул он водителю.

Машина тронулась, подпрыгивая на небольших ухабах, объезжая ямы и редкие группы беженцев.

– Молодец, красноармеец Молодец, – Виктор ещё раз похвалил молодого снайпера, – сам-то откуда будешь?

– Из Сибири.

– И как зовут?

– Тимофей.

– До войны чем занимался?

– Охотился.

– А в армию добровольцем пошел или призвали?

– Нет.

– Что значит «нет»? Добровольцем или призвали?

– Отец послал.

– Значит, добровольцем, – как бы удовлетворенно сказал Виктор.

– Нет! – возразил боец. – Отец послал.

– Ну, отец так отец. А фамилия-то откуда такая пошла?

– Дед получил.

– И как же? – с интересом спросил Виктор.

– А дед, когда медведя заваливал, говорил сам себе: «Ай, да молодец!».

После таких «многословных» ответов Виктор решил его больше не беспокоить.

Часа через два въехали в Васильково – большое село, широко раскинувшееся, с высокой красивой церковью в центре. Машина остановилась у одного из домов. Виктор услышал зычный голос заместителя Лавриненко, отдававшего какие-то распоряжения.

– А, Саранов! Прибыл? Сейчас пришлю бойцов, чтоб разгрузили машину. А ты направляйся во-о-н к тому дому. В нём и будете работать. И большой сарай рядом есть, как на прошлом месте, как раз пригодится для ваших «питомцев».

Саранов наскоро пообедал и устроился в новом кабинете. Работы предстояло много, надо четко отфильтровать опрашиваемых: выявить предателей, диверсантов, изменников, агентов и передать их в трибунал; определить командиров и бойцов, в силу различных обстоятельств оказавшихся в окружении либо отставших, и направить в воинские части. В этой кропотливой фильтрационной работе особисты не имели права на ошибку. Ни в ту, ни в другую сторону.

Виктор привычно вел опросы. Тридцать седьмой за прошедшие сутки опрошенный красноармеец вышел из кабинета, и Саранов убрал со стола документы, записи, бланки. Усталость валила с ног, глаза слипались. Виктор надеялся, что через полчаса доберётся до топчана, поспит хотя бы несколько часов, а ужинать решил не ходить – только спать, спать, спать, иначе завтра ему не продержаться.

Так прошёл ещё один день войны – не самый тяжелый и не самый кровавый.

II. Младший лейтенант госбезопасности САРАНОВ.

За «языком»

Утром Виктор заглянул в кабинет Пахомова, с которым учился на курсах и пришел на службу в особый отдел корпуса. Леонид, низко наклонив белобрысую голову, старательно писал что-то стареньким царапающим пером.

– Привет, летописец!

– О, Виктор! – искренне обрадовался другу Пахомов.

– Что нового-то?

– Да пока тебя не было, новичок наш, сержант Говоров, шпиона расколос!

– Как это у него получилось? – живо заинтересовался Виктор.

– Да, понимаешь, всё вроде бы как всегда. Ну, мужик как мужик. В гимнастерке, в обмотках, в ботинках. Когда к нам попал – винтовку сдал. Всё

стандартно, на вопросы отвечает без запинки; по нашим данным, всё совпадает. И тут Говоров замечает, что щетина-то у него двух, максимум трёхдневная. А по его рассказу получается, что блуждал он по лесам восемь дней. Сержант и стал расспрашивать: где ночевал, кого да что видел, то да сё. А потом как гаркнет неожиданно: ты где позавчера брился? А у того аж челюсть отвисла. Сначала пытался что-то промямлить, вопроса-то такого никак не ждал. И понял, что влип. Ну, а дальше сам понимаешь, всё как требуется. То да сё, вопрос–ответ. В общем, сегодня в трибунал отправили. Там определятся. Вот такие у нас новости, Виктор свет Иванович.

– Ну что ж, не такие уж и плохие. Ладно, я пошёл работать. А ты пиши, пиши, ...то да сё, ...писарь! – шутливо ответил Виктор.

День ото дня окруженцев становилось всё больше. Сотрудники особого отдела корпуса вели опросы практически круглые сутки. Времени на сон с каждым днем оставалось всё меньше, усталость накапливалась непрерывно.

Ранним утром Саранова вызвали к начальнику особого отдела корпуса. Шагая по тропинке, он думал о тех сложностях, с которыми столкнулись он и его коллеги. Десятки, а порой и сотни людей в день попадали к ним. Но документы, если и были, то только у гражданских лиц и у среднего и старшего командного состава. А красноармейцы и младший комсостав документов вообще не имеют: еще весной сорокового года зачем-то отменили красноармейские книжки для действующей армии.

«А теперь поди разбери: кто перед тобой? Нет возможности узнать даже самое простое: имя, фамилию, отчество, не говоря уж о воинской части», – Виктор раздраженно отмахнул ногой высокую травинку, будто она была виновата во всех этих несуразностях.

«Если это враг, дезертир или уголовник, так он наплетёт тебе с три короба! А как проверить? Воинский учёт из рук вон плох, да в этих условиях и не мудрено. В общем, что-то узнать об окруженце – это даже не проблема, это практически невозможно. И немцы это прекрасно знают и с успехом пользуются!» – Виктор всё жестче шагал по тропинке, словно хотел сапогом вдавить в неё эти тяжелые думы.

«Хорошо, что в середине июля стали формировать заградгруппы. И правильно, что в них направили оперативных работников. У них хоть какой-то опыт оперативной работы есть. А то кто раньше проверял беженцев и окруженцев? Да такие же красноармейцы – ни опыта, ни знаний. «Споёт» им завербованный песню о жизни тяжёлой, повздыхают оба, да ещё и самокруточку вместе раскурят, Гитлера поругают, и пойдут каждый в свою сторону. А потом..., то склад подожгут или взорвут, то командира убьют, то ещё что. Нет, всё-таки правильно сделали, что оперативников в заградгруппы отправили», – на этой утешающей мысли тропинка свернула к дому, в котором располагался особый отдел корпуса.

В кабинете Лавриненко были начальник армейской разведки корпуса майор Коломиец и ещё двое: командир взвода разведчиков, которого Виктор когда-то встречал, и незнакомый молодой лейтенант.

– Разрешите войти, товарищ капитан государственной безопасности?

– Заходи, Виктор Иванович! Вот наши коллеги. Просят им помочь, – начал без вступления Лавриненко, – Прекрасно понимаешь, как нам нужен «язык». Разведка сделала несколько попыток. К сожалению, неудачных: группы не вернулись. Скорее всего, погибли. Две другие группы ходили, но безрезультатно. Они уже не могут, выдохлись. Надо помочь! Готов?

– Так точно.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился Лавриненко к командиру взвода разведчиков, – обрисуйте лейтенанту Саранову обстановку, покажите на карте: что да где. Дайте всю нужную информацию. И вы также, – Лавриненко строго посмотрел на второго лейтенанта.

В течение получаса Виктору рассказывали о состоянии немецких ближних тылов, о неудачных вылазках разведгрупп и о возможных причинах их провалов. Виктор задал несколько вопросов, одновременно прикидывая ход выполнения задания. Он как бы со стороны смотрел на свои дальнейшие действия.

– Всё ясно, товарищ капитан госбезопасности. А с кем я иду?

– Разведка даёт двух человек. Ребята шустрые и хваткие, но без опыта. Так, немного, их поднатаскали, но в операциях пока не участвовали. Извини, Виктор Иванович, других нет. Сержант, – громко крикнул Лавриненко, – заводи ребят!

В комнату вошли двое. Оба молодые, подтянутые, в новеньких, видно только что выданных маскхалатах, с автоматами ППШ.

– Красноармеец Колесников, – представился старший, даже и не крупный, а просто огромный, почти под два метра ростом.

Саранов сразу узнал его. Именно этого красноармейца из окруженцев он пару недель назад рекомендовал оставить во взводе при особом отделе корпуса.

– Красноармеец Быков! – лихо представился молодой, едва ли девятнадцатилетний, жилистый и крепко сбитый.

«Таких в народе живчиками зовут», – глядя на него, подумал Виктор.

– Вот ваша армия, Виктор Иванович! Если вопросов нет, можете идти. На подготовку сутки. После того как полностью подготовитесь, можно отдохнуть. А то ещё уснёте во время задания, – понимая состояние Саранова, улыбнулся Лавриненко.

Сутки пролетели быстро, но им удалось выкроить почти пять часов для сна.

Ночью перешли линию фронта. Благополучно. Немцы их не засекли.

Почти сутки группа ползала, искала подходящего «языка». Взять его в сложившихся условиях, когда немцы чувствуют себя хозяевами положения, – задача крайне сложная. Но им повезло: взяли фельдфебеля, и теперь это «везение» надо было сохранить.

Ветер гнал облака с запада и, наконец, закрыл ярко светившую луну. «Снова удача. Весь день удачный, не сглазить бы, – подумал Виктор, медленно ползя по траве, – до наших окопов метров триста, не больше. Немец попался тихий, или Колесников его крепко придавил? Ребята его тащат, а он даже ногами помогает, не рыпается».

Взмыла осветительная ракета, и почти сразу же ударила длинная пулеметная очередь. Все притаились, пригнули головы. Они привыкли к частым очередям. Раньше думали, что немцы бережливы, а оказалось – нет, в первую очередь осторожны, отпугивают нас.

«Что-то длинновата очередь, засекли что ли? ...Нет, тихо! – Виктор пополз дальше, – Надо бы добраться до тех кустов, а то не дотащим, вон сколько до нас ребят полегло. Фельдфебель, конечно, не офицер, но что-то наверняка знает».

Силы были на исходе. А до кустов оставалось метров двадцать. Ещё немного – и можно хоть чуточку отдохнуть. Время тянулось и тянулось. Но вот и кусты! Всё, отдых.

За кустами и ложбинка оказалась. Опять повезло. Немца втащили. Лежит, тихий, только глазёнками вертит. Ребята устало улыбнулись Виктору.

«Считаю до тридцати – и вперёд», – сказал сам себе Виктор и начал отсчёт.

Вылезли из ложбины. Поползли, но явно быстрее, нервы были на пределе. Всё, засекли! Немцы всполошились. Ракеты, одна за другой, взвились в темноту. Один, второй, третий – начали бить пулеметы по нейтральной полосе.

До своих оставалось совсем немного. Главное, чтобы нервы выдержали, не вскочить, не кинуться бегом. Сколько так погибло ребят! Ещё немного, ещё совсем немного. Наши огнём не прикроют: не могут, патронов и снарядов мало. Вся надежда только на себя.

Пятнадцать метров, десять, пять ..., рывок – и в траншее. Саранова сразу подхватили, он даже не успел упасть на дно. Быстро обернувшись, помог втащить «языка». Немца увели.

Саранов присел в траншее, рядом привалились Колесников и Быков. Усталость слегка отодвинулась, уступив место другим чувствам. Эта их первая вылазка через линию фронта, да ещё за «языком», закончилась не только благополучно, но и удачно, весьма удачно!

– Вот сейчас отпишу отчёт о вылазке и отдохнем, – мечтательно произнес Виктор, – если дадут, конечно. Но ведь должны дать! Почти сутки на брюхе проползали. Всё, отдышались, пора на доклад.

Траншея долго петляла, но вскоре появился проход, который вёл к лесу, в сторону от передовой. Через несколько десятков метров траншея закончилась, и Виктор с удовольствием распрямился во весь рост: здесь, за кустами и деревьями, их уже не видно. Пошли спокойным шагом, не спеша, да идти быстро и сил не было.

Вот и землянка комбата. Капитан Лавриненко встал навстречу разведчикам.

– Товарищ капитан государственной безопасности! Задание выполнено, «язык» захвачен и доставлен в наше расположение. Потерь в группе нет. Командир группы младший лейтенант государственной безопасности Саранов, – четко доложил Виктор.

– Спасибо, ребята, спасибо! – Лавриненко по очереди обнял разведчиков, – Виктор Иванович, пиши отчет, а я пока потолкую с твоими бойцами.

Саранов пристроился на неизвестно откуда взявшемся в комбатовской землянке колченогом венском стуле. За свою недолгую чекистскую жизнь он составлял немало отчетов и особых трудностей не испытывал, зная, на что нужно обратить основное внимание. Однако в этом, первом о захвате «языка», отчете ему вдруг захотелось написать, как геройски вели себя ребята, что думали, какими мыслями и предложениями делились. Но правила этого не допускали. Нужны были сухие и четкие факты, цифры, координаты, хотя при этом требовалось описать и индивидуальные особенности поведения каждого члена группы. Именно в этой части Саранов мог дать некоторую волю своим эмоциям.

Виктор завершил отчет. Краем глаза он увидел, что и Лавриненко закончил беседу с ребятами. Не задавая, казалось, конкретных вопросов, узнал от них практически всё: кто и как себя вёл в немецком тылу, какие были ситуации, как они их разрешали.

Лавриненко мгновенно пробежал текст глазами. У него была поразительная способность быстро читать и схватывать суть любого документа. Многие сотрудники откровенно завидовали этой, столь нужной всем им способности.

– Отлично! Коротко и ясно. Можете идти отдыхать, Виктор Иванович, а завтра с утра ко мне, – капитан, явно довольный работой разведчиков, доброжелательно улыбнулся.

Саранов, Быков и Колесников вышли из землянки и спокойным шагом направились к штабу корпуса, поблизости от которого находилось их временное пристанище.

На улице было темновато, луна оставалась за облаками. Но теперь-то она уже могла бы освещать им дорогу! Что было хорошо за линией фронта, здесь воспринималось как досадная помеха. Тропа всё же виднелась, и ребята прибавили шаг, торопясь выиграть больше времени на отдых. А спать теперь, когда всё осталось позади, вымотанным и перенервничавшим разведчикам хотелось до невозможности.

Часа через полтора они, наконец, вошли в свой небольшой бревенчатый сарайчик.

Быков повесил автомат на гвоздь и, не раздеваясь, упал на деревянный топчан, покрытый чем-то наподобие матраца.

– Отставить, товарищ красноармеец, – резковато сказал Виктор, – привести себя в порядок, почистить обмундирование! А потом можно и отдыхать.

Быков с неохотой поднялся. Приведя одежду в порядок и сложив в угол маскхалаты, ребята быстро улеглись и мгновенно уснули. Виктору показалось, что Саша стал всхрапывать раньше чем его голова коснулась того, что считалось подушкой. «Как хорошо, что я тогда встретил Александра Колесникова, – снова порадовался Виктор, – и как хорошо, что теперь он рядом».

В первых числах июля Александр вышел из окружения. Да и в окружении-то они были меньше суток. В той суматохе, которая царила почти

по всей линии фронта, это было делом нехитрым – оказаться в окружении. Где-то помыкались по лесам, провели три скоротечных боя, половина красноармейцев вернулась в свою часть с немецкими винтовками и автоматами. Колесников уже тогда проявил смекалку и не растерялся: догадался, что, вернувшись, сможет передать немецкие документы – не ахти, может, какой и важности, но всё же. Он забрал у убитых ими немцев все бумаги, какие нашлись, и во время беседы с Виктором передал их ему. Правда, особой ценности они действительно не представляли, но подтверждали уже имевшуюся информацию, а это все-таки чего-то стоило.

Саранов сразу отметил личные качества и способности Колесникова: быстрая реакция, смелость, отличная память. Александр достаточно подробно описал всё, что видел у немцев, даже сосчитал количество орудий и танков в тех местах, где они прошли незамеченными или провели скоротечные бои. Виктор тогда же обратился к Лавриненко с просьбой оставить Колесникова в распоряжении особого отдела корпуса, но его направили во взвод разведчиков.

Благодарно улыбнувшись судьбе за Сашу Колесникова, Виктор сладко потянулся и, расслабившись, мгновенно заснул.

Первым проснулся Колесников, его разбудили звуки недалёких взрывов и пулеметных очередей. Прислушиваясь, поднял голову и Саранов. Быков даже не пошевелился.

Вскоре стрельба утихла. Александр поудобнее устроился на топчане, надеясь ещё вздремнуть. Виктору тоже не хотелось вставать, но мысли, тяжелые, постоянно возвращающиеся к одному и тому же, не давали покоя.

До начала войны Саранов, да и не только он, никак не мог предположить, что начнётся такая сумятица. Никакой чёткости; в военной среде временами паники больше, чем организованности. В условиях хаотичного отступления работа особистов оказывалась не просто невероятно объемной, но – особенно – непомерно ответственной. Постоянное нервное напряжение: не пропустить врага, но и не осудить стгоряча невинного,

давило непрерывно, не давало расслабиться даже тогда, когда можно было отдохнуть.

С соседнего топчана слышалось басистое ворчание Колесникова.

– Ну что, встаём? – спросил Виктор.

– Да уж не заснуть, встаём, – ответил Александр и быстро вскочил. Зачем-то размял уши, как будто он сейчас выйдет на борцовский ковёр.

Виктор взял полотенце, бритву, мыло, вышел и застыл на пороге. Так ясен, тих и умыт был лежащий перед ним мир, что Виктор даже зажмурился, не веря глазам и ушам. Но секунда светлой тишины прошла, и война вернулась всеми своими звуками...

Подошёл Александр, и они отправились к березке с умывальником. Заботливый старшина прикрепил к дереву два зеркала, шутливо объяснив, «что этим он способствует быстрейшему умыванию и тем самым увеличению коэффициента оперативности подразделений».

Умывшись, вернулись. Быков проснулся и сидел на топчане, задумчиво разглядывая босые ноги.

– О чём задумался, детина? – спросил Виктор.

– Да он ещё и не проснулся, Виктор Иванович, – улыбнулся Александр.
– А, Никола?

– Нет, проснулся. Вспоминаю.

– А что вспоминаешь? Расскажи! – заинтересовался Александр.

– Да вот, вспоминаю. Когда я был маленький и зимним утром просыпался, мама надевала мне тёплые носки, гладила по голове, целовала и вела в ванную комнату, – немного стеснительно ответил Николай.

– Одним словом, студент-интеллигент! А у меня в деревне не было никакой ванной комнаты. Давай вставай, носочки одевать тебе ни я, ни Виктор Иванович не будем. Иди, шагай в ванную – она около берёзы, – добродушно посмеиваясь и одновременно одеваясь, проворчал Александр.

Деланно вздохнув, Быков слез с топчана и неторопливо вышел. Через несколько минут он весело вбежал, чуть не ударившись о притолоку.

Аккуратно повесив полотенце на гвоздь, Николай стал быстро одеваться. Ловко намотал портянки, сунул ноги в сапоги; надел пилотку и бодрым голосом доложил:

– Товарищ младший лейтенант государственной безопасности, красноармеец Быков к выполнению очередного задания готов!

– Молодец, товарищ красноармеец! – улыбаясь, похвалил Виктор, – Ваше задание – быстро позавтракать, – он указал на стол, куда Александр уже выложил хлеб, консервы и свежий зелёный лук, приготовленный для них заботливым старшиной, – Кипятка нет, долго за ним бежать, так что запьёте водичкой.

Через десять минут группа, взяв оружие, быстрым шагом отправилась к начальнику особого отдела корпуса капитану государственной безопасности Лавриненко.

III. Младший лейтенант госбезопасности САРАНОВ.

Новое задание

Особый отдел корпуса помещался в большом, не по-деревенски просторном, доме. Часовой Саранова узнал, но пароль спросил. Виктор ответил и вошёл. Колесников и Быков остались ждать на улице.

Дежурный помощник поздоровался и несколько суетливо произнес: «Подожди минутку. У нас сам начальник особого отдела фронта». И, одёрнув гимнастёрку, вошел в кабинет. Вернувшись, сказал: «Через десять минут приедет майор Коломиец, и оба пойдёте». И машинально, как часто бывает от волнения в присутствии высшего начальства, предложил: «Покури пока», хотя знал, что Виктор не курит.

Саранов вышел на крыльцо. Через десять минут к дому подъехал мотоцикл с коляской. Едва он остановился, из коляски молодцевато выпрыгнул майор Коломиец и, поздоровавшись на бегу с Сарановым, вошёл в дом. Виктор зашел следом. Помощник распахнул перед ними дверь кабинета.

За большим столом, кроме Лавриненко, расположились начальник особого отдела фронта старший майор госбезопасности Кравцов и еще несколько человек. Некоторых Виктор знал – это были армейские разведчики.

– Во-первых, спасибо за «языка», – Лавриненко широко улыбнулся Саранову. – Мы его, пока вы отдыхали, допросили. Фельдфебель твой оказался из штаба батальона, знает немало. И мы получили много нужной информации, и в штабе армии порадуются. Есть решение представить вас к наградам!

– Служу трудовому народу! – отчеканил Саранов, встав по стойке смирно.

– Садись! Мы с коллегами из разведки разрабатываем одну операцию.

– Я назначен её куратором, – в разговор вступил Кравцов, – руководителем определен капитан госбезопасности Лавриненко; непосредственно проводить операцию будете вы, младший лейтенант госбезопасности Саранов. Об участии разведки корпуса майор Коломиец уведомлен.

Кравцов поочередно внимательно посмотрел на каждого.

– Операция очень сложная, – он помолчал и медленно повторил, – Очень сложная. Потребуется на неё, по нашим предварительным расчётам, не меньше недели.

Начальник особого отдела фронта неторопливо чётко изложил общую задачу: вывести с оккупированной территории за линию фронта воспитанников и сотрудников специального детского дома. Саранов внутренне ахнул. Он знал, что работать придется за линией фронта, был готов к любому заданию: добыть документы, выкрасть кого-нибудь значимого, но дети..., детский дом... Это – нереально, невысказано, невозможно. А Кравцов всё так же неторопливо излагал основные позиции операции. Значит, это – возможно. И Виктор внимательно слушал, вдумываясь в каждое слово Кравцова.

– Один из важнейших факторов, – вступил в разговор майор Коломиец, – линия фронта. Основная задача требует, чтобы ты, Виктор Иванович,

вышел обратно в конкретном месте в конкретное время. Мы определим эту точку и это время.

– Присоединяйся, Виктор Иванович, будем вместе думать, – Лавриненко развернул на столе карту.

Он ясно, лаконично изложил основные положения плана. Приступили к обсуждению. Все предложения подробно анализировали, детально рассматривали возможные варианты и их результаты. В итоге был проложен основной маршрут с указанием ключевых точек, на которые следовало выходить в определенное время; это позволяло рассчитывать время прибытия в конечную точку.

– Теперь о возвращении, – Кравцов слегка подвинул карту к Саранову, – Мы стоим здесь. Корпус будет держать оборону до последнего. Ждём вас вот в этих точках. Если потребуется, поддержим ружейным и артиллерийским огнём. Если вы опоздаете, то стоящая здесь дивизия может оказаться в окружении, но уже вместе с вами. Этого допустить нельзя. Никак нельзя!

– Я понимаю, сделаем всё возможное.

– И невозможное, – жестко добавил Кравцов, – надо сделать всё.

– Есть, товарищ старший майор государственной безопасности.

Лавриненко сообщил дополнительное задание.

– Вот здесь находится мельница, – он указал место на карте. – Мельник наш человек, обеспечивает связь организованного в городе подполья с Центром. Но в настоящее время рации у них нет, и сведений от них нет. Вашей группе предстоит доставить мельнику рацию. Без этого дополнительного задания вы смогли бы дойти до объекта быстрее, но у нас нет возможности направить ещё одну группу. А мельник – опытный, хорошо знает местность, может быть вам полезен. Некоторые вопросы операции, в частности, материальные и организационные, а также пароли, вам сообщат.

Лавриненко помолчал, словно давая возможность запомнить сказанное.

– Всё, товарищи командиры, спасибо, – он скупой улыбнулся и продолжил, – Остался кадровый вопрос. Людей нет. Точнее, нет профессионально подготовленных. Мы просто не успеваем их готовить. Потери среди спецов огромны. Поэтому можем дать вам, Виктор Иванович, только одного классного специалиста. Это прикомандированный к нам на некоторое время помощник командира взвода морской пехоты главный старшина Полозов. Он имеет опыт работы в условиях финской кампании. Назначен вашим заместителем. Полозов человек сложный, бескомпромиссный, прямой и жесткий, но у него есть серьезная подготовка и боевой опыт, а это многого стоит.

Лавриненко помолчал и обратился к Саранову.

– У вас, Виктор Иванович, есть предложения по составу группы?

– Есть, товарищ капитан государственной безопасности. У меня просьба: нельзя ли Колесникова и Быкова привлечь к этой операции? Ребята прошли проверку и получили опыт, я видел их в деле, понял их и могу положиться.

– Хорошо. Направьте ребят к капитану Скворцову. Он знает, чему должен их обучить. Я потом с ним переговорю и подготовлю письменный приказ, – Лавриненко сделал пометку в блокноте.

– Товарищ Саранов, – Кравцов внимательно посмотрел на Виктора, – рекомендуемых людей для выполнения операции недостаточно. Можем дать ещё двоих. Есть кто на примете?

– Есть, товарищ старший майор государственной безопасности.

– Кто?

– Снайпер Молодец.

Кравцов и Лавриненко переглянулись. Пауза затянулась. Виктор ждал ответа и не мог понять, что же вызвало такую реакцию.

– Дело в том, товарищ младший лейтенант государственной безопасности, – медленно, видимо, ещё не совсем определив, что именно можно сказать, начал Кравцов, – относительно красноармейца Молодца у нас

несколько другие планы. Он включен в сформированное специальное подразделение.

Кравцов помолчал, обдумывая ситуацию.

– Но опыт решения задач в тылу противника ему будет полезен. Виктор Иванович, можете взять Молодца. Сегодня же его к вам направят. Ещё кто?

– Красноармеец Скоробогатов. Я его опрашивал, но в окружении он не был. По воинской специальности связист, немного разбирается в радиосвязи. Думаю, он вполне сойдет для этой операции.

– У него есть опыт ведения боя на территории противника?

– Нет, товарищ старший майор, но я в нём уверен.

– Хорошо. Радист группе нужен, а их у нас мало. И пусть Скворцов поработает со всей группой. Хотя бы несколько дней, – Кравцов обернулся к Лавриненко, – у вас нет возражений, Николай Павлович?

– Никак нет.

– Будем считать группу сформированной. И последнее. Через пять дней, ночью, корпус оставляет свои позиции. Мы отступаем на двадцать километров. Немца нам не сдержать. А потому, чтобы не оказаться в окружении, будем отходить. Это приказ командующего фронтом. Наши новые рубежи будут здесь, – Кравцов показал на карте новую линию обороны. – Это и усложняет и одновременно упрощает в некоторой степени нашу задачу. Корпус отойдёт, а ваша группа, Виктор Иванович, останется здесь, в этом лесу. Место для вас найдено и готовится, – Кравцов вопросительно посмотрел на Коломийца. Тот утвердительно кивнул.

– Всё нужное уже подвезли: продукты, боеприпасы, необходимое снаряжение, рации для группы и для мельника сегодня доставят.

– Хорошо. Вопросы есть? Если нет, можете идти, – и негромко добавил, – Удачи тебе, Виктор Иванович!

Саранов вышел из дома. Колесников и Быков ждали у крыльца; на напряженных лицах тревожный вопрос: что с нами?

– Вот что, дорогие мои однополчане, вам надлежит идти к капитану Скворцову из корпусной разведки. Он будет вас кое-чему учить. Пойдёмте, по дороге доскажу.

Александр и Николай подстроились под его шаг и зашагали рядом, готовясь внимательно слушать и запоминать.

– Значит так, Скворцов сначала проверит вашу общефизическую подготовку. Думаю, здесь у него к вам вопросов не будет. Потом станет определять ваши некоторые способности: реакцию, сообразительность, умение обращаться с оружием, холодным в том числе. Так что старайтесь! Удачи вам!

– Виктор Иванович! А после Скворцова, после занятий с ним, к вам вернуться? – спросил Быков, словно был уверен, что испытания, которые им устроит Скворцов, они пройдут с честью.

– Ко мне. Идите, готовьтесь к новому заданию, впитывайте всё, чему будет учить Скворцов. Это спасет не только ваши жизни!

Думая о своём, Саранов пошёл в сторону большого сарая, бывшего раньше, до войны, колхозным сеновалом. Сейчас в нем содержались вышедшие из окружения красноармейцы и беженцы, по разным причинам задержанные армейскими патрулями или пришедшие сами.

Виктор шёл по тропинке, протоптанной ещё до войны. Видимо по ней бегали мальчишки на речку. Какая летом здесь благодать: тепло, вода в речке чистая, прозрачная. Купаться в ней – одно удовольствие. Но Саранов не видел ни уютной тропинки, ни речки, да и жары не чувствовал. Он всё ещё находился там, в кабинете начальника особого отдела корпуса, и мысли о новом задании были тревожные, тяжелые. Задание по-прежнему казалось ему каким-то почти нереальным, хотя Виктор знал, что Лавриненко всегда тщательно планирует и проводит подготовку. И сейчас Саранов, пока шёл, думал о своём начальнике – Николае Павловиче Лавриненко, капитане государственной безопасности.

Капитан Лавриненко для этого звания был относительно молод: ему только два месяца назад исполнилось тридцать четыре года. Молва

утверждала, что его отец и старший брат служили со времен гражданской войны, а то и раньше, в Генеральном штабе армии и занимались военной разведкой и что семья его дворянского рода. Но об этом знающие люди старались помалкивать.

Для Саранова Лавриненко был непререкаемым авторитетом и в профессиональных делах, и в обыденной жизни. Почти всё, что разрабатывал капитан госбезопасности, осуществлялось чётко и в срок. Конечно, случались и неудачи. Но после них обязательно проводился тщательный анализ, который всегда показывал, что некоторые ошибочные решения принимались из-за дезинформации, спускаемой сверху без права на сомнения в чём-либо. Но операции, организованные в полном объёме самим Лавриненко, проходили блестяще. Об этом свидетельствовали и два ордена, которыми он был награждён: Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Лавриненко гордился этими наградами и носил их всегда, когда был в военной форме.

Окруженцы, дезертиры, самострелы и прочие, с кем приходилось работать его подчиненным, интересовали капитана госбезопасности лишь согласно должностным обязанностям в соответствии с последними приказами военного времени – и не более того. Лавриненко явно отдавал предпочтение разработке и реализации различных разведывательных и контрразведывательных мероприятий, требовавших серьёзного творческого и аналитического подхода. Над операциями, которые он проводил, работал очень скрупулезно, давая всегда чёткие и ясные поручения подчиненным. Но при этом каждое формулировал так, чтобы по ним нельзя было даже приблизительно определить общий замысел всей операции. Виктору ещё до войны приходилось несколько раз выполнять подобные задания. И бывало, что через несколько дней Лавриненко, когда они оставались вдвоем, скупно, но искренне благодарил за выполненную работу.

Саранов знал, был уверен, что Лавриненко и эту операцию подготовит тщательнейшим образом. Но представить, как он, младший лейтенант госбезопасности Саранов, всего с пятью бойцами, не имеющими никакого разведывательно-диверсионного опыта и почти необстрелянными, будет

несколько дней вести по тылам противника сто детишек, да ещё каких-то особых, Виктор не мог. Пока не мог.

IV. Оберштурмбанфюрер СС ШЕФФЕР.

Берлин

Оберштурмбанфюрера СС Вальтера Шеффера пригласили на прием к начальнику Третьего департамента РСХА, так аббревиатурой обозначалось название Главного управления имперской безопасности. Вызов к столь могущественному человеку в иерархии СС и Национал-социалистической рабочей партии Германии означал, прежде всего, новое задание – серьезное, значимое, перспективное.

Шеффер вошёл в кабинет, приветствуя его хозяина традиционным «Хайль Гитлер!»

– Здравствуйте, – просто ответил группенфюрер СС Олендорф, – Прошу вас, друг мой, присаживайтесь, разговор у нас будет долгий, а как говорят русские, «в ногах правды нет». Вы же знаете русский язык?

– Да, владею свободно. Русские отмечают, что акцента практически нет.

– Отлично! На территории бывшей Советской России нам нужно провести ряд мероприятий. Одно из них связано с обеспечением биоматериалом наших медицинских исследований. Подобные операции вы уже проводили на освобожденных европейских территориях.

Генерал помолчал и, не ожидая реакции Шеффера, продолжил.

– Но эта часть задания для нас не главная и не основная. Перед РСХА и Анэнэрбэ¹ поставлены конкретные задачи. Исследования научных подразделений этих структур должны быть направлены на решение вопросов расы, на проблемы физического развития и здоровья нации, задач общего и военного образования, разработки нового вида транспорта и вооружения, а также магические и целебные свойства растений, произрастающих на

---

¹ Так во внутреннем обиходе кратко именовалась организация «Научное общество по изучению духовной истории «Германское наследие предков».

освобожденных территориях. Как вы понимаете, это исследования системные.

Олендорф вышел из-за стола, жестом остановил встающего Шеффера, подошел к нему и положил руку на плечо, подчеркивая важность сказанного.

– Шеффер, вам предстоит поехать в Россию – изучить и отобрать результаты научных биологических и медицинских исследований, проведенных русскими. По нашим сведениям, они занимались изучением проблем, близких некоторым интересам Анэнэрбэ: вопросы долголетия, здоровья нации, детской патологии и другими. Это – ваша основная задача и она – часть общего дела. Подробнее о каждой его составляющей скажут руководители групп сегодня на совещании, которое я назначил на двенадцать часов. Там вы получите всю основную информацию. Объем и сложность предстоящих задач вам понятны?

Олендорф внимательно посмотрел в глаза своего соратника по партии и СС.

– Да, группенфюрер. Я готов выполнить это задание и сделаю всё, чтобы приблизить нашу Великую победу.

– Я не сомневался в тебе, Вальтер, – генерал назвал Шеффера по имени, демонстрируя свое личное к нему отношение, выходящее за рамки служебные и партийные, – Совещание пройдет в большом зале Управления правопорядка и государственного строительства. Присутствовать будут и наши сотрудники, и сотрудники Анэнэрбэ. Какие есть вопросы ко мне?

– Кто определен ко мне заместителем: сотрудник вашего учреждения или из нашего ведомства?

Генерал слегка улыбнулся, медленно прошелся по кабинету и остановился напротив Шеффера.

– Заместителей вам назначено два. По основным научным вопросам – штурмбанфюрер СС Шнайдер. Вы ведь вместе учились в Медицинской академии СС?

– Да, в одной группе. А до этого – в Мюнхенском университете, но на разных факультетах. Мы хорошо знаем друг друга.

– А второй – ни из нашего учреждения и ни из вашего, как вы выразились, ведомства. Есть ещё одно «ведомство» – серьезное и значимое. Как вы знаете, с тридцать седьмого года по решению фюрера в нашем Отечестве создаются Школы подготовки жен для членов СС, освобожденных работников нашей партии и офицеров вермахта.

Шеффер не только знал об этих школах, но в одной из них проводил занятия по основам медицинской подготовки и прочитал курс лекций по генетике. Это была первая такая школа, открытая под Берлином на берегу озера Ваннзее.

– Кстати, – продолжал генерал СС, – неоднократно хотел спросить, почему вы не создаёте семью? Понимаю деликатность вопроса, но ведь вы прекрасно знаете, что Генрих, – Шеффер понял, что речь шла о Гиммлере, – не одобряет, когда ходатайствуют о человеке, не имеющем семьи.

Олендорф положил руку на плечо Шеффера и продолжил чуть более тёплым тоном.

– Вальтер, почему бы тебе не приглядеть в этих школах для себя будущую жену? Все, кто там учится, стопроцентные арийки, здоровые, физически и психически крепкие. Они получают прекрасную разностороннюю подготовку: помимо твоей любимой генетики и медицины им преподают учения о расах, политологию, историю, риторику и, конечно же, основы ухода за детьми, домоводство и светские манеры. Как на это смотришь, Вальтер?

– Благодарю, группенфюрер, за товарищескую заботу. Я непременно об этом подумаю.

– Я эти слова, Вальтер, воспринимаю как согласие, – Олендорф улыбнулся, убрал руку и перешел на деловой тон.

– Вторым заместителем вам выбрана достойная кандидатура – серьезная молодая женщина, курирующая работу этих школ и успешно справляющаяся со многими другими сложными задачами. С личным делом Евы Байер вас ознакомят в кадровом департаменте РСХА. До встречи, оберштурмбанфюрер, – генерал подал Шефферу руку, прощаясь теплее, чем

это принято в официальных стенах, – После выполнения задания, я полагаю, смогу поздравить вас с новым званием и новой должностью. Я верю в тебя, Вальтер.

Шеффер поблагодарил Олендорфа, четко развернулся и вышел из кабинета.

До начала совещания оставалось немного времени, и Вальтер зашёл к своим коллегам, с которыми в разное время работал, поговорить о ходе начавшейся военной кампании против СССР, обменяться мнениями и информацией.

Точно в указанное время Шеффер вошёл в большой зал управления. Количество присутствующих его удивило. Место каждого было определено заранее, и молоденький унтершарфюрер СС, зарегистрировав Шеффера, проводил его к креслу. Соседями оказались руководители и ведущие сотрудники различных подразделений РСХА.

Открыл совещание штандартенфюрер СС Даниэльс: «Наш фюрер и рейхсфюрер СС Гиммлер предписали нам обеспечить быструю и молниеносную победу над большевизмом. Мы должны сделать всё, чтобы победоносный вермахт в самое кратчайшее время разгромил армию большевиков. Задачи отдельных подразделений РСХА и Анэнэрбэ совпадают и дополняют друг друга. Мы, все присутствующие здесь, – соратники по СС и потому должны объединить наши усилия во имя победы над врагом! Рейхсфюрер разработал план проведения операции под кодовым названием «Полынь». От РСХА операцией руководит группенфюрер Олендорф. От Анэнэрбэ координирует нашу совместную работу штандартенфюрер Мильке. Непосредственно реализует выполнение первостепенных задач на освобожденной от большевиков территории оберштурмбанфюрер СС доктор Шеффер».

Даниэльс кратко и четко обозначил главные задачи, стоящие перед управлениями РСХА и Анэнэрбэ, и предоставил слово руководителям различных подразделений и отделов.

Одним из них был гауптштурмфюрер СС Элих. Основная тема его выступления – новые интересные и перспективные исследования в изучении психических отклонений и причин этих патологий. Элих особо подчеркнул, что для таких работ необходимо большое количество свежего и разнообразного биологического материала. Доклад гауптштурмфюрера как бы подвел итог проведенным за последние годы работам, в которых Шеффер не только принимал участие, но и был руководителем некоторых направлений.

Последующие выступления нескольких сотрудников РСХА не вызвали у Шеффера особого интереса, да и то, о чём они говорили, не было напрямую связано с поставленными перед ним задачами.

В конце совещания выступил начальник отдела мировоззренческого воспитания Управления образования и воспитания штурмбанфюрер СС доктор Энгель. В основном он говорил о необходимости сбора всей информации, касающейся всех возможно проводимых в России исследований в области телепсихических явлений и парапсихологических способностей. Такого рода исследования официально были запрещены в Германии, но ведь речь шла о работах русских ученых. Шеффер понял, что в этой области, как и в его исследованиях, граница между «нельзя» и «можно» весьма расплывчата.

Совещание закончилось. Шеффер урегулировал в канцелярии все организационные и кадровые вопросы, получил нужные указания, конкретные поручения и проездные документы для поездки в Россию.

Но увидеться со своими заместителями он не смог. Ева Байер уже уехала в Россию, чтобы к приезду Шеффера собрать необходимую информацию и организовать общее направление работы. А штурмбанфюрер СС Шнайдер находился в командировке в Кёнигсберге и должен был вернуться сегодня к вечеру.

Германа Шнайдера Вальтер прекрасно знал ещё по Мюнхенскому университету. Они обучались на разных факультетах, но часто встречались и много времени проводили в общих компаниях: Герман учился в одной группе

с Мартой Вебер, первой любовью Вальтера. А сейчас Герман был в Кёнигсберге – в городе, с которым у Шеффера так много связано.

Вальтер бывал в Кёнигсберге несколько раз. Впервые – в тридцать первом году, когда приехал с Мартой, чтобы познакомиться с её родителями и старшим братом Карлом и просить руки возлюбленной. Но семья Вебер категорически не принимала политические позиции национал–социализма и запретила Марте брак с Шеффером. В конце тридцатых годов он трижды приезжал в Кёнигсберг по делам службы. К тому времени Марта, окончив медицинский факультет, вышла замуж за лейтенанта–подводника, у них родились две девочки. Но Вальтер не встречался с Мартой и её семью не видел.

Последний раз Шеффер приехал в Кёнигсберг в марте сорок первого года. К тому времени в жизни Марты многое изменилось. Родителей она похоронила ещё до начала польской кампании тридцать девятого года; муж погиб летом сорокового, когда подводная лодка подорвалась на английской mine. И рядом с Мартой по-прежнему оставался только старший брат Карл, главная её опора и главный противник Вальтера.

Но сейчас соотношение сил складывалось совершенно иначе, нежели десять лет назад. Для оберштурмбанфюрера СС Шеффера майор Вебер, ведущий патологоанатом Кёнигсбергского военно-морского госпиталя, не мог быть хоть сколько-нибудь серьезным противником. И Вальтер специально задержался на сутки, чтобы увидеться с Мартой.

Ожидание этой встречи волновало Шеффера. Вспоминалась молодость, их первые поцелуи и объятия, их безрассудность и нежность, их боль и горечь расставания. Где-то в глубине души он сентиментально надеялся, что теперь, при изменившихся обстоятельствах, их первая любовь оживет, хотя может быть и не так, как в молодости.

Просторный двор и сад – знакомые, покинутые им словно совсем недавно. Вальтеру казалось, что он вернулся в дом, оставленный только вчера, а не десять лет назад. И в этот момент на высоком крыльце появилась Марта – красивая стройная женщина со знакомой до боли теплой улыбкой.

Взгляды Марты и Вальтера встретились. И он понял, что все эти годы, несмотря на то, что сходилась со многими женщинами, внутренне ждал именно этой встречи, до конца не веря в её возможность. Вальтер словно потерял ощущение времени. Он так же, как десять лет назад, стоял перед Мартой, слегка опустив кружащуюся от её синих глаз голову. И Марта с первых мгновений поняла, что опять, как и в молодости, произвела на Вальтера неотразимое впечатление. «Ведь он так и не женился, – подумала она. – Как мне рассказывали, он занимается научной работой в педиатрии, значит, любит детей. А мои Эльза и Анна такие милые и очаровательные, они наверняка понравятся ему».

Карл Вебер, не сумев отговорить сестру от этой встречи, присутствовать на ней отказался. И Вальтер сразу почувствовал себя легко и свободно. Он непринужденно прошелся по дому, с удовольствием похвалил его и достал подарки. Развязав ленты на большой коробке, вынул маленький бархатный футляр и, щелкнув замочком, протянул Марте. На бирюзовой подушечке светились изящные золотые серьги.

Марта подняла на него благодарный и нежный взгляд: когда они были молоды, Вальтер обещал подарить ей такие серёжки в день помолвки. Но помолвка не состоялась. Как тогда думала Марта, политика разрушила её возможное семейное счастье. Прошло десять лет. Вальтер снова в её доме. Он в форме офицера СС, принадлежит к новой политической элите, к власти; крепко и надежно стоит на ногах. И этот подарок означает, что он все-таки любит её, помнит о её желании и о своём обещании.

Они долго смотрели в глаза друг друга. Шеффер первым отвел взгляд и спросил о детях. Марта быстро вышла и вскоре вернулась с дочками.

Две очаровательные девочки, одетые в одинаковые темно-синие платья с белыми кружевными воротничками, с одинаковыми аккуратными прическами казались зеркальным отражением друг друга. Но Шеффер сразу заметил различие: ему по роду своей работы приходилось часто иметь дело с близнецами. Фюрер поставил задачу увеличения в Германии количества рождающихся детей, с этой целью стали изучать причины многоплодия, и

Шеффер активно занимался такими исследованиями. При этом факт, когда у абсолютно одинаковых детишек был разный цвет глаз, как у детей Марты, означал «брак» в арийской породе, поскольку в идеале нужны были голубые или серые глаза, но никак не карие.

Шеффер пристально вглядывался в девочек, совершенно забыв, где и с кем он сейчас находится. Девочки, в свою очередь, внимательно рассматривали нового гостя, и это вернуло его к реальности. Вальтер тепло улыбнулся, достал из коробки две красивые куклы и подал их сёстрам. Шеффер профессионально умел располагать к себе детей с первого слова, и девочки открыто улыбнулись ему, элегантно сделали книксен.

Марта была счастлива: Вальтер и дочки понравились друг другу, и это открывало прекрасные возможности. Но для Шеффера романтичность встречи оказалась полностью заслонена профессиональным интересом. Он давно искал для своих исследований, но не мог найти именно таких двойняшек. Продолжая теплую и даже нежную беседу, Шеффер мысленно быстро решал, кому поручить это деликатное дело: как можно скорее и как можно бесследнее увезти девочек в Берлин.

Шеффер изящно завершил встречу: никаких обещаний, но и никаких разочарований. Просто встретились друзья молодости, теперь у каждого своя жизнь, и как уж там, в дальнейшем, сложится – время покажет.

Карл Вебер, опасавшийся встречи сестры с Шеффером, успокоился. Но через несколько дней неожиданно пропали девочки. Полицию подняли на ноги, даже выделили солдат, однако многодневные поиски оказались безрезультатны, не удалось обнаружить ни малейших следов. Постепенно розыски прекратили, и только Карл упорно продолжал искать племянниц. Прошло три месяца, через своих коллег-медиков в Берлине Карл узнал о существовании неких закрытых лабораторий, занимающихся исследованиями близнецов. Но это были, скорее, слухи – глухие, невнятные, опасливые. Карл сумел найти адрес Шеффера и написал ему, смутно надеясь на помощь. На третий день Шеффер позвонил со словами сочувствия и уверениями, что ни о каких специальных лабораториях в Берлине не известно. А еще через два дня

Карл Вебер был совершенно неожиданно отправлен на фронт. Поиски девочек полностью прекратились.

«Да, – подумал Шеффер, – для меня Кёнигсберг навсегда останется городом неудачной любви и удивительной, удачной находки. Результаты обнадеживают. И у Германа есть новые данные. Надо позвонить ему, поторопить. Хоть один свободный вечер будет полностью наш».

Вальтер с удовольствием ждал встречи с Германом Шнайдером. Они почти не виделись со дня окончания Академии СС, но достаточно хорошо знали о некоторых работах друг друга. А сейчас оба почувствовали себя просто однокурсниками – давно не встречавшимися и потому искренне радующимися и друг другу, и тому молодому, беззаботному, что связывало их, и предвкушению приятного, хоть и очень краткого, отдыха.

V. Капитан СКВОРЦОВ.

Учебно-диверсионное отделение

Колесников и Быков направились к постройкам на краю села, где размещалось хозяйство капитана Скворцова.

О самом Скворцове они почти ничего не знали. Александр мельком слышал о том, что капитан готовит разведчиков для всего корпуса, но только для специальных операций, и пользуется у разведчиков огромным авторитетом. Николай знал ещё меньше, но это не мешало им почти все время дороги бурно обсуждать обстоятельства, с которыми они могут столкнуться.

Учебно-диверсионное отделение капитана Скворцова располагалось на небольшом хуторе, отстоявшем от остальных домов села метров на триста. Местность вокруг была неровная, с оврагами и холмами. На подходе красноармейцев встретил часовой, строго спросивший пароль. Колесников назвал пароль, который им передал Виктор.

– Проходите, – ответил часовой, подозрительно их осматривая.

– А где можно найти капитана Скворцова? – спросил Александр, – Нам к нему приказано прибыть.

– Вон за тот дом зайдите и его увидите. Не ошибётесь – невысокий такой, бритый наголо. Увидите! – уверенно сказал часовой, подчеркивая свои знания и свою значимость в этом тайном хозяйстве.

Быков это понял, слегка улыбнулся и хмыкнул, опустив голову так, чтобы часовой не заметил его улыбки. А Колесников невозмутимо зашагал в указанном направлении.

Капитан Скворцов объяснял что-то двум бойцам, стоявшим перед ним без пилоток и ремней. Колесников и Быков строевым шагом подошли к капитану. Александр, как старший, по-уставному обратился:

– Товарищ капитан, красноармейцы Колесников и Быков прибыли в ваше распоряжение по приказу майора Коломийца.

– Подождите, – резко бросил Скворцов и, даже не повернув в их сторону головы, негромко продолжал давать наставления.

Капитан Скворцов был невысок ростом, худощав, жилист, внешне медлительный. Он стоял без головного убора, без ремня, в старенькой гимнастерке. На ней – ни орденов, ни медалей, ни одного хоть какого-нибудь значка. Колесникову и Быкову капитан показался каким-то очень уж будничным, гражданским, скорее похожим на молодого инженера, чем на специалиста по диверсионно-разведывательной работе.

Через некоторое время Скворцов отдал команду и указал рукой направление, в котором красноармейцы побежали. Проводив их взглядом, капитан обернулся и внимательно осмотрел вновь прибывших.

– Ну, что, явились, не запылились, – не очень доброжелательно проворчал он, – зачем пришли?

– Товарищ капитан, приказ майора Коломийца нам передал младший лейтенант государственной безопасности Саранов, – немного растерянно ответил Колесников.

– Знаю, знаю. Что умеете делать?

– В смысле? – спросил уже Быков.

– Ну, драться-то хотя бы умеете?

– Мы в деревне частенько, бывало, дрались с мужиками. По-свойски, конечно, – моментально среагировал Колесников, расправляя грудь перед капитаном. Стоя рядом с ним, он выглядел, как говорил Саранов, «трехстворчатым шкафом с пивными кружками вместо кулаков».

– Ну, а вы, боец, – капитан повернулся к Быкову, – дрались с мужиками в деревне?

– Я вообще-то из города, но бывало, – ответил, несколько замешкавшись, Николай.

– Давай, бей! – приказал капитан, вновь обратившись к Колесникову.

– Кого? – не поняв команды, переспросил Александр.

– Меня. Бей в голову, в лицо!

– Прямо сейчас?

– Нет, завтра! Бей давай!

Александр снял с плеча автомат, положил его на землю и, размахнувшись, ударил. Он даже не понял, что сделал капитан, но всей своей огромной массой по инерции пробежал три-четыре шага и упал, уткнувшись лицом в землю. А капитан как стоял на месте, так и остался стоять. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Хватит валяться, вставай, – довольно грубо сказал Скворцов. – Бей меня ногой! Бей, говорю!

Опешивший Александр поднялся, размахнулся, как мог, правой ногой и, целясь капитану в пах, уже со злобой ударил. Нога его полетела вверх, а он упал навзничь, достаточно сильно ударившись о землю. Всё произошло мгновенно и, казалось, совершенно без какого-либо участия Скворцова.

– Вставай! – каким-то даже неприятным, как показалось Быкову, голосом, сказал капитан, – Отставить, боец! А теперь ты! – Скворцов ткнул пальцем в Быкова.

Николай, увидев, что сделал капитан с огромным Колесниковым, внутренне засомневался в своих возможностях, но замахнулся и ударил. Кулак пролетел всего в сантиметре от головы Скворцова, а Николай почувствовал какой-то лёгкий толчок в спину и упал, успев только выставить

вперед согнутые руки, чтобы не разбить лицо. Он не стал дожидаться команды, вскочил и набросился на капитана; размахнулся, вкладывая всю силу, чтобы нанести сокрушительный, как ему казалось, удар. Мимо! Опять удар – и опять мимо! Но капитан не сбивал солдата с ног, позволяя снова и снова целиться в голову, в туловище, пытаться ударить его руками, ногами. Николай начал входить в раж, азарт брал своё. Он бил, не получая ответа; падал, спотыкался, но стремление сбить капитана с ног поднимало его и упорно толкало вперед. Вдруг капитан без всякого напряжения, легко отпрыгнул в сторону метра на два.

– Отставить! – резко скомандовал Скворцов и продолжил: – Будем работать. Времени у нас в обрез. Многому не научу, но кое-чему – да. Я посмотрел на некоторые ваши способности. Исходя из них, составим план вашей подготовки. За линией фронта были?

– Так точно! – ответил Колесников таким тоном, как будто это было для них будничным делом.

– Успешно?

– Взяли «языка», ... фельдфебеля, – гордо сказал Александр.

Капитан ничего не ответил и пошёл в сторону дома, бросив через плечо: «Ждать здесь!».

– Ну и силён мужик! А с виду так себе, даже хиловатым показался, – восхищенно выдохнул Александр.

– Да уж, ничего не скажешь. И как это он? Я ни одного движения не заметил. А как он тебя? А?

– А тебя?! Летал, как муха над навозом!

– Сам ты муха, – совершенно не обидевшись, ответил Николай.

– Ладно. Давай присядем, отдохнем. Что он там ещё для нас приготовил, интересно?

Прошло минут двадцать, и к ним подбежал сержант.

– Идём, вас ждёт капитан Скворцов, – сказал он, резко повернулся и добавил: – Бегом, у нас шагом не ходят! Увидит – выгонит!

Ребята вскочили и побежали.

Войдя в дом, Колесников доложил:

– Товарищ капитан, красноармейцы Быков и Колесников прибыли по вашему приказанию.

– Заходите, – Скворцов, не отрываясь, писал. – Садитесь и ждите, – кивнул в сторону стоявших напротив табуретов.

Через несколько минут капитан поднял голову, внимательно посмотрел на бойцов и негромко сказал:

– Я составил для вас программу на эти дни. Начнём работать. Всё запоминать, как «Отче наш», от этого будет зависеть ваша жизнь. Программа состоит из нескольких блоков. Во-первых, общефизическая подготовка. Многого мы за эти дни не добьёмся, но нужные мышцы разработаем, будут эластичные. Во-вторых, маскировка на местности. В-третьих, ориентирование в лесу. В-четвертых, способы передвижения. В-пятых, приемы рукопашного боя. В-шестых, огневая подготовка. И последнее – владение холодным оружием, и не только ножом, а ещё и лопатой, топором, другими подручными средствами как оружием. Но всё это касается только азов. Ясно?

– Так точно, товарищ капитан! Всё ясно, – ответил за двоих Колесников.

– Сейчас начнём с огневой подготовки. Пока свободны, а я скоро подойду.

Александр с Николаем поднялись и бегом, насколько позволяли размеры помещения, направились к выходу. Капитан посмотрел им вслед с легкой ухмылкой.

На крыльце Николай задумчиво протянул.

– Погоняет, видать, нас капитан за эти денёчки.

– Да уж, не сомневайся, – согласился Александр.

Через несколько минут вышел капитан, а за ним – знакомый сержант с двумя автоматами и небольшим вещмешком на плече.

– Автоматы возьмите, – Скворцов глянул на новичков, – а их автоматы, сержант, проверить и подготовить.

Красноармейцы едва успели обменяться оружием.

– Бегом, марш! – приказал Скворцов и, не поворачиваясь, махнул рукой, указав направление движения.

Колесников и Быков сорвались с места и помчались к стрельбищу. Там стояли три деревянных стола, сколоченных из необструганных досок, поодаль – мишени.

Капитан взял бинокль, обернулся к Александру и Николаю.

– Мишени находятся в пятидесяти метрах. Начнём стрельбу из автоматов, одиночными. По пять выстрелов, стреляете одновременно: нужно привыкать к стреляющему рядом. Время для стрельбы десять секунд. Приготовились, огонь!

Так начались многочасовые изнурительные, тяжелые занятия. Вскоре к ним присоединились Молодец и Скоробогатов.

Стрельба, овладение приемами рукопашного боя, опять стрельба, использование подручных средств в рукопашной схватке, скрытое передвижение, ориентирование, опять рукопашный бой, и снова стрельба. К концу тренировок, которые продолжались по шестнадцать, а порой, если что-то не ладилось, и по восемнадцать часов, бойцы ног под собой не чувляли.

Особое внимание капитан уделил бегу. Длительные тренировки исключались из-за отсутствия времени, но теоретические рекомендации, какие-то объяснения он дать успел.

– Бег в разведке имеет большое значение. Со всех сторон. Даже убежать от врага надо уметь. И это не проявление трусости. Это нужно, чтобы остаться в живых, и в итоге выполнить задание.

Скворцов объяснял и показывал, как нужно бегать по пересеченной местности, как ставить ногу, как правильно преодолевать неглубокие водные преграды, как бежать по мягкому или скользкому грунту.

– При длительном беге почти всегда наступает состояние, когда не хватает воздуха. Легкие «горят», дыхание кажется невозможным. Это называется «мёртвой точкой». Выход из нее: замедлить бег или перейти на быструю ходьбу, но лучше, конечно, заставить себя продолжать бежать.

Только не останавливаться! Надо немного времени, и включится второе дыхание. На втором дыхании можно уйти очень далеко. Главное – пройти «мёртвую точку».

Теперь группе Саранова стало понятно, почему ученики Скворцова всегда передвигались только бегом. Они использовали все возможности и каждую минуту для обучения правильному бегу и закреплению этих навыков.

На третий день утром к дому Скворцова с максимальной для деревенской дороги скоростью, поднимая за собой высокие клубы пыли, мчался мотоцикл начальника армейской разведки корпуса. У крыльца мотоцикл резко остановился, из коляски выскочил майор Коломиец.

– Палыч! – закричал он с порога, – Андрей Палыч, ты здесь?

– Здесь я, здесь, Что случилось? Пожар что ли? Или, может, война началась? – хмуро отозвался Скворцов.

– Палыч, у нас серьёзная проблема. По тылам корпуса болтаются диверсанты на грузовике. У них 120-миллиметровый полковой миномет на колесном ходу, два мотоцикла с пулеметами. Не исключаю, что пулеметы есть ещё. Все одеты в красноармейскую форму. По нашим сведениям, они двигаются сюда, к штабу корпуса.

– Это точно? – спокойно спросил капитан.

– Всё точно. Они уже три дня у нас в тылу. Мы их давно ищем. Сначала они перерезали телефонные провода. Связистов погибло очень много. Связи с дивизиями и с полками не было несколько часов. Комкор в бешенстве.

– А откуда у них столько обмундирования и наша техника? – не слушая эмоциональных речей майора, спросил Скворцов.

– Палыч, ты меня удивляешь. Сколько складов оставили, с собой не взяли и не уничтожили. Вот тебе и оружие, и обмундирование, и всё что хочешь, включая водку и харчи. Для немецкой разведки полное раздолье. Правильно делают особисты, что «копают». Приказы по армии и по фронту на уничтожение складов в случае отступления, были? Были! Почему не выполнили? Трусы потому что, скажу я тебе, шкуру свою спасали, – Коломиец матерно выругался, – не знаешь на кого и положиться!

– А кто-нибудь их видел? Ошибки нет? А то помнишь, две недели назад своих постреляли.

– Нет, Палыч, ошибки нет. Два связиста пошли восстанавливать телефонный кабель и увидели их «в деле».

– Точнее!

– А эти подонки расстреляли санитарные машины с ранеными. Ни врача, ни медсестер не пожалели. Всех, Палыч, всех до одного....

Коломиец опустил голову, сжал кулаки и, замолчав, присел на стоявший рядом стул.

– А где комендантский взвод, остальные? Где те, кто должен охранять штаб корпуса?

– Да какой, к черту, комендантский взвод, Палыч?! Их всего-то реально набралось восемь бойцов.

– А чего их так мало?

– Так кто где! От тех, что положено по штату, всего половина, да и часть их в двадцать третий полк с замкором уехали: там в одном батальоне случилось серьёзное ЧП. Вот и вся «армия».

– Да-а-а, не густо, – протянул Скворцов и тихо, почти не слышно, выругался. – Ладно, постараемся повоевать.

– Ты уж постарайся, Палыч! Уж постарайся, – в голосе майора отчетливо звучали просительные нотки. Он вздохнул, провел рукой по лицу, и другим, деловым тоном продолжил.

– Дай карту. Вот отсюда они приедут. Часа через два.

– Это что, ...прямо из нашего тыла? – удивленно переспросил Скворцов.

– Из нашего, Палыч, из нашего. Смотри дальше. Вот здесь штаб корпуса. Здесь река, они пойдут открыто, через мост. На мосту бой вести нельзя, можем его разрушить. А вот сюда мы соберём средний начсостав штаба. Какое вооружение у них, сам знаешь. Какие штабисты вояки, тоже знаешь. Хотя и среди них есть храбрые ребята. Но пистолетом против автоматов с пулемётами много не навоюешь. А вот здесь будет стоять

комендантский взвод, точнее то, что от него осталось. Если ты не справишься, то они должны будут их удержать, пока помощь придёт. А где её взять, помощь эту? Только с фронта снять! А кто это разрешит? То-то и оно...

Сколько сейчас у тебя бойцов, Палыч?

– Я..., – начал медленно Скворцов, о чём-то раздумывая.

– Да уж понятно, что ты. Ещё-то кто?

– Я ду-ма-ю..., – несколько растяжно ответил Скворцов, – не мешай.

– Давай думай быстрее, – поторопил его майор, – так кто у тебя есть?

– Всё те же, сам знаешь. Я, мой сержант, лейтенант Дронов, двое новеньких, что ты прислал, да четверо лавриненковских. Вот и вся моя «гвардия», – подытожил капитан.

– Да-а, не густо. Но это же бойцы, Палыч!

– Не преувеличивай, майор! Когда, говоришь, немцы будут здесь? Часа через два?

– Это максимум. А может и раньше, но не намного. В общем, Палыч, давай. Часа полтора у тебя есть, это точно. А я поехал. Комендантских нужно проинструктировать и расставить по местам. Давай, Палыч, давай, родненький.

Коломиец быстро вышел из дома, запрыгнул в коляску, что-то сказал водителю, и мотоцикл резко сорвался с места.

VI. Капитан СКВОРЦОВ.

Бой с диверсантами

Капитан Скворцов приказал сержанту немедленно привести всю группу, занимавшуюся с лейтенантом Дроновым.

Через три минуты бойцы выстроились перед капитаном. Он начал говорить немного официально, без эмоций.

– Товарищи красноармейцы, враг проник в наш тыл. Двигается в расположение штаба корпуса. Его задачи: уничтожить командование корпусом, внести панику и хаос в управлении войсками, подготовить условия для наступления врага основными силами. Наша задача: уничтожить

диверсантов. Все они переодеты в красноармейскую форму, передвигаются на нашем автомобиле и на двух мотоциклах. Ошибки нет.

Капитан помолчал, давая возможность своей «армии» осознать услышанное, и продолжил обычным деловым тоном.

– Сержант, всем выдать по два диска. Иметь ножи для возможной рукопашной. Приготовить каски. Мне – бинокль и две гранаты, одну – лейтенанту Дронову. Не забудь санитарную сумку и гуталин. Выполняй!

– Касок нет, товарищ капитан, – виновато сообщил сержант.

– Значит, будем воевать без касок, – совершенно равнодушно ответил капитан. – Через пять минут выступаем. Рекогносцировка на месте. Красноармеец Молодец, вы берете с собой свою винтовку. Красноармеец Рябов, вы остаётесь здесь, ваша задача – охрана нашего хозяйства. Разойдись!

Сержант принес и раздал автоматные диски. Через пять минут Скворцов скомандовал: «По одному, за мной, бегом марш!»

Бежал капитан легко, упруго, даже как-то весело. Бойцы старались подражать своему командиру, и через двадцать минут они были на месте. Скворцов обратился к бойцам. Он говорил спокойно, уверенно, так, словно всё заранее знал и давно готовился к этому бою, изучив окружающую местность вдоль и поперёк.

– Вот смотрите, бойцы, здесь дорога делает достаточно крутой поворот, и она отсечёт первый мотоцикл от остальных. Они не будут его видеть секунды три, может быть даже четыре.

Скворцов указал направление и ориентиры.

– Молодец, – обратился он к снайперу, – снимешь на этом мотоцикле пулеметчика и мотоциклиста. Остальные услышат, но не увидят. Значит, не поймут сразу, в кого и откуда стреляли. Выстрелишь, когда мотоцикл поравняется с сосной. Ясно?

Молодец кивнул.

– По всем немецким правилам, командир – в кабине грузовика. У тебя максимум две секунды, чтобы подготовиться и снять его. Без командира войско не войско. Остальными не занимайся, только в крайнем случае.

Молодец снова кивнул.

– Учти, Молодец, за стеклом машины рассмотреть его ты вряд ли сможешь: будут отблески от солнца. Приблизительно определишь, где он сидит, и бей. Попадешь обязательно, кабина маленькая. Действуй, я на тебя надеюсь.

Молодец опять молча кивнул. Капитан и не ждал от него уставного ответа «Есть!». Зная манеру красноармейца, мысленно махнул рукой на уставные правила. «Главное, чтобы справился!» – подумал Скворцов.

– Дронов, – обернулся он к инструктору, – твое место здесь. Задача: чтобы ни один не прошёл. Я буду на другом конце нашей цепочки – там, где заканчивается этот лесок.

Скворцов обратился ко всем.

– Смотрите: это самое удобное для нас место. После выстрела Молодца мы кидаем гранаты в машину. Затем все открывают огонь без команды, сразу после взрыва. Колесников, твой объект – второй мотоцикл: ни одного выстрела с его стороны. Делай что хочешь, но чтобы ни одного! Ясно? Все поняли?

И не дожидаясь ответа, продолжил.

– Если немцы будут отступать в ту сторону, – он показал рукой направление, – то ты, Дронов, отрежешь им путь. Если начнут отступать в этом направлении, – махнул рукой в противоположную сторону, – то я их возьму на себя. На вас, в лоб, они не пойдут. Сколько нас, они не знают, напролом не полезут. Если побегут в поле, там овраг, они наверняка о нём знают, туда и кинутся, попытаются уйти по оврагу. Задача: не дать уйти в овраг.

Внимательно оглядев выбранное для боя место, как бы ещё раз оценивая его, взвешивая все плюсы и минусы, Скворцов спокойно, как на обычном занятии, сказал:

– По плану у нас сегодня отработка приёмов маскировки на пересечённой местности. Начнём прямо сейчас. Оценку вам поставлю не я, а немцы. Будем считать, что для вас это вроде контрольной работы. Понятно?

И, снова не дожидаясь ответа, продолжил.

– Как говориться, маскировка – это хитрость и сноровка. Выбери место, посмотри на него как бы со стороны. Отойди на двадцать-тридцать метров, присмотришься, представь себя на этом месте, прикинь, что нужно сделать, чтобы слиться с ним. И учтите, враг в бинокль задолго начнёт разглядывать и изучать. Он ведь тоже понимает, что на этом участке дороги здесь – самое удобное место для нападения. Нельзя недооценивать противника, он умеет вести наблюдение, умеет метко стрелять и с большого расстояния, и не растеряется в боевой обстановке.

Скворцов немного помолчал, давая бойцам возможность осмыслить сказанное, и продолжил.

– Следующий момент, о котором должно помнить: оружие на солнце даёт блики. Всегда. Значит, нужно этому помешать. В данном случае – смазать стволы гуталином. Сержант, раздай гуталин и покажи, как надо.

Пока бойцы занимались маскировкой автоматных стволов, Скворцов быстро прошел вдоль линии засады. Вернулся, обменялся с лейтенантом несколькими короткими фразами и повернулся к бойцам.

– Сафонов, где выберете себе место для ведения огня вот в этом секторе. Определяйтесь, быстро!

Посмотрев по сторонам, оценивая местность и поставленную задачу, Сафонов ответил почти сразу же.

– Я бы выбрал здесь, товарищ капитан! – он указал на толстую сосну и два больших камня рядом с ней, – здесь я буду закрыт с трех сторон.

– Двойка, Сафонов. Это я ставлю. Немцы пулю поставят. Сафонов, сделай шаг влево и посмотри: вон там впереди две сосны, они значительно закроют тебе сектор огня, а ты для них будешь как на ладони. Думай, Сафонов.

– Скоробогатов! Ваше месторасположение здесь, – Скворцов отошёл в сторону метра на три-четыре.

– Вот ваш сектор огня, – капитан развёл руки, показывая направление ведения огня. – Где и как вы будете маскироваться? Быстрее думайте, времени нет!

Скоробогатов осматривался, перемещаясь в секторе, определённом Скворцовым. Наконец, выбрал место, указал его капитану, объясняя, почему, с его точки зрения, оно наиболее удобно для ведения огня.

– Хорошо. Как будете маскироваться?

– Сейчас найду где-нибудь березку, наломаю веток ....

– Какая березка?! Вы хоть одну метрах хотя бы в пятнадцати-двадцати видите? – и, не дождавшись ответа, сказал сам, – нет их в сосняке, до них ещё бежать и бежать! Думайте, боец, у вас пять минут.

Скворцов обернулся к Быкову, стоявшему в двух метрах от него.

– Быков! Идём, вот там твое место ведения огня. Как будешь маскироваться?

Быков отошел, прикидывая, как и чем сможет замаскироваться. Доложил о готовности.

Скворцов придирчиво обследовал маскировку Скоробогатова и Быкова, проверил на местах позиции каждого бойца. Убедившись, что они готовы к бою, капитан быстро спустился с пригорка и пошёл по дороге, на которой должны были появиться немецкие диверсанты. По его мнению, место для засады выбрано удачно: оно метра на три выше плоскости дороги, располагалось в том месте, где дорога делала довольно крутой поворот, и с него прекрасно просматривалось широкое пространство. Капитан отошёл от места засады метров на пятьдесят и долго рассматривал его в бинокль, стремясь увидеть погрешности в маскировке.

– Колесников, – громко крикнул, – ногу видно, ногу закрой. Хорошо, молодец, – помолчав, продолжил: – Скоробогатов, подвинься на полметра назад ...еще немного, ...хорошо, достаточно. Удобно? Вам ничего и нигде не должно мешать! Может, в подобной засаде часами придется лежать.

– Так точно, товарищ капитан, удобно, – ответил Скоробогатов через полминуты и, поёрзав, уверенно добавил: – Удобно.

Скворцов вернулся на горушку и не спеша, со знанием дела, принялся готовить свое место к бою. Закончив работу, взял бинокль, направил на дорогу. Минут через двадцать над ней появился столб пыли. До него было не больше двух километров.

– Внимание, приготовиться к бою, – громко приказал Скворцов.

Вскоре они отчетливо слышали шум моторов, колонна быстро приближалась.

Скворцов направил на колонну мощный цейсовский бинокль. Капитан самым внимательным образом вглядывался в лица сидящих на мотоцикле и в кузове машины: он определял их психическое состояние и готовность к бою. Способность видеть это и понимать Скворцов развил во время службы на Дальнем Востоке. Среди пленных японцев он нашёл выпускника знаменитого не только в Японии училища сухопутных войск – центра исследований методов рукопашного боя. Непросто было Скворцову добиться у руководства разрешения на право занятий с этим японцем, профессионально владевшим приёмами дзюдо и каратэ и обладавшим еще очень многими удивительными навыками. А когда всех пленных отправили в концлагерь, «его» японца оставили в их части под личную ответственность Скворцова. Он продолжал учиться у японского мастера, совершенствуя навыки. И как же часто потом он с благодарностью вспоминал этого учителя!

Вскоре и бойцы отчетливо увидели мотоцикл, а за ним новенький, словно только что сошедший с конвейера, ЗИС с прицепленным полковым минометом. Сзади ехал второй мотоцикл с пулеметчиком в коляске.

«Как будто элитное подразделение едет, – подумал Скворцов, – с начала июля таких не видно. Прокололись немцы. Коломиец не ошибся. Это точно немцы или кто там ещё».

До начала боя оставалось несколько минут.

Первый мотоцикл поравнялся с деревом, на которое Молодцу указал Скворцов. Тотчас раздался сухой звук одиночного выстрела, и пулеметчик уткнулся головой в пулемёт. Второй выстрел – и медленно повалился с мотоцикла водитель.

«Молодец!» – оценил Скворцов снайпера. Капитан краем глаза заметил, что переднее левое стекло кабины разбито, дверь не открылась. «Значит, Молодец опять молодец», – успел подумать капитан, и одновременно с лейтенантом бросил в грузовик гранату.

Ещё не взорвались гранаты, а Колесников уже дал короткую очередь по мотоциклисту, который, не растерявшись, попытался развернуться, но не успел – уткнулся головой в руль; двигатель тарахтел всей своей мощью. Пулеметчик сделал неуклюжую попытку выпрыгнуть из коляски, но очереди, выпущенные Колесниковым, заставили его пригнуться. Через секунду он все же еще раз попытался резко вскочить, но начал медленно заваливаться на бок.

Со всех сторон короткими и частыми очередями били автоматы, расстреливая оставшихся в живых и выпрыгивающих из кузова диверсантов. Они рассредоточились: кто-то бросился под машину, открыв огонь из автоматов, кто-то – в кусты, став хорошей и близкой мишенью. Небольшая группа, как и предполагал Скворцов, рванулась в сторону поля, к оврагу.

Продолжая стрелять, капитан увидел, что трое бегут в том направлении, за которое ответственным он назначил себя. Повернув автомат в их сторону, Скворцов нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. «Патроны кончились», – мелькнула мысль. Схватив приготовленные пистолеты, капитан бросился наперерез, держа перед собой руки «треугольником» и целясь через левый пистолет.

Убегающие, увидев его, на ходу стали отстреливаться короткими очередями. Расстояние между ними сокращалось. Но диверсанты вполне могли успеть добежать до оврага и скрыться. Тогда, не останавливаясь, Скворцов на бегу открыл огонь одновременно из двух пистолетов. После нескольких его выстрелов наступила тишина.

«Неужели всё закончилось?» – подумал Скворцов и обернулся назад, где совсем недавно шёл бой. Там было тихо. Капитан увидел, как его бойцы поднялись и стали выходить из леса. Скворцов расслабился, опустил руки, и, повернувшись, пошёл навстречу своим.

– Дронов, давай зеленую ракету! – твёрдым голосом крикнул он лейтенанту. Зелёная ракета означала, что бой закончен, диверсанты уничтожены.

– Убитые и раненые у нас есть?

– Только Сафонова немножко задело в руку, так, пустяки, – ответил лейтенант, вставляя патрон в ракетницу, – его уже перевязывают. Скоро заживет!

Ракета с шипением взвилась, хлопнула разрывом и двумя зелёными цепочками стала опускаться, медленно затухая.

– Всё равно это плохо: на несколько дней вышел из строя, – сердито рыкнул капитан, и, меняя тон, как-то совсем обыденно сказал: – Пошли, отдохнём и за работу.

Кивнул в сторону убитых и беззлобно добавил.

– А этих подберут без нас. Пусть комендантские поработают, хоть какая-то польза от них будет.

Скворцов потянулся, потряс уставшими руками, засунул пистолеты за ремень, проверил наличие ножа в голенище, взял из рук сержанта свой автомат, повесил его на плечо и пошёл к дому. Бойцы двинулись за капитаном.

Шли не быстро. Молчали. Навалившаяся после боя усталость, напряжение и волнение пока ещё не отпускали их. На это нужно было время.

Постепенно напряжение спадало, кто-то пошутил, все засмеялись, идти стало легче. Люди начали переговариваться.

Молодец догнал Скворцова, пошел рядом.

– Товарищ капитан, я видел, как вы стреляли разом из двух пистолетов, по тем, по убегавшим, – начал Молодец не свойственными ему длинными предложениями, – Это стрельба «по-македонски»? Я слышал о ней на снайперских курсах.

– Красноармеец Молодец, учитывая твое мастерство в бою, так и быть, расскажу тебе об этой технике, – с явным удовольствием ответил Скворцов.

Андрей Павлович чувствовал приятный подъем от успешно, можно даже сказать, прекрасно проведенной операции – операции, на подготовку к которой практически не было времени. Но его бойцы в этих условиях сработали безукоризненно, а сейчас ещё и молчун Молодец задал приятный для Скворцова вопрос.

Капитан был отличным специалистом, он любил свое дело и получал огромное удовольствие, когда подготовленная им операция давала такой блестящий результат; а ещё он симпатизировал тем, кто интересовался тонкостями этого дела, кто стремился стать профессионалом.

У самого Скворцова интерес к некоторым особенностям военного дела проснулся, когда он ещё мальчишкой прочёл неведомо как попавшую к нему книгу о японских «рыцарях плаща и кинжала». Играя со сверстниками в войну, Андрей стал учиться прятаться, бесшумно ходить и маскироваться. Ему это удавалось, и в таких играх он почти всегда выходил победителем.

Немного повзрослев, Андрей стал целенаправленно везде выискивать информацию, и когда находил что-нибудь интересное, полностью погружался в книгу. Мысленно «проигрывал» те или иные ситуации, запоминал, записывал, делал какие-то свои выводы. Ему было интересно всё, в том числе и меткая стрельба. Он не упускал ни одной возможности потренироваться в тире в парке около их дома. Кроме стрельбы, Андрею нравилось метание ножа. Это искусство Андрей освоил самостоятельно, выполняя различные упражнения, почерпнутые из книг.

В конце двадцатых годов при школе, в которой он учился, открыли несколько спортивных секций, в том числе по боксу и греко-римской борьбе. Андрей записался в обе и не пропускал ни одной тренировки. Этим увлечениям он отдавал всё своё время, оставляя для учёбы тот минимум, который позволял ему не скатываться к «тройкам».

Андрей был небольшого роста, щупловат, и это иногда делало его объектом насмешек одноклассников и мальчишек из соседних дворов. Но через год насмешки прекратились раз и навсегда. Андрей шёл домой через

парк; наперерез вышли трое подростков, увидевших, как им казалось, легкую добычу, но конфликт закончился очень быстро полной победой Андрея.

На следующий день к директору школы пришли с жалобой родители «потерпевшей стороны». Директор вызвал Андрея, и когда он увидел рядом трех крупных подростков и щупленького Андрея, то улыбнулся, легонько погладил его по белобрысой голове и сказал: «Так держать, Андрей Палыч!». С тех пор Андрей Скворцов получил совсем не детское прозвище «Палыч», которое сохранилось за ним навсегда.

После средней школы Андрей по комсомольской путёвке поступил в военное пехотное училище, успешно окончил его, получил направление на Дальний Восток, участвовал в боях на Халхин-Голе, был награжден орденом Красной Звезды и переведен в армейскую разведку.

Служба на Дальнем Востоке стала настоящей школой высокого профессионализма для Скворцова. Он участвовал в подготовке и проведении разведывательных и диверсионных операций, много читал специальной литературы о боевых искусствах. Именно тогда Скворцов, многому научившись и многое усвоив, стал одним из самых высокопрофессиональных специалистов в Дальневосточном военном округе. И именно там его командиром был Коломиец, тогда еще старший лейтенант.

Вскоре Коломийца перевели в Ленинградский округ. Ему удалось добиться перевода и для Скворцова. Андрей стал изучать другие виды единоборств, особо заинтересовался русским рукопашным боем. И хотя эти знания были почти утрачены, Скворцов, не без помощи Коломийца, сумел найти и специальную литературу, и мастеров, сохранивших приёмы и навыки русского рукопашного боя. К началу войны капитан Скворцов стал одним из ведущих специалистов и самым авторитетным наставником.

И сейчас он с удовольствием отвечал Молодцу, который нравился ему своим профессионализмом, выдержкой и, как оказалось, ещё и любознательностью.

– Так называемая стрельба «по-македонски», товарищ красноармеец, – начал Скворцов, – стала результатом изобретения пяти-шестизарядных

самовзводных револьверов Смита и Вессона. Раньше для скоростной стрельбы держали пистолет в правой руке, а левой быстро отводили курок. С появлением Смит-Вессона эта необходимость отпала, и левая рука оказалась свободной. А какое занятие своей левой руке может придумать профессиональный стрелок? Только одно: взять в левую руку второе оружие. Так появилась стрельба «по-македонски». И никто толком не может объяснить, почему она стала так называться. Считают, что этот способ пришёл из Европы, якобы из Македонии. Не знаю и не вижу никаких резонов так думать. Полагаю, и не без оснований, что такой способ связан с одним из наших выдающихся русских разведчиков, генералом и путешественником Пржевальским. Слышал о таком?

И не дожидаясь ответа, Скворцов продолжил.

– Скорее всего, по некоторым данным, именно он придумал такой приём стрельбы и разработал её технику. А техника такова, – капитан молниеносно выхватил пистолеты из-за спины, резко выкинув их вперед, и даже висевший на плече автомат нисколько ему не помешал. – Смотри, вот так! Это и есть «македонский захват». Я бы его назвал «захват Пржевальского», но не будем отвлекаться от сути. Смотри внимательно и слушай.

Скворцов демонстрировал приемы и одновременно объяснял почти каждое свое движение. Капитан говорил увлеченно. Его слушали все бойцы, но постепенно они замедляли шаг, отставали, давая себе возможность потихоньку отходить от напряжения боя. И только Тимофей Молодец шел рядом таким же упругим шагом, как Скворцов, уточнял детали и даже пробовал повторить некоторые движения капитана.

Тимофей любил оружие, любил стрелять, и ему хотелось всё время учиться чему-нибудь новому. Этот урок был просто сбывшейся мечтой, и у Тимофея полностью ушла усталость. Он ощущал почти такой же подъем, как и Скворцов; они понимали и чувствовали друг друга. Капитан радовался увлеченности ученика, а Молодец твёрдо знал, что он освоит стрельбу из

двух пистолетов, добьётся этого тренировками, какого бы труда и сил это ему ни стоило.

– Что, хочешь тренироваться в такой стрельбе? Вернёшься целым и невредимым, займёмся с тобой. Слово даю, – доброжелательно и с лёгкой, почти незаметной улыбкой, сказал Скворцов.

– Спасибо, – тихо ответил Молодец, – спасибо, товарищ капитан.

Подошли к дому. У крыльца, дожидаясь Скворцова, стоял красноармеец Рябов. Капитан, выслушивая на ходу доклад, вошел в дом. А Молодец, удобно устроившись на нагретом солнцем крыльце, остался ждать остальных.

VII. Оберштурмбанфюрер СС ШЕФФЕР.

Путь наверх

Встреча с Германом Шнайдером, приятелем университетской юности и сокурсником по Медицинской академии СС, увела Шеффера в не столь уж далекое прошлое. Но воспоминания о студенческой жизни быстро уступили место другим мыслям – о его пути в науку, профессию и политику.

Научным руководителем дипломной работы Вальтера Шеффера на биологическом факультете Мюнхенского университета был профессор Пауль Хайсмайер, давний и верный товарищ отца Вальтера, Августа Шеффера, полковника авиации в отставке.

Вальтер глубоко уважал профессора как ученого, восхищался им как преподавателем, любил как преданного друга их семьи. Хайсмайер, в прошлом военный летчик, часто бывал в доме Шефферов. Дружба Хайсмайера с Августом Шеффером и Германом Герингом, спасшими ему жизнь, началась в памятном всем троим тысяча девятьсот семнадцатом году. Герингу редко удавалось навещать друзей, но тем больше они радовались этим встречам, особенно, когда случалось собраться всем вместе. И тогда воспоминания друзей об их боевом прошлом вводили Вальтера в мир отважной борьбы за Родину, верности своему долгу, надежной мужской

дружбы и преданности своему делу, даже если пока это дело оказалось не на вершине.

Хайсмайер, вынужденный после тяжелого ранения оставить службу, сделал прекрасную научную карьеру. И его рассказы о биологии, о генетике, об изменении форм растений и животных увлекли Вальтера, повлияв на его выбор профессии. В университете Вальтер не просто проявил способности к научной деятельности, но обнаружил талант исследователя-аналитика и стал любимым учеником профессора Хайсмайера. Они вели долгие беседы о роли науки в жизни страны и государства, о праве ученого на эксперимент, о долге ученого перед своей, именно своей страной, об обязанности приносить благо своей родине любой ценой. Так шло становление личности Вальтера, формировалась его позиция ученого.

По рекомендации профессора Хайсмайера студент четвертого курса Шеффер был принят кандидатом в члены Национал-социалистической рабочей партии Германии, и в положенный срок получил все атрибуты принадлежности к партии Адольфа Гитлера. Почти одновременно Вальтера приняли кандидатом в СС; в течение года он носил звание анвертера, проходя обязательные физические и психологические испытания, тренировки и обучение. В этот период велась тотальная проверка его политических взглядов, расового происхождения, семейных связей. И когда кандидатский стаж истек, Вальтеру на торжественной церемонии присвоили, минуя первые чины, звание обершарфюрера СС.

Однако предложенная профессором Хайсмайером тема диплома «Биологические основы и их осмысленное применение для сохранения и приумножения германской крови» несколько озадачила Вальтера: работа над ней оказывалась, – с общепринятой точки зрения, – на грани морально допустимого. Но профессор спокойным и уверенным, как всегда, тоном сказал то, что Вальтер понял, принял и сделал своим руководством в работе не только над дипломом: «Мораль, коллега, это не закон Ньютона. Мораль, как и законодательство, меняется в зависимости от цели развития государства. И то, что сегодня кому-то кажется аморальным, завтра будет

высокоморально и востребовано в первую очередь. И я хочу, чтобы, когда наступит наше завтра – завтра нашей великой Германии, ты, сын моего друга и боевого товарища, был полностью готов работать на благо нашего Отечества и нашего народа. Действовать, Вальтер, надо всегда на опережение».

Блестяще защитив диплом, Шеффер по протекции профессора Хайсмайера был направлен на работу в одну из лабораторий Мюнхенского университета.

Вальтер работал увлеченно, оставаясь в лаборатории до позднего вечера. Практические и теоретические успехи сделали его одним из ведущих специалистов университета в области евгеники, и в одной из работ он предложил дать ей практическое название – расовая гигиена. Шеффер разработал правила воспроизводства человеческого материала, которые должны привести к улучшению германской расы и остановить рост низших рас, которые, по его мнению, множились слишком быстро.

Результаты своих работ, полностью соответствующих идеологии национал-социализма, Шеффер представлял не только в научных кругах, но и в партийных и эсэсовских структурах. Ему позволялось не участвовать, как требовалось от большинства его соратников по партии и СС, в почти ежедневных занятиях, тренировках, различных мероприятиях. Но свои редкие выходные дни и свободные вечера Вальтер старался посвящать партийным делам и занятиям в СС, выступая с беседами перед рядовыми соратниками и с научными сообщениями перед партийным и эсэсовским руководством. Работы обершарфюрера СС Шеффера были высоко оценены, и ему присвоили очередное звание в иерархии СС.

Штандартенфюрер СС профессор Хайсмайер поздравил своего ученика и предложил ему определить дальнейший путь исследований и практической работы.

– Через несколько месяцев, Вальтер, наша партия, наш фюрер полностью возьмут власть в Германии, и начнется ее возрождение. Но вопрос

в том, кто сможет возродить нашу великую Германию и кто будет это делать? В своих работах ты полностью подошел к рубежной черте и во имя нашей цели должен переступить её. Нам нужна новая социальная политика, а для этого необходима полная информация о состоянии здоровья нации.

Хайсмайер смотрел в глаза ученика и ждал. Шеффер понимал, чего ждет от него учитель, и собирался с силами. Глубоко вдохнув, он начал говорить.

– Я могу предложить идею создания картотеки архива наследственности. Через медицинские, попечительские учреждения и другие службы мы сможем сформировать полную базу данных по всей стране.

Шеффер немного помолчал, глядя в сторону, затем продолжил.

– На основе этих данных можно будет выделить несколько групп. Затем неизлечимо больных ликвидировать; неполноценных частью стерилизовать, а частью сконцентрировать в специальных лагерях для проведения медицинских и биологических экспериментов. Это необходимо, поскольку биологического материала не хватает.

Шеффер выжидающе посмотрел на Хайсмайера.

– Молодец, мой мальчик! Вальтер, пройдет немного времени, и твоя лаборатория не будет иметь недостатка в биоматериале.

Январь и февраль тысяча девятьсот тридцать третьего года для Шеффера, как и для многих партийцев и эсесовцев прошли в политических баталиях. Победу, несмотря на загруженность на работе, он вместе со своими соратниками праздновал несколько дней.

Политическая победа давала широкие возможности, и Шеффер полностью ушел в работу. Действительно, профессор не обманул: материал для биологических опытов стал поступать по первому требованию. Правда, по мнению Шеффера, он не всегда был подходящим: зачастую присылали уголовников, проституток, другие асоциальные элементы и даже психически и неизлечимо больных. Для чистоты лабораторных экспериментов такой

материал был малопригоден, но его активно использовали для сопутствующих опытов.

Конструктивная профессиональная деятельность Шеффера в последующие два года дала не только научные блестящие результаты. На основе его разработок высшее руководство партии и СС приняли ряд государственных решений. В частности, было создано «Имперское ведомство по изучению родства», а Управлением аграрной политики принят закон о наследовании, согласно которому наследство имели право получить только те, кто мог доказать чистоту своего арийского происхождения, иначе имущество переходило в собственность государства.

Шеффер продолжал совершенствовать разработанные им правила определения принадлежности к немецкой нации. Он считал, что необходимы эксперименты по определению биологических и биоантропологических различий между представителями арийской расы и низших рас. Но пока такие эксперименты были практически невозможны: не хватало достаточного количества разрешенного для опытов биологического материала.

Профессор Хайсмайер гордился учеником, следил за его работами и всячески помогал.

После одного из собраний эсесовцев Мюнхена профессор задержал Шеффера для серьезного разговора.

– Вальтер, твои научные работы блестящи; ты сделал очень многое для великой Германии. И ты – один из немногих, кого хорошо знают и ценят и в партии, и в СС. Скажу по секрету, что только вчера наш руководитель Генрих Гиммлер присвоил тебе очередное звание. Поздравляю, мой мальчик!

Шеффер встал по стойке смирно и, подняв руку, громко сказал:

– Хайль Гитлер!

– Да, Вальтер, именно ему мы с тобой обязаны многим. И рейсхфюреру СС Гиммлеру. Он принял решение в этом году открыть в Берлине Медицинскую академию СС. Как считаешь, тебе нужны знания в области медицины?

– Да, профессор! Я часто упираюсь именно в медицинские вопросы, а иногда мне просто хочется взять в руки скальпель и самому посмотреть, что там и как.

– Вот, вот, Вальтер. Сейчас будет первый набор. И руководство СС в Мюнхене приняло решение направить тебя в академию. У тебя высшее биологическое образование, значит, учиться тебе предстоит всего два года. А перспективы медика-биолога огромны, поверь мне. Перед тобой будут открыты абсолютно все направления исследований. Пройдет три-четыре года, максимум пять, и ты для своих исследований получишь любой экспериментальный материал. Любой! Из любой страны, в любом количестве!

Через месяц Шеффер в числе таких же, как он, молодых офицеров СС приехал в Берлин, в Медицинскую академию СС.

Учеба полностью захватила Вальтера: лекции, семинары, практические занятия, посещения анатомического театра доставляли ему профессиональное удовольствие и полное внутреннее удовлетворение.

Все преподаватели и слушатели Академии имели соответствующие звания СС, но обстановка в ней была, на первый взгляд, как в обычном высшем учебном заведении. Руководство поощряло свободные высказывания слушателей на семинарских занятиях, споры и дискуссии на различные темы – не только профессиональные, но и политические. Более того, Академия даже производила впечатление некоего островка вседозволенности во взглядах и суждениях. Шеффер не сразу понял правильность и целесообразность такой системы подготовки кадров. Свобода в обмене мнениями по политическим и социальным вопросам выявляла неблагонадежных; в результате время от времени кого-то исключали по вполне убедительным причинам. А свобода мнений в профессиональных темах, без оглядок на авторитеты, позволяла открывать новые подходы к решению тех или иных проблем. Постепенно Шеффер понял и оценил эту методику организации научной работы, а в дальнейшем сам широко использовал её.

Профессиональная подготовка Шеффера существенно отличалась от уровня подготовки других слушателей, и он проходил обучение по индивидуальной программе. Она предусматривала значительно большее количество практических занятий. Особенно интересными для Вальтера были занятия на полигоне Хойберг в Альпах, где в апреле тридцать третьего года был создан концентрационный лагерь «на две тысячи посадочных мест» – как шутили между собой слушатели. Шеффер активно участвовал в экспериментах по изучению людей с психическими расстройствами, преимущественно детей, поскольку именно они в большей степени интересовали Вальтера. Он пытался найти ключ к тому, чтобы исключить возможность рождения неполноценных детей в арийских семьях. Шеффер был настолько одержим этой идеей, что рассматривал весь окружающий мир как одну неограниченную научную лабораторию.

Вальтер Шеффер окончил Медицинскую академию СС с отличием. Диплом ему вручил обергруппенфюрер СС профессор Хайсмайер.

Позднее, поздравляя Вальтера, Хайсмайер сообщил ему две важные новости.

– Тебе, мой мальчик, присвоено очередное звание СС, и сегодня его официально объявят. Но это не все. Наш руководитель, Генрих Гиммлер лично определил место твоей работы и должность, – Хайсмайер ласково улыбнулся своему любимцу и перешел на деловой тон. – И не удивляйтесь, штурмбанфюрер, что завтра утром вас, единственного из выпускников, доставят к месту службы на служебном автомобиле.

Шеффер несколько опешил и не сразу смог ответить.

– Спасибо, обергруппенфюрер! А где я буду работать?

– Вы назначены на довольно высокую должность в РСХА. И вам повезло: вы будете работать под началом Отто Олендорфа. Я говорил с ним о вас, он полностью и во всем вас поддержит. Удачи, мой друг!

Генерал СС Олендорф встретил Шеффера как старого знакомого и коллегу. Их беседа продолжалась больше часа. Обсудили направления работы Шеффера и его научных интересов, а также результаты его деятельности.

Одной из активно обсуждаемых ими тем была проблема эвтаназии, в том числе и принудительной эвтаназии. Шеффер, как участник разработки теории «расовой гигиены», всецело принимал эти идеи, и при его содействии из германского законодательства было исключено определение эвтаназии как убийства. Олендорф полностью поддерживал позиции своего молодого коллеги и нацеливал его на продолжение работы в области расовой гигиены.

Через два месяца Шеффер на основе своих исследований и их практического применения представил специальную программу. Она предусматривала обязательную регистрацию всех детей с физической или умственной инвалидностью, проживавших в специальных медицинских учреждениях Германского рейха, и разделения их на несколько групп. Первый этап реализации программы предписывал уничтожение только неизлечимо больных детей до трех лет; позднее эта мера должна применяться к подросткам до семнадцатилетнего возраста. По предложению Шеффера в официальных документах программы термин «эвтаназия» был заменен на слово «дезинфекция» – как нейтральное и непонятное непосвященным.

Некоторое время оставался открытым вопрос о способе уничтожения. Авторы программы общей эвтаназии предлагали внутривенные инъекции специальных препаратов или воздушную эмболию, но Шеффер считал такой метод нецелесообразным по техническим и экономическим соображениям. По его настоянию было принято решение использовать для «дезинфекции» угарный газ.

Второго сентября тридцать девятого года Шеффера срочно вызвали к генералу Хайсмайеру. В кабинете профессора, дружески беседуя с ним, вальяжно расположился в глубоком кожаном кресле группенфюрер СС Олендорф. Обменявшись товарищескими приветствиями с Шеффером, генералы пригласили его к чайному столу. Лёгкая закуска и свободная застольная беседа создавали непринужденную атмосферу, мало соответствующую обстановке официального кабинета генерала СС. Но Шеффер ясно чувствовал внутреннее напряжение ситуации и ждал, когда же

генералы перейдут к основной теме – той, ради которой он был так спешно вызван.

Наконец Хайсмайер встал и жестом пригласил собеседников перейти к столу для совещаний.

– Штурмбанфюрер Шеффер, – подчеркнуто официально обратился Хайсмайер, – мы долго и тщательно искали специалиста для выполнения весьма значимой, но сложной работы, и остановили выбор на вас. Эта работа напрямую будет связана с Анэнэрбэ. Вам известно о её деятельности?

Вальтер знал о существовании этой организации. Считалось, что она занимается изучением истории. Но Шеффер знал, что есть иная – реальная деятельность, конкретные аспекты которой засекречены так, что даже незначительные попытки просто поинтересоваться ведут к серьезнейшим последствиям для излишне любознательных.

– Мне известно только о том, что Анэнэрбэ есть, и что это подразделение занимается научными исследованиями во многих областях, в том числе, кажется, и в биологии. Конкретные аспекты деятельности мне не известны.

Генералы СС переглянулись и, по всей видимости, остались довольны ответом своего ученика и коллеги.

– Да, знать подробности положено далеко не всем, даже членам СС и высокопоставленным работникам нашей партии. Отбор специалистов для работы в Анэнэрбэ проводится очень тщательно. И, – профессор внимательно посмотрел на своего ученика, – выбрана ваша кандидатура, Шеффер. Вы успешно прошли полную проверку во всех структурах. Поздравляю, штурмбанфюрер!

– Хайль Гитлер! Зиг хайль! – четко и громко произнес Шеффер.

– Хорошо, Вальтер, – Хайсмайер улыбнулся, – Считаю, что назначение состоялось, и приказы о переводе из РСХА в штат Анэнэрбэ подписаны!

Олендорф одобрительно кивнул и, потирая руки, заметил.

– Ну, теперь вполне можно и отметить это событие!

Генералы перешли к шкафу-бару. Вальтер слегка замешкался; только сейчас он начал постепенно осознать произошедшее. Олендорф, улыбаясь, протянул ему рюмку коньяка.

Хайсмайер и Олендорф хором произнесли шутливую здравицу Вальтеру, поздравляя его с новым назначением, и все трое вернулись к столу для совещаний.

– В твоей будущей работе, Вальтер, – Хайсмайер помолчал и чуть медленнее, чем обычно, как бы взвешивая каждую деталь, продолжил, – основным направлением станет создание системы принципов практического применения положений теории «расовой гигиены». Именно системы принципов – тех принципов, которые позволят формировать чистоту расы, охранять её, а в самое ближайшее время снять с государства бремя расходов на содержание физически и психически неполноценной части населения.

В разговор вступил Олендорф, и беседа продолжалась около часа. Генералы тепло попрощались с Вальтером, выразив уверенность в успехе его работы.

Шеффер направился к машине, но передумал и отпустил шофера. Ему захотелось пройти через парк, подумать над услышанным.

Он знал, что официально Анэнэрбэ создавалась для изучения истории, традиций и наследия германской расы и что эти исследования были нужны для решения основной задачи Анэнэрбэ – сбор доказательств расового превосходства немецкого народа над другими.

Но Шеффер знал, что подавляющему большинству членов партии и СС не были известны не только все направления в работе отделов Анэнэрбэ, но даже их количество. По разным версиям их число колебалось от тринадцати до пятидесяти. С одной стороны, это связано с развитием организации, а с другой, – с дезинформацией, вбрасываемой в общество с целью, как полагал Вальтер, не допустить утечки результатов разработок.

Медленно идя по аллее, он старался вспомнить всю информацию, какую только слышал об этой организации, и всех специалистов, связанных с нею. С начальником отдела биологии Эрихом Грайтом, чьи работы

некоторым образом перекликались с его интересами, Шеффер познакомился в Имперском союзе по делам биологии; начальника отдела энтомологии Эдуарда Мая знал по его исследованиям болезней, передающихся через насекомых; штандартенфюрер СС Даниэльс был известен работами по изучению целебных свойств растений; об исследованиях руководителя отдела торговли, ремесел и транспорта штурмбанфюрера СС Крюгера по созданию суперлетательных аппаратов для военно-воздушных сил ему рассказывал отец. Вот, пожалуй, и все специалисты. Но Вальтер не знал никого, кто занимался бы медицинской и медико-социальной тематикой, столь интересной ему самому.

Однако в Анэнэрбэ, как было известно Шефферу, существовали отделения исследований и тех направлений, которые были официально запрещены в Германии: оккультных наук, парапсихологии и других. Он знал, что, несмотря на официальный запрет, эти работы велись весьма активно; такой двойной подход был во многих разделах исследовательской деятельности, в том числе в работах самого Шеффера и возглавляемого им отдела. И хотя о систематических исследованиях Анэнэрбэ в области медицины Вальтер ничего не слышал, было очевидно, что они в том или ином виде уже существуют. Видимо, именно поэтому ему и предложили организовать специальный отдел и вести исследования на базе работ, проводимых им в РСХА в подразделении «Здоровье нации». Шеффер понимал, что таким образом его научная работа выходит на иной, высокий уровень – и не только государственный, но и новый уровень самой сути идей национал-социализма.

VIII. Капитан СКВОРЦОВ.

Жесткая учеба

На следующий день группа Саранова в полном составе стояла перед Скворцовым в ожидании нового задания. Палыч медленно ходил перед строем, держа руки за спиной, и о чём-то сосредоточенно думал. Наконец он остановился.

– Так, товарищи бойцы, могу уверенно вас похвалить. Молодцы! Но вам ещё нужно учиться, учиться и учиться. А времени на долгую учёбу у нас нет. Значит, будем воевать и учиться, учиться и воевать. Враг ежедневно и ежечасно разрабатывает и использует новые приёмы. Мы, соответственно, свои. Так воссоздается наша разведывательно-диверсионная служба. Да, я не оговорился, именно воссоздается. Потому что тех, кто знал и умел, кого готовили годами, почти всех потеряли за первые недели войны. Бездарно потеряли: в простом бою, на передовой, вместе с рядовыми, – он помолчал, – героическими бойцами и командирами Красной Армии. Остались единицы. Значит, вы должны заменить погибших. Значит, то, чему они учились годами, вы должны, вы обязаны усвоить и освоить в кратчайшие сроки.

Скворцов снова несколько минут молча походил перед строем.

– Сегодня вы в некоторой степени способны выполнить отдельные задания и даже вернуться живыми. Без возвращения бойцов задание считается невыполненным. Даже если максимально доступные сведения были переданы по радиации. Есть то, что нужно уметь не только видеть, слышать, но и чувствовать. И эта главная информация – у вас. Значит, вы обязаны выжить, чтобы донести её в полном объеме. Для этого нужна особая подготовка. Она занимает много времени, но мы с вами должны спрессовать годы в дни. Есть вопросы товарищи красноармейцы?

Вопросов возникало немало, но по тону Палыча было ясно, что сегодня ответа всё равно не получишь. И Колесников ответил за всех.

– Никак нет, товарищ капитан.

– Молодцы, понимаете, хвалю! А теперь о том, что вас ждёт в ближайшее время. Вам предстоит задание, к которому мы сейчас будем готовиться. А затем с теми, кто выполнит это задание, полностью выполнит, то есть останется жив, мы займёмся дальнейшей подготовкой.

Бойцы быстро переглянулись.

– С задания не всегда возвращаются. Но если вернётесь, значит, на этом этапе главный зачёт вы сдали. И у меня будут серьёзные основания ходатайствовать перед командованием о зачислении вас в особую оперативную группу. Ясно?

Скворцов, не ожидая ответа, опять стал медленно прохаживаться перед строем. Наконец он остановился и продолжил разговор уже в приказном тоне.

– Сейчас, товарищи красноармейцы, ужин. Затем по плану у вас вечерние занятия с лейтенантом Дроновым. Десять минут отдыха – и вновь занятия. Будем изучать некоторые особенности и приемы работы ночью. Ограниченность во времени позволит мне дать вам только основы, но другого варианта пока нет.

Капитан внимательно посмотрел на своих учеников, стоявших перед ним по стойке смирно, и вдруг лукаво улыбнулся. Он медленно достал из кармана какой-то небольшой предмет и бросил его на землю. Бойцы дружно перевели взгляд на этот предмет. Раздался негромкий, но отчетливо слышимый хлопок и почти одновременно – яркая вспышка. От неожиданности все несколько отпрянули назад, а когда подняли глаза, Палыча перед ними не было. Всё это действие – от момента, когда капитан что-то достал из кармана, и до вспышки – длилось не более двух секунд.

В полном недоумении бойцы смотрели на то место, где только что стоял Скворцов. Опомившись, стали озираться по сторонам, но капитана нигде не было. Прошло секунд десять, и они услышали за спинами его веселый голос:

– Ну что, удивились?! Я не фокусник из цирка. Это приём из нашего рабочего арсенала. А точнее – из арсенала ниндзя. Кто они такие, я вам расскажу после того, как вы вернётесь с задания. И не только расскажу, но и научу кое-чему. А теперь ужинать!

Скворцов резко повернулся и быстро зашагал к своему дому. Бойцы продолжали стоять и лишь через минуту, немного очнувшись, двинулись к кухне.

После ужина начались занятия с лейтенантом Дроновым. Занятия тяжёлые, утомительные, выматывающие, с редкими пятиминутными перерывами и всего одним трёхчасовым для кратковременного сна.

На рассвете потные уставшие бойцы присели около небольшой сараяшки. Сидели молча, тело каждого болело и стонало. В голове гудела и пульсировала кровь, от большого физического напряжения подташнивало.

Через некоторое время, когда дыхание восстановилось и в головах посветлело, они услышали шум автомобильного мотора. Колесников повернул голову в сторону подъехавшего автомобиля.

– Что там видно, расскажи, – негромко спросил Быков, сидевший рядом за углом сарайчика.

– Да ничего особенного, грузовичок приехал, – немного помолчав, Колесников добавил, – в кузове шестеро, командир какой-то вышел из кабины, видно, к Палычу пошёл.

– Ты подробно докладывай, тренируйся, разведчик ведь, – полушутя негромко сказал Быков, – давай, давай, поподробнее докладывай.

– А чего подробнее? Командир ушёл в дом к капитану. Шесть красноармейцев сидят в кузове, водитель в кабине. Между собой не разговаривают, сидят молча. Трое в пилотках, с автоматами, трое..., – Колесников замолчал, – трое без пилоток и без, кажется, поясных ремней.

– И что это значит?

– Не знаю. Может, на учёбу привезли или ещё за чем-то, – как-то неуверенно и тихо произнёс Колесников, – да ну их к чёрту. Устал я, без нас они меж собой разберутся.

Минут через двадцать к ним подошёл Скворцов, держа в руках небольшую пачку листов. Бойцы вскочили.

– Сидите, не надо вставать, – каким-то необычным тоном сказал капитан, – Молодец, тебе нужно отработать некоторые приёмы с лейтенантом Дроновым, ступай к нему.

Молодец кивнул и быстрым шагом направился к дому. Скворцов никак не отреагировал на неуставной ответ.

Оставшиеся смотрели на капитана, а он молчал. Молчал долго, всматриваясь поочередно в глаза каждому. Наконец подал им по несколько листов бумаги.

– Ознакомьтесь. Читайте внимательно, я скоро подойду.

Красноармейцы углубились в чтение. Их лица всё больше напрягались. Колесников даже вытер пот с лица. Быков постоянно тербил подбородок. И только Скоробогатов читал, внешне не выражая никакого отношения к тексту, но читал очень внимательно.

Вскоре неслышно подошёл капитан, остановился чуть поодаль и стал следить за своими подопечными. Бойцы почти одновременно закончили читать, подняли головы, лица у всех как-то одинаково затвердели. Они вопросительно-удивленно и настороженно смотрели на своего командира.

– Вам надлежит привести приговоры в исполнение, – твердо и, как всегда, хладнокровно сказал Скворцов.

В тяжелой, просто физически ощущаемой тишине красноармейцы медленно, как бы с трудом, поднялись. Молчали все. Наконец заговорил Скоробогатов, но как-то осторожно и через силу.

– Но мы же не расстрельная команда, товарищ капитан.

– А никто вам и не предлагает их расстреливать.

– А что мы должны тогда делать? – недоумённо спросил Колесников, оглянувшись на Скоробогатова.

– Вы отрабатывали приёмы владения ножом?

Никто не ответил.

– Я вас спрашиваю: учились отрабатывать приёмы, товарищи красноармейцы? – повысив голос, жестко повторил вопрос капитан.

– Так точно, – ответил за всех Колесников, – учились.

– Так вот, манекен или товарищ на тренировке – это не враг, да вы и не убиваете его. А вы должны уметь реально переступить через себя, через свои чувства, свои эмоции, через что угодно. Это – удача операции. Это – залог выполнения задания. Это – ваша жизнь. И это, в конце концов, война. Вы обязаны это сделать. Пугать трибуналом не буду. Под трибунал не пойдёте: у меня это не принято. Но... смотрите и решайте сами. О последствиях можете догадаться. Это – во-вторых. А во-первых, вы – солдаты. И если не вы, то кто уничтожит врага и предателя? На раздумье вам десять минут. Думать каждому отдельно. Не обсуждать и не совещаться между собою. Каждый принимает своё решение самостоятельно. Всё.

Скворцов круто развернулся и ушел. Красноармейцы оцепенели. Мысли – колючие, болезненные – перемешались в клубок отвращения, страха, долга, обязанности.

Через некоторое время Палыч медленнее обычного подошёл к сарановской группе.

– Ну, что, – спросил капитан, поочередно глядя бойцам в глаза.

– Да, – первым ответил Колесников.

– Да, – повторил за ним Быков.

Скоробогатов, немного помолчав и тяжело вздохнув, негромко сказал.

– Я готов.

На группу внимательно и напряжённо смотрел сержант, державший в руке небольшой вещмешок, а на плече за спиной две винтовки.

– Сейчас вам предстоит, – начал капитан, но неожиданно поперхнулся, – ... серьёзное испытание, – и замолчал, ощутив несоответствие слов предстоящему действию.

Он помолчал с полминуты и вновь заговорил.

– Красноармеец Колесников, ваша задача, – у Колесникова задрожала губа, – снять часового ножом. Готовьтесь! – резко бросил команду капитан.

Скворцов и сержант направились к грузовику. Бойцы смотрели им вслед.

Один из приговоренных, рослый и крепкий солдат, прыгнул на землю. Скворцов отвёл его в сторону и о чём-то довольно долго с ним разговаривал. Колесников узнает о содержании такого разговора только через два года, когда сам станет инструктором оперативной спецгруппы фронта.

Разговор закончился. Скворцов подозвал сержанта. Сержант снял с плеча одну из винтовок и передал её осужденному. Тот со знанием дела осмотрел винтовку, повертел ее в руках, как бы принаравливаясь, взял у сержанта штык, быстро примкнул его и удовлетворенно вскинул оружие на плечо. Он что-то сказал капитану, тот в ответ кивнул. Сержант и осужденный пошли в сторону небольшого леса, а капитан вернулся к сарановской группе.

– Красноармеец Колесников, вы готовы к выполнению задания? – спросил Скворцов и, немного помолчав, добавил: – Повторяю: ваша задача, товарищ красноармеец, снять часового, охраняющего склад. Ваше оружие – нож. Настоящий, не муляж. И часовой настоящий, не манекен. Если что, он поднимет вас на штык или пристрелит. Имейте это в виду. Никто не успеет помочь. Ясно?

– Так точно, товарищ капитан, – стараясь бодриться, ответил Колесников, – я готов.

Он взял протянутую капитаном финку. Повертел её в руках, то сжимая, то разжимая пальцы. Затем медленно пошел вслед за капитаном. Оба скрылись среди невысоких берез. Прошло минут двадцать. Из леса вышли Колесников и Скворцов. Они шагали не переговариваясь. Им навстречу двинулись сержант и второй осужденный. Колесников медленно пошел к дому, а капитан направился к напряженно ожидавшим Быкову и Скоробогатову.

– Красноармеец Быков!

– Я, товарищ капитан, – боец быстро встал.

Одновременно поднялся и Скоробогатов. Он все же надеялся, что до него очередь может и не дойти. Скворцов, почувствовав мысль солдата, колюче глянул ему в глаза и достаточно громко сказал:

– Готовьтесь, красноармеец Скоробогатов!

Жесткий голос требовал от Скоробогатова полного и безоговорочного подчинения чужой воле. Этот голос не допускал никаких колебаний и нерешительности.

Капитан ровным голосом, практически лишенным интонационной окраски, обратился к Быкову.

– Товарищ красноармеец, ставлю перед вами задачу: снять часового, охраняющего склад. Вооружение часового – винтовка со штыком. Ваше оружие – нож. Враг должен быть уничтожен бесшумно.

При слове «враг» Скоробогатов как бы очнулся и посмотрел сначала на капитана, затем на Быкова. Он увидел, как Николай сконцентрировался, напрягся, готовясь выполнить задание.

– Враг настоящий, – вбивая эту мысль, как гвоздь в дерево, твердо и уверенно говорил Скворцов, – и если не успеет выстрелить, то уж на штык поднять сможет. А это – провал задания, гибель ваших товарищей. Снять часового нужно бесшумно.

– Есть снять бесшумно, – четко, но каким-то чужим голосом ответил Быков. Он резко повернулся и быстро направился к лесу.

Через час приговоры военного трибунала в отношении трех бывших красноармейцев, совершивших грабежи и убийства советских граждан, были приведены в исполнение.

Быков и Скоробогатов вернулись к себе. За всю дорогу они не произнесли ни слова. Колесников ждал их. Неимоверно уставшие морально и физически, бойцы молча распили бутылку водки, выданную Скворцовым, и легли спать.

Самый тяжелый в их военной биографии день закончился.

IX. Спецгруппа младшего лейтенанта госбезопасности САРАНОВА.

Завершился опрос последнего красноармейца. Саранов встал; вздохнув, грустно окинул взглядом комнату – человек по природе своей и по душе

деревенский, он всегда с уважением относился к дому, его теплу, уюту, всему тому, что дом давал человеку. А этот дом, он знал, в ближайшее время будет занят немцами...

Виктор вышел на крыльцо, глубоко вдохнул вечерний, слегка посвежевший воздух, провел рукой, прощаясь, по перилам и направился к лесу, где саперы майора Коломийца готовили схрон для его группы.

Шагалось легко. Совершенно необъяснимо почему, Виктору казалось, что впереди ждёт что-то хорошее, и нет никакой опасности, риска и неизвестности – даже там, где он и его товарищи должны быть уже этой ночью или ранним утром завтрашнего дня. Ближайшее будущее Саранова и появившееся состояние никак не вязались друг с другом. Виктор понимал это, но задумываться не стал, позволив себе некоторое время просто наслаждаться.

Довольно быстро он переключился на свои ближайшие дела: конкретные обстоятельства, с которыми им придется встретиться, возможные ситуации, поведение ребят его группы и многое другое. Мысли были тяжелые, но твердая уверенность в успехе и какая-то внутренняя лёгкость, поддерживавшая это состояние, в нём сохранялись.

Саранов подошёл к месту сбора. Все, кроме Лавриненко, были на месте. Майор Коломиец давал какие-то распоряжения командиру сапёров. Виктор слышал только отдельные слова, но понял, что майор требует от саперов выполнения конкретных действий по маскировке их схрона.

Группа Саранова стояла несколько в стороне, ожидая командира. Виктор приказал бойцам показать содержимое вещмешков и всё, что приготовлено ими для выполнения задания. Особое внимание уделили проверке рабочего состояния обеих раций – своей и второй, для подпольной группы. Старший радист особого отдела ещё раз проинструктировал Скоробогатова. Виктор краем уха услышал их разговор и понял, что не ошибся с выбором радиста для группы.

К концу проверки подошёл Лавриненко. Пока бойцы исправляли свои немногочисленные упущения, Саранов успел переодеться в гражданскую одежду и надеть поверх неё маскхалат.

Лавриненко внимательно осмотрел застывшую по стойке смирно группу и, обратившись к каждому по имени и отчеству, пожелал удачи, пожав руку.

Майор Коломиец попрощался с группой Саранова и приказал командиру сапёров замаскировать схрон, как только группа в нём разместится.

Виктор спустился последним в подготовленный схрон. Он представлял собой небольшую землянку с потайным входом и накатом в одно бревно, без освещения и с минимальной вентиляцией. Это почувствовалось минут через двадцать после того, как вход закрыли и замаскировали сверху. Мест для сна не было, стояло несколько ящиков, на которых можно сидеть. Бойцы молча устроились, кто как мог.

Виктор закрыл глаза и попытался уснуть, наверстать упущенный отдых. Но сон не приходил, его отгоняли мысли о матери, о сестренках, и почему-то вспомнился выпускной в Ленинградском морском военно-политическом училище.

После вручения диплома Виктора вызвали в кабинет начальника, где его ждал приятный незнакомый человек. Он тепло поздравил с успешным окончанием училища и задал несколько коротких вопросов, ответы на которые, похоже, ему были известны. Когда он сказал о сути своего предложения, Виктор заволновался. Конечно, какой молодой парень не хотел бы служить в разведке, в органах государственной безопасности. Это и почетно, и интересно, и романтично: приносить пользу своему Отечеству, защищая его от всех скрытых врагов, не ища славы, оставаясь практически никому не известным героем. Есть и ещё один резон – зарплата. Для Виктора, старшего в семье, это было существенно: нужно помогать матери. Молодого выпускника училища служба в органах государственной безопасности привлекала со всех точек зрения.

Саранов предложение принял, и его отправили на специальные курсы. Через полгода Виктор с отличием окончил курсы, ему присвоили специальное звание – сержант государственной безопасности, соответствующее воинскому званию – лейтенант.

Служба шла ровно, время летело быстро. Началась война. Виктор встретил её уже в звании младшего лейтенанта государственной безопасности. И вот он здесь, в этом схроне, готовится к выполнению задания. Как пройдет операция, кто из них погибнет, кто останется жить? Надежда на удачу, на самих себя, на каждого из ребят, на главстаршину Полозова – самого опытного в группе.

Егор Полозов не был кадровым военным и на гражданке работал в московском Метрострое. В сентябре тридцать девятого года вступил в силу новый закон о воинской обязанности, и Егора, несмотря на бронь, призвали в военно-морской флот. В военкомате объяснили причину его призыва: необходимость срочной подготовки взрывников для специальных подразделений военно-морского флота. Через два месяца профессиональные знания и умения Полозова и его коллег потребовались в полном объеме: началась война с Финляндией.

За личное мужество и отвагу главный старшина Полозов был награжден орденом Красной Звезды. Война закончилась, а осенью сорок первого года заканчивался и срок его службы. Егор уже считал недели, мечтая о мирной жизни, о работе, друзьях и особенно нетерпеливо ожидая встречи с Валентиной, своей невестой. Накануне призыва в армию Егор получил ордер на комнату в одном из многоэтажных домов, которые строил Метрострой для своих рабочих. Они с Валентиной хотели обустроить эту долгожданную комнату и в торжественный для страны день – 7 Ноября – сыграть свадьбу. Не успели. И теперь не известно, когда же этот, их собственный торжественный день наступит.

Полозов вздохнул, устроил поудобнее голову в небольшой выбоинке на земляной прохладной стене, надеясь уйти от этих мыслей и уснуть. Но рядом зашуршал, завозился Скоробогатов, и Егор понял, что соседу тоже не спится.

Иван Скоробогатов сидел на ящике, ссутулившись и почему-то придерживая стоящую рядом рацию, как будто она могла упасть. Темнота, сырость и духота в схроне не давали расслабиться и отдохнуть после жестких и изматывающих занятий у Скворцова. Особенно давила темнота; казалось, из нее выступает то тяжелое и страшное, что вошло в жизнь Ивана накануне. Схватка с бывшим красноармейцем, приговоренным военным трибуналом, круто изменила бойца Скоробогатова. Он, человек мягкий и добродушный, смог убить другого, да ещё и в нашей форме, да не в перестрелке, а в рукопашную, глаза в глаза. Для Ивана, не выстрелившего за все недели войны ни разу, это испытание стало особенно тяжким. Он, учившийся с апреля сорок первого года на курсах радио и телефонной связи Осоавиахима, обеспечивал связь и впрямую в боях не участвовал. Назначение радистом в спецгруппу Саранова заставило Ивана, обстоятельного и ответственного, волноваться, но совсем по другому поводу: он не успел на курсах хорошо освоить радиодело. Иван надеялся, что несколько дней, данные группе на подготовку, он использует для занятий с радистами особого отдела. Но обучение у капитана Скворцова, особенно последнее испытание, вывернуло все мысли и чувства, разворошило, закрутило Ивана. Скворцов это понял и в оставшиеся два дня несколько раз коротко, как бы невзначай, говорил с ним. И теперь, повторяя мысленно слова капитана, Иван чувствовал, что внутри бойца Скоробогатова словно выстраивается некий стержень, дающий ему силу и уверенность. Иван выпрямился, отпустил рацию и стал устраиваться поудобнее, надеясь уснуть.

Не спалось и Тимофею Молодцу. Прикрыв глаза, он вспоминал родителей, брата, деда, учившего их с братом стрелять. Учил не просто палить, как многие ребята-ровесники, а уважать оружие, чувствовать его, понимать, что оно отнимает чью-то жизнь и это должно быть веско оправданно. Тимофей постарался устроиться поудобнее и слегка ударился затылком. И вдруг вместо легкого неудобства от неровности стены ощутил увесистый дедов подзатыльник. Старый охотник наградил им внука за убитую по всем правилам, в глаз, белку. Дед, молчаливый как все Молодцы,

произнес лишь одно слово: «Лето». И Тимофей, только что так гордившийся мастерским выстрелом, почувствовал себя просто убийцей: белки линяют, шкурка сейчас не нужна, зверька он убил зря. Этот случай стал в его жизни переломным. Вторым событием, таким же важным и значимым в становлении характера Тимофея, было неожиданное нападение на них в малиннике медведя. Отец резко столкнул сыновей в овраг, попытался оглушительным криком испугать зверя, но тот упорно шел. И отцу пришлось схватиться с медведем. Мастерство потомственного охотника и крепкий нож спасли отца. А Тимофей получил наглядный пример схватки с врагом – бескомпромиссной, до победного конца.

Воспоминания увели красноармейца Молодца далеко, ему даже показалось, что в схроне запахло нагретым солнцем малинником. Тимофей сладко зевнул и задремал.

У противоположной стены устроился Николай Быков. Он даже не пытался заснуть, несмотря на совет Саранова. Николай, как почти всегда, чувствовал подъём сил, желание действовать и был уверен в себе. Эти особенности его характера и личности сыграли решающую роль, когда летом сорокового года военкомат отбирал студентов первого курса политехнического института на курсы «рыболовов-любителей». Конечно, ни о какой рыбалке не было и речи. На этих сборах, как и на сборах «охотников», «добровольных пожарных» проводилась начальная подготовка участников будущих партизанских формирований. Быков попал в группу подготовки сапёров. Учеба на курсах изменила Николая, научила его, быстрого в оценках и поступках, трезвому взвешенному подходу к решениям и действиям. А начало войны, вылазка за «языком», занятия со Скворцовым изменили отношение Николая к самой войне, к смерти, к ранению, ко всему тому, что может «преподнести» война. И сейчас накануне операции у Николая было только одно желание – действовать. Он не знал, что именно предстоит им, но был твердо уверен в своей готовности выполнить задание.

Рядом тяжело завозился Колесников. Крупному Александру было неприятно в этом схроне: он не только не мог выпрямиться в полный рост,

но и сидеть ему было довольно тесно. Чтобы отвлечь себя от неудобств и скоротать время, Александр стал вспоминать свой дом, деревню, в которой шла вся его жизнь и из которой он уехал впервые.

После смерти отца они с матерью жили трудно. Помогал сосед, одинокий дед Никодим: то крышу подправит, то печь отремонтирует. Мать Александра помогала деду по хозяйству, а когда он тяжело заболел, выходила его и поставила на ноги. Жизнь сдружила их, и эта дружба особенно много дала Саше. Он во всем подражал деду – хозяйственному, обстоятельному и неспешному. Дед научил его плотничать, ремонтировать сельский инвентарь, чистить колодец, да и многому другому, что требовала деревенская жизнь. Но дед Никодим, участник двух войн, русско-японской и империалистической войны тысяча девятьсот четырнадцатого года, передавал Саше и навыки солдатской службы. Научил его ползать по-пластунски, довольно виртуозно владеть саперной лопаткой, сохраненной как память о военной службе. Обучил дед и приемам рукопашной, и это помогало Александру, когда происходили стычки в деревне, нередко доходившие до кровавого месива. Смерть деда Никодима стала тяжелым потрясением для Александра. Боль от этой потери не проходила, но, странное дело, дед словно все время был рядом, и в сложных обстоятельствах Саша всегда советовался с ним. Так было и накануне вылазки за «языком», и сейчас Александр мысленно попросил у деда Никодима помощи и поддержки.

Вдруг стены схрона дрогнули, земля посыпалась прямо за ворот, возвращая всех разом в реальность. Ухнул разрыв. Звук скорее прошёл по земле, чем по воздуху, и бойцы не так услышали его, как почувствовали – сначала первый взрыв, затем ещё несколько.

Неожиданно наступила тишина. Бойцы напряглись, пытаясь уловить, услышать то, что происходило на поверхности. Довольно глухо доносились звуки отдельных ружейных выстрелов, несколько пулемётных очередей. Так продолжалось минут двадцать. И снова настала тишина. Но ненадолго. По земле пошёл гул: где-то двигались танки и, может быть, ещё какая-то военная

техника. Звук был не рядом. Значит, это происходит там, в селе, в полутора километрах от них.

– Всем приготовиться, – тихо скомандовал Саранов.

Сидели напряжённо, сжимая оружие, готовые в любой момент выпрыгнуть наружу и принять бой. Но их главная задача – выйти отсюда незамеченными и начать пробираться в глубокий тыл противника. Ждали затишья. Через полчаса звуки боя смолкли. Подождав около часа, Саранов принял решение выходить.

– Боец Быков, проверьте обстановку наверху.

Оставив автомат Колесникову, Николай приподнял люк и, выглянув в щель, осмотрелся. Ничего подозрительного не заметил, осторожно выполз наружу, и, приняв автомат от Александра, замер, оглядываясь вокруг. Затем отполз к большой сосне, привстал на колени и внимательно осмотрел окрестности. Ползком вернулся к люку и шепотом сказал:

– Всё в порядке, товарищ командир, можно выходить.

Один за другим бойцы вылезли из схрона и бесшумно двинулись вглубь леса. Сначала группа передвигалась небольшими шагами, осторожно, как бы нащупывая место, куда можно встать, чтобы не выдать себя шумом неверного шага или треском сломанной ветки. Лишь значительно углубившись в лес, изменили темп. Бежали ровно, долго, и только когда наступила «мертвая точка», замедлили бег. Пройдя эту точку, бойцы почувствовали, что пришло устойчивое состояние, и темп удалось удерживать довольно долгое время. Так, чередуя скорость бега, группа быстро продвигалась к заданной точке.

К вечеру второго дня группа Саранова вышла к опушке леса. Бойцы залегли в кустах и внимательно осматривали окрестности. Перед ними лежал просторный луг. Трава, скошенная в июне, вновь набирала силу. Дальний лес подковой охватывал луг, по его краю, почти у леса протекала река. На ней стояла мельница – добротное крепкое строение, рядом – мукомольня, такая же крепкая и добротная. Мельница не работала, и вода свободным потоком лилась мимо лопастей.

Перед мельницей, ближе к лугу уютным квадратом расположился хутор мельника: хлев, сарай, сеновал и большой добротный дом из толстых брёвен с шатровой крышей. Между домом и сараем, посередине двора – колодец с «журавлём». Немного в стороне – будка, у которой, застыв, смотрела в их сторону крупная лохматая собака.

Саранов внимательно рассматривал в бинокль хозяйство мельника и заметил поселившихся под крышей сарая ласточек. «Хорошая примета», – мысленно отметил Виктор, продолжая разглядывать округу. Дорога вдоль реки вела к мукомольне, по ней и подвозили зерно. А в сторону от мельницы шла только широкая тропа. Достав карту, Виктор «привязал» её к местности и убедился, что они подошли точно к назначенному месту.

Бойцы наблюдали за хутором. Через некоторое время из дома вышел мельник и остановился у крыльца. Виктор в бинокль пристально рассматривал его: немного выше среднего роста, лет около шестидесяти, крупная голова, густые с проседью волосы и такая же борода, взгляд сильного уверенного человека. «Да, он. Точно мне его Лавриненко описал!» – удовлетворенно отметил Виктор, продолжая наблюдать за мельником. А тот неспешно направился в сарай, неся в руках большую корзину. Через несколько минут вышел без корзины и, подходя к дому, замедлил шаг у будки, нагнулся к собаке, что-то сказал, потрепал по загривку и ушёл в дом.

Прошло ещё около часа. Нигде никаких движений, и Виктор принял решение подойти к дому. Оставив остальных наблюдать за окрестностью, Саранов и Быков осторожно поползли вдоль края луга; убедились, что всё спокойно, приподнялись и, пригнувшись, небольшими перебежками устремились к дому.

Х. Оберштурмбанфюрер СС ШЕФФЕР.

В России

Поезд, мерно покачиваясь, шел на восток. Шеффер стоял в коридоре у окна. Перед ним проплывали леса и перелески, луга и озёра, бежали реки – то параллельно железной дороге, то пересекая её. Природа этих мест

нравилась Вальтеру, а сознание того, что всё это теперь полностью принадлежит его стране, его народу, наполняло Шеффера гордостью и радостью. Он, улыбаясь, любовался пейзажами – частью великой германской земли.

Шеффер ехал, чтобы найти и изучить результаты научных биологических и медицинских исследований, проведенных русскими. Но был и параллельный интерес – возможность получить неограниченное количество так называемого биологического материала. Это давало широкий простор для исследований и экспериментов, частично ограниченных или даже официально запрещенных в отношении детей Германии.

Неделей раньше в Россию с группой специалистов выехала помощница Шеффера, сотрудница научно-исследовательского института в структуре Штаба рейхсфюрера СС Ева Байер. Эту молодую серьезную и целеустремленную сотрудницу ценило руководство и института, и РСХА. Она неплохо владела русским языком и успешно участвовала в специальных операциях подразделений РСХА. Назначение заместителем Шеффера для работы на освобожденных территориях стало новой ступенью в её карьере. Байер должна начать сбор всей необходимой для Шеффера информации, организовать общее направление исследований и решать частные вопросы.

Одним из таких частных, но утомительных для Шеффера вопросов была утилизация отработанного или непригодного для экспериментов биоматериала. Однако Вальтера предупредили, что за это направление отвечает Байер, и такой расклад его полностью устраивал.

Шеффер был спокоен и уверен в успехе работы, он знал, что всё будет исполнено как должно и с максимально возможным положительным результатом. А результат обеспечит расширение масштаба его деятельности и влияния, а также карьерный рост, о которых так откровенно сказал генерал СС Олендорф.

Поезд замедлил ход. Вдоль железнодорожного полотна стояли обгоревшие остовы небольших домов. Около них копошились женщины, несколько подростков и два совсем старых деда.

Поезд несколько раз дёрнулся и резко остановился. Прямо перед окном Шеффер увидел детей лет пяти. Они стояли рядом на насыпи и внимательно смотрели на остановившиеся вагоны. В какой-то момент взгляды Шеффера и одного из мальчиков встретились. Они, не отрываясь, смотрели друг на друга. К своему удивлению Шеффер почувствовал, что не может выдержать этот взгляд. И тогда он резко повернулся, зашёл в купе, взял со стола большую плитку шоколада. Вальтер делал это машинально, по привычке располагать к себе детей в любом месте и в любое время. Он вышел в тамбур, открыл дверь и по-русски позвал их.

Дети не удивились, спокойно подошли к двери вагона. Шеффер спустился и, стоя на последней ступеньке, протянул шоколад. Взял его, приподнявшись на носках, тот самый мальчик и внимательно посмотрел на обёртку. Ничего не сказав, он развернулся и побежал, остальные – за ним. Они бежали к тому, что осталось от их дома, к тем, кто копошился в развалинах.

Шеффер поднялся в вагон и остался в коридоре у окна, глядя вслед убежавшим. Поезд опять дёрнулся, тронулся с места и через несколько минут медленно подъехал к перрону. Вальтер искал название станции, но не нашёл и стал рассматривать тех, кто был на перроне.

В основном там стояли или неторопливо прогуливались офицеры и солдаты вермахта. Среди них немало легкораненых, видимо, ожидавших состав в Германию для поездки домой в отпуск. Вдоль середины широкого перрона медленно шёл жандармский патруль, внимательно оглядывая всех, особенно гражданских. В большинстве своем это были русские, уже каким-то образом легализовавшиеся и получившие необходимые документы. Шеффер разглядывал их с интересом и особенно пристально.

Одетые прилично и даже щеголевато, они всё же отличались от тех немногих немцев, кто был в штатском. Отличались русские внешностью, манерой поведения, движениями и какими-то другими, необъяснимыми, признаками. К одному из них подошёл жандармский патруль. Русский, улыбаясь, что-то сказал на немецком языке, затем достал документы и подал

их офицеру. Жандармский лейтенант довольно долго разглядывал бумаги, сверяя фотографию с лицом русского, осмотрел его сверху донизу, потребовал снять шляпу и только после этого вернул документы. Не ответив на слова благодарности и поклоны русского, жандармский лейтенант двинулся дальше по перрону, продолжая внимательно оглядывать встречаемых.

Вальтер улыбнулся весьма мирной сценке и вернулся в своё купе. А за этим окном была совершенно другая картина. За насыпью на довольно большом поле под палящим полуденным солнцем находились русские пленники. Территория даже не огорожена проволокой или чем-то более-менее существенным. Условной границей служили несколько пустых бочек, выставленных по периметру, а охраной – всего пять немецких солдат, спокойно сидящих на ящиках и что-то лениво жующих. Большинство пленников лежали или сидели; почти все грязные, небритые, в рваной одежде и, скорее всего, голодные и страдающие от жажды, как догадался Шеффер. Глядя на них, Вальтер даже облизнул губы и, налив в стакан воды, жадно отпил.

Устав от неприглядного вида за окном, Шеффер вновь вышел в коридор. И почти сразу же где-то сзади, видимо, в поле раздался мощный взрыв. Шеффер инстинктивно пригнулся. Оглянувшись, увидел, что стекло в его купе разлетелось мелкими осколками. В пустом проеме как-то особенно отчетливо были видны метрах в ста от состава горящий танк и бегающие вокруг солдаты. А на поле в почти неподвижной до того толпе возникло движение. Солдаты охраны, направив на пленников автоматы, бегали по периметру и что-то кричали. Но пленники – все, кто только мог, – вскочили и стали плотной массой. Прошла секунда, раздался страшный рёв, и эта масса бросилась бежать. Застучали выстрелы автоматов, но вскоре умолк один, затем второй, третий. Через несколько секунд на поле осталось всего несколько десятков человек – убитые и раненые. Вдали, постепенно уменьшаясь, виднелись небольшие группы и одиночки убегавших. Шеффер понял, что опасности для него лично нет, стряхнул с дивана осколочки стекла, сел и, налив из фляжки полную стопку коньяка, неспешно выпил.

Поезд медленно тронулся. Вскоре пришел проводник и перенес вещи Шеффера в купе, в котором окно осталось целым. Он предупредил, что и дальше поезд может останавливаться, пропуская попутный воинский эшелон или встречный санитарный, но к месту назначения поезд, даже с учётом задержек, придёт к середине следующего дня.

Вагон мерно постукивал колёсами на стыках, за окном темнело. Вальтер лениво подумал о Марте, с удовлетворением вспомнил её девочек, с некоторым раздражением – Карла, его настойчивость, и с насмешкой – результат этой настойчивости. «Фронт поубавит ему прыти» – язвительно проворчал Вальтер, ни на секунду не задумавшись о своём изуверском вмешательстве в судьбы этих людей.

Утром, вкусно позавтракав, Шеффер любовался проплывавшими за окном пейзажами. Но постепенно благодушное настроение вытеснили деловые мысли о задачах, решение которых следовало найти в России. Размышляя о сложности предстоящих заданий, Вальтер с удовольствием подумал о деловых качествах своей помощницы, о том, что неинтересная для него часть работы поручена Еве Байер. Шеффер удобнее расположился на диване и раскрыл книгу Энгеля «Мировоззрение арийца. Пути совершенствования», специально приготовленную им для поездки.

Постучав, вошел проводник и сообщил, что примерно через час поезд прибудет к месту назначения. Шеффер стал собирать вещи. Поезд, снизив скорость, въехал в пригород и, наконец, медленно вполз на территорию вокзала и остановился.

На перроне Шеффера встречала Ева Байер – статная женщина в униформе без погон со специальной большой эмблемой «СС». Вальтер сердечно поздоровался со своей помощницей. Денщик взял вещи, и они вышли на привокзальную площадь небольшого города. Вокзал и стоящие рядом дома почти не пострадали от артобстрелов и бомбёжек, и довольно мирный вид площади нарушали лишь колонны солдат, прибывших поездом из Польши и Франции, военные автомашины и несколько танков поодаль, вокруг которых суетились танкисты.

Шеффера ожидал черный «Опель-капитан». Водитель открыл дверцы для пассажиров, а денщик сноровисто укладывал вещи в багажник. Шеффер с удовлетворением отметил, что солдаты действовали быстро и чётко, без суеты.

– В гостиницу, – властно бросила Байер водителю.

– Откуда автомобиль? – спросил Шеффер.

– Согласно распоряжению из Берлина его для вас, господин оберштурмбанфюрер, предоставила комендатура города. Кроме того, для проведения наших операций нам для солдат выделен новый грузовой «Рено», только что из Франции и прямо с завода. А если потребуется, будет предоставлен еще один автомобиль – «Шкода». Для перевозки ненужного или отработанного материала выделяют дополнительный специальный транспорт.

Байер говорила быстро, но ясно и лаконично. Шеффер убедился, что она организовала всё толково и чётко. Однако, несмотря на её деловитость и внешнюю привлекательность, что-то неуловимое было в ней неприятным, отталкивающим. И это раздражало Шеффера.

Тем временем Байер продолжала.

– Комендант города подполковник Крюгер извещен о вашем прибытии. Если у вас, господин оберштурмбанфюрер, есть желание с ним встретиться, то это будет организовано незамедлительно.

– Не нужно. Пока у нас нет необходимости беспокоить руководство комендатуры. Где мы останавливаемся?

– Полностью сохранилась только одна гостиница. При большевиках она называлась «Интернационал», но её уже переименовали в «Кёнигсберг».

«Опять Кёнигсберг, – подумал Шеффер, – доброе предзнаменование».

Байер сообщила, что в гостинице вода и свет подаются бесперебойно, обслуживающий персонал уже подобран, ресторан работает; расположились в ней офицеры комендатуры, службы безопасности СД, полиции, других служб, а несколько номеров выделены командированным. Шефферу предоставлен трёхкомнатный номер с кабинетом для работы.

Машина подъехала к зданию гостиницы, вокруг которой не было следов недавних городских боёв, и стоявшие рядом дома практически не пострадали, за исключением выбитых в некоторых окнах стёкол.

Моложавый администратор, мельком взглянув на сопровождающих и догадавшись, кто перед ним, подбежал к Шефферу, широко заулыбался и предложил следовать за ним.

Номер, расположенный на третьем этаже, оказался просторным, светлым и по-старомодному уютным. Шеффер поблагодарил помощницу за хорошо организованную встречу, обсудил распорядок следующего дня и отпустил Байер. Он решил вечер посвятить изучению подготовленных для него документов.

По информации Байер в ближайшей округе существовало пять детских домов и интернатов, но три из них были эвакуированы еще в начале июля, до прихода немецких войск. Шеффер раскрыл карту, приложенную помощницей к документам, нашёл на ней интересовавшие его населённые пункты и проставил на краю карты даты посещения им детских домов. Первым определил самый ближний к городу. Он ещё некоторое время смотрел на карту, как бы пытаясь представить эти дома и их обитателей. Потом быстро сложил и убрал документы: ему захотелось уйти из нагретого за день номера, подвигаться после долгой дороги, подышать прохладным вечерним воздухом. Шеффер оделся и вышел на улицу.

XI. Младший лейтенант госбезопасности

САРАНОВ.

У мельника

Собака яростно залаяла и рванулась, но длина её цепи позволила Саранову и Быкову подняться на крыльцо.

Виктор постучал условным сигналом и ждал, поглядывая на собаку, не перестававшую рычать.

– Что надо?

– Хозяин, муки ржаной, а лучше пшеничной, не продадите?

– Нет муки пшеничной. Лебеда устроит?

– И лебеда сойдёт.

Дверь отворилась.

– Заходите, – сказал мельник и отступил, приглашая гостей войти.

– Спасибо, Василий Семёнович. В доме кто-нибудь есть? – спросил Виктор.

– Никого, я один, – спокойно ответил мельник.

Разведчики быстро прошли в дом, внимательно огляделись и, не заметив ничего подозрительного, опустили автоматы.

– Мы ненадолго, скоро уйдем. Только отдохнем немного. У вас найдется для нас местечко? – спросил Виктор.

– Да о чём вы говорите, не только местечко, а и поесть сообразим.

Мельник заспешил на кухню.

– Но здесь не все наши, – предупреждая, сказал Виктор.

– Ничего, ничего, на всех хватит, – доброжелательно ответил хозяин.

– А к вам кто-нибудь приходит, из местных или от ...новой власти?

– Да почти никто.

– Что значит «почти»? – несколько насторожился Виктор.

– Местные сейчас и не ходят: боятся дезертиров да окруженцев. И вообще редко сюда заходят: зерна-то нет.

– А кто ещё бывает?

– Заходили окруженцы, но их уж неделю не видать. А вот дезертиры дня три назад были.

– А как вы их отличаете? – спросил Виктор.

– Да очень просто. У окруженцев какая-никакая, но дисциплина есть, да и командир кто-нибудь из них, и ведут себя более-менее пристойно, и меж собой они как-то по-человечески, что ли. Да их и по внешности отличить можно. Окруженцы стараются вид сохранить, иногда и баньку истопить просят; ну, пару раз топил, ночью. А дезертиры совсем за собой не следят, хоть и речка рядом. И они не только просят хлеба да картошки, но ещё требуют и сала, и самогонки, а чуть что – за винтовки хватаются. Да

дезертиры к нам в последние дни одни и те же ходили. По два человека, а всего их было человек пять-шесть, видать, где-то в наших лесах отсиживались.

– А почему в прошедшем времени: «были да ходили»?

– А они на днях вшестером пришли, заросшие, грязные да наглые, пьяные. Стали в деревне еду и самогон требовать. Нам это уже надоело. Если б они к линии фронта шли, так и накормили бы, а эти тут всё прятались. Вот мы и шуганули их, а те за винтовки, и давай палить. Двоих наших убили, и бабу Нюру ранили. Еле её отходили, сейчас вроде на поправку пошла, а то думали, не выживет. Так вот, у нас-то ружья охотничьи есть, да и не только охотничьи. Оружие сейчас везде валяется. Ну мы по ним из ружей и винтовок и лупанули, троих-то и уложили враз. Закопали за деревней, как собак. А трое убежали, видать. Один из них совсем мальчишка, я его видел у себя. Тихий такой, да и молчит всё. Только их команды выполняет, в глаза не смотрит. Я чувствую, что он к ним прибился случайно, боится их, как чёрт ладана, а уйти ему некуда, вот и болтается с ними. С тех пор мы их и не видели, ушли, видать, куда подальше.

– А ещё кто-нибудь бывает?

– Есть у нас тут один, да не из местных. Года три назад в село приехал с семьёй. Ни с кем они особо не знались, да и замкнутые какие-то. Правда, в колхозе работали, ничего не скажешь. А как немцы пришли, так он к ним и побежал. Сейчас в деревне вроде как главный, старостой назначили. Вот он иногда приезжает, ему недавно и лошадь дали.

Взвесив слова мельника, Виктор, несколько успокоившись, сказал:

– Рацию и батареи мы вам доставили. Сейчас ребята принесут.

– Спасибо, товарищи, а то совсем труба. Без рации никак нам нельзя, – ответил мельник. – Вся работа впустую. Вот наши-то будут рады. А то уж и настроение у них стало не боевое. Информацию собираем, ребята рискуют, да и на дороге-то она не валяется, а отправить некуда. Завтра же им сообщу. Ещё раз спасибо.

Мельник благодарно пожал разведчикам руки и, вспомнив важное, обернулся к Виктору.

– С Бураном я вас познакомлю, он у меня пёс умный, понятливый, на своих лаять не станет. Вот вы и будете спокойно по двору да рядом ходить.

Вышли втроем. Мельник отстегнул ошейник от цепи, подвел собаку к разведчикам, дал обнюхать, что-то тихо сказал и, похлопав пса по холке, отвел на место.

Саранов и мельник вернулись в дом, а Быков осторожно, низко пригнувшись и оглядываясь по сторонам, быстро побежал к краю леса.

Бойцы по одному стали перебегать к дому. Собака следила за происходящим, ни разу не подав голоса. Группа собралась у крыльца, и главстаршина Полозов приказал:

– Красноармеец Молодец, остаётесь здесь на час. Потом вас сменят. Лучше переберитесь вон туда, – он указал в сторону мукомольни, – вас там точно не будет видно, а перед вами всё будет как на ладони, да и тот берег реки виден почти весь. Внимательно слушайте лес. Не спите!

– Не буду, – как всегда односложно и не по-уставному, к чему уже все привыкли и смирились, ответил Молодец и осторожно, с оглядкой, отправился к указанному месту. Остальные вошли в дом.

Скоробогатов и Колесников остановились у порога, ожидая распоряжений.

– Принимайте рацию, Василий Семенович. Ничего не повреждено. Должна работать исправно. Потом еще раз проверим. Батареи новые.

Саранов помог Александру снять вещевого мешок с рацией.

– Вот спасибо! Да вы проходите, проходите, устраивайтесь, ребята, разувайтесь, пусть ноги отдохнут, не один десяток верст, видать, прошагали. Сейчас ужин будет, наш, деревенский, ну так уж не обессудьте, – открыто улыбнулся мельник и заспешил на кухню.

– Какая благодать! Ноги аж гудят! – усевшись на лавку, Николай блаженно вытянул ноги и, потянувшись, сладко зевнул. – Сейчас бы соснуть часиков так с десяток.

– Нет, лучше бы сначала червячка заморить, а уж потом и в люльку. Или не согласен? А? – хитровато глянул на приятеля Александр, оглядывая деревенский дом и по-своему оценивая его.

– Так кто ж против? Только за! Вон и с кухни запах... О-о-о, яишенку хозяин жарит. Ах, как я люблю яишенку, если бы вы только знали, мужики, – Николай мечтательно растягивал слова.

– И картошечкой вареной потягивает! – добавил Александр, – Картошечка с лучком – благодать!

– Надо консервы достать. Развяжите вещмешок и три банки на стол, – распорядился Полозов. Он сурово посмотрел на Быкова, потом на Колесникова и жестко добавил:

– За столом поменьше болтать. Имен не называть. Поедим и спать. А вы, товарищ красноармеец, – Полозов посмотрел на Скоробогатова, – смените часового.

– Есть, – ответил по-уставному Скоробогатов и пристроился за столом на краю лавки.

– А кто следующий? – заинтересованно спросил Николай.

– Я! – коротко бросил главстаршина, – а меня смените вы, товарищ красноармеец. Вам ясно?

– Так точно, товарищ главный старшина!

Мельник внес огромную сковороду яичницы, густо посыпанную зеленым луком, поставил на середину стола.

– Лучок свеженький, с огорода! Ешьте на здоровье! Сейчас картошечки принесу.

Бойцы открывали консервы. Мельник вернулся с чугуном ароматной картошки.

– Давайте с нами ужинать, Василий Семенович, – пригласил Саранов.

– Спасибо, ребята, я картошку варил как раз перед вашим приходом, как чувствовал!

Разведчики с аппетитом навалились на еду – горячую, свежую, вкусную, какой не видели уже несколько дней.

Когда утолили голод, Полозов строго посмотрел на Скоробогатова.

– Товарищ красноармеец, на смену часового!

– Есть, – ответил Скоробогатов, засовывая в рот кусок картофелины.

Скоробогатов и Полозов вышли. Через несколько минут Полозов вернулся. С ним вошел Молодец и, как всегда не по-уставному, молча вопросительно глянул на командира.

– Садись, ужинай, – улыбнулся Саранов.

Александр подвинул поближе к Тимофею сковороду, Николай поставил рядом чугунок и банку тушенки. Ребята благодарили мельника и нахваливали вкусный ужин.

Саранов отошел к окну, и тотчас рядом встал мельник.

– Разрешите обратиться, товарищ командир?

Виктор улыбнулся про себя, и серьезным тоном ответил:

– Разрешаю.

– Насколько я понимаю, вы идёте дальше на запад?

– М-м-м!? – удивленно отреагировал Виктор.

– Я не спрашиваю, куда. Дорога на запад здесь одна. Хочешь не хочешь, а реку переходить придется. До мостков в лесу, что на всех картах есть, далеко, да и часть пути будет через луг.

– И что вы предлагаете? – заинтересовано спросил Виктор.

– А у меня карта есть нашей местности, я вам покажу, где поближе можно незаметно пройти. Немцы ещё не всё тут знают, не освоились, – продолжил мельник.

– А откуда карта? – с некоторым удивлением спросил Виктор.

– Да от учителя нашего осталась. Он все тут изучал, каждую кочку знал. И меня учил. Да не только топографии. И немецкому – мы с ним под конец уже и говорили часто по-немецки..., – мельник грустно вздохнул.

– Под какой конец? – насторожился Виктор.

– Да умер он, еще в тридцать восьмом. Старенький совсем уж был, а все понимал и все помнил, – мельник снова протяжно вздохнул и вышел.

Вскоре он вернулся, разложил на краю стола несколько потрепанную, но еще крепкую карту.

– Вот здесь у нас река сильно сужается, от меня до этого места будет километра три, не больше. А если вы идёте вот сюда, – он указал на карте почти точное место окончания их маршрута, – то для вас это самый удобный, короткий и безопасный путь.

Виктор понял, что мельник знает об их задании – пусть далеко не всё, но о месте назначения точно знает, и это в определенной степени облегчало разговор.

Немного помолчав и дав Виктору возможность осознать услышанное, мельник добавил:

– Река здесь узкая, но бурная, вплавь не переберёшься. Я дам вам пилу. Спилите дерево, да по нему перейдёте, – и, помолчав, добавил, – бревно потом столкнёте в речку. Понятно?

– Столкнём. Обязательно, – ответил Виктор, размышляя над предложением мельника, – Спасибо! И безопасно и время в дороге сэкономим. Правда, мы и сейчас идем по графику, даже с запасом. А по второму варианту – так есть ещё почти сутки. Значит, можем остаться у вас до утра. Позвольте, Василий Семенович?

– Какой разговор! Хата большая, на всех места хватит. А пилу оставите на берегу, место найдите и спрячьте. Я её потом заберу.

– Спасибо, Василий Семенович, спасибо за всё! – Саранов благодарно приобнял мельника.

– Всем спать. – Виктор оглядел группу и добавил, – Спим не раздеваясь.

– Командир, вы можете спать спокойно, – мельник улыбнулся. – Если что, Буран даст знать задолго. О вас я знал, как только вы устроились на краю леса. Пёс даже направление мне показал, где вы скрывались. Но вы молодцы, вас я не увидел, как ни старался. Так что не волнуйтесь. Устраивайтесь удобнее и спите крепко, когда ещё получится в доме, да под крышей

хорошенько отдохнуть, а силы видать будут вам нужны, – участливо сказал мельник, собирая посуду и остатки еды.

Разведчики, разморенные и довольные, устраивались на ночлег. Заснули все мгновенно, сказались и усталость, и напряжение, и сытный ужин. Спали крепко, но четко по установленной очередности сменяли друг друга на посту.

Виктор проснулся в начале пятого, осторожно встал, взял автомат и вышел во двор. Вокруг было тихо; утренний воздух, ещё влажный, взбадривал тело, наливая силой нового дня.

– Проснулись, товарищ командир? – Колесников тихо подошел и, улыбаясь, встал рядом. – Как только солнце начало вставать, я и залюбовался этим утром. Место какое тут хорошее! А как птицы поют – чисто ангелы!

– Да, славно тут. Ты иди, отдохни минут двадцать, я здесь побуду.

– Спасибо, товарищ командир, – благодарно ответил Колесников и мгновенно скрылся за дверью.

Виктор немного постоял, слушая лес, его чистую утреннюю тишину. Птиц никто не беспокоил, значит всё в порядке. У будки спокойно лежал пёс, внимательно глядел на него. «Умный пёс», – подумал Виктор и тихо сказал:

– Привет, дружище! С добрым утром!

Буран склонил голову набок, как будто ответил на приветствие. Виктор улыбнулся, медленно подошёл к колодцу и, чтобы окончательно взбодриться, умылся холодной водой из ведра. Прислонился к срубам колодца, закинул голову и залюбовался легкими облаками, игриво плывущими в голубой вышине. Но быстро встряхнулся, сделал несколько резких движений, заставляя себя возвращаться к суровой реальности.

Четким шагом вошел в дом, негромко разбудил группу, распорядившись не трогать Колесникова, пока все остальные умоются. Разведчики по двое тихо выходили во двор к колодцу, прислушиваясь к звукам леса.

Мельник быстро собрал завтрак: черный хлеб, нарезанный аппетитными крупными ломтями, розоватые с мясными прожилками куски сала, зеленый лук, свежесваренный иван-чай.

Отдохнувшие разведчики бодро накинулись на еду, негромко перешучиваясь.

Мельник кивком головы отозвал Саранова в другую комнату.

– Командир, хочу сказать о вашем обратном пути. Я ещё по Первой мировой знаю, что немцы болот боятся. У них такого богатства не густо, а у нас его с лихвой будет. Так что держи путь обратный вдоль болот, а если что, то и сигай в него.

– Как же я сигану в болото, да еще и не один?

– А я тебе карту дам, – заметил мельник с легкой и хитровой улыбкой.

– Какую карту? Вашу? Так она ещё не раз кому потребуется!

– Потребуется, командир, потребуется. Пока вы отдыхали, я её вам срисовал, да ещё обозначил на ней все свои стёжки-дорожки. Я по ним не раз прошёл и через многие болота перешёл, вешки расставил. Так что вы спокойно пройдете.

Мельник улыбнулся ошеломленному Виктору, поглядел в глаза, потечески похлопал по плечу и передал небольшой пакет.

– Спасибо, – растерянно-растроганно ответил Виктор, – спасибо, Василий Семёнович.

Разведчики закончили завтрак и готовились к походу, ещё раз проверили снаряжение и оружие. Мельник принёс несколько небольших свёртков в тряпицах и вручил каждому.

– Это сало. Возьмите с собой, пригодится. Оно сытное, а места много не занимает. Это вам не консервы.

Поблагодарив его, разведчики осторожно вышли из дома. Огляделись, прислушались и, по команде Виктора, по одному, с небольшим интервалом, пригнувшись, устремились в лес. Когда вся группа оказалась в лесу, Виктор, указав направление, приказал:

– Первым идёт Быков, замыкает Колесников.

Распределив по порядку остальных, легко подтолкнул Николая.

– Вперёд!

Группа сторожко двинулась, стараясь не нарушать спокойствия леса, лишний раз не сбивать с кустов утренней росы. Шли быстрым шагом, лишь изредка на секунду задерживались, прислушиваясь к звукам леса.

Вдруг Быков резко поднял руку. Все остановились и присели. Каждый внимательно вглядывался и вслушивался в лес. Колесников повернулся спиной к группе, приготовив автомат к бою. Затаив дыхание, молчали. Впереди, немного правее по их маршруту кто-то шумно пробирался по лесу в их сторону, не остерегаясь, кряхтя и ломая сухие ветки. Группа приготовилась к бою. Но через несколько секунд Молодец тихо сказал:

– Командир, это медведь.

– Ты его видишь?

– Нет. Чую. Запах. Недовольный. К нам идёт.

– Чем недоволен? – удивился Виктор.

– Не знаю. Мне снять его?

– Нет. Могут услышать. Нельзя.

И тут Скоробогатов быстро прошептал:

– Командир, я знаю, как его отогнать.

– Как?

– Пилой!

– Не понял.

– Разрешите попробовать, товарищ командир?

– Давай, всё равно другого выхода нет, – согласился Виктор, хотя и не понимал, как это можно сделать.

Скоробогатов положил автомат, снял со спины пилу, размотал тряпку, которой она была обмотана, чтобы зубцы не цеплялись за маскхалат и ветки, и осторожно встал. Взял пилу за ручки, поднял её горизонтально на уровне предплечья и ... резко встряхнул. Пила взвизгнула и загудела. Звук был такой, что все от неожиданности пригнули головы и попытались закрыть уши.

Медведь, который уже был виден, от пронзительного и мерзкого звука осел на задние лапы, но тут же резко вскочил, развернулся и бросился бежать. А пила продолжала свою «песню», издавая тонкий и пронизывающий до костей звук. Когда медведь скрылся из виду, Колесников нетерпеливо сказал:

- Архипыч, да заткни ты её, невозможно ведь, всю душу наизнанку выворачивает!

Бойцы облегченно вздохнули, радуясь благополучному исходу. Больше всех был доволен Скоробогатов, откровенно признавшийся, что до последней секунды не был уверен в успехе, объяснив, что такой «фокус» один раз показал ему сосед, а у самого, сколько тогда ни пробовал, не получалось.

– Главное – сейчас получилось, видать со страху! – улыбнулся Виктор.

Бойцы засмеялись, довольные благополучным исходом встречи с медведем.

– Вперед! – скомандовал Саранов, и группа двинулась дальше.

Через полчаса они вышли к месту, о котором говорил мельник.

Спилили подходящую сосну, пень замаскировали, спрятали ветки и пилу и немного выждали, прислушиваясь к лесу. Перекинули через узкую речку бревно и поочередно, оседлав ствол и опираясь на руки, перебрались на другой берег. Бревно столкнули в реку, как договаривались с мельником. Для него это – сигнал о благополучном переходе ими реки, да и бревно он выловит и вытащит на берег, чтобы оно не привлекло ничьего внимания.

Группа двинулась привычным порядком. К месту назначения Виктор планировал дойти ранним вечером.

ХII. Младший лейтенант госбезопасности

САРАНОВ.

Путь к цели

Шли по лесу цепочкой, первым – Молодец, замыкал группу Полозов. Каждый боковым зрением осматривал ближайшие деревья и кусты. Вдруг Виктор услышал приглушенный голос Тимофея:

– Товарищ командир, чую дым!

– Стоять, – подняв руку, негромко приказал Виктор. Остановились, опустили на одно колено и мгновенно взяли наизготовку оружие.

– Колесников, Быков! Проверьте, кажется, оттуда идет запах, а мы пока вон в тот лесок, – Виктор указал на небольшой, но густой ельник.

Разведчики передали свои вещмешки товарищам и налегке, стараясь не издавать резких звуков, крадучись пошли навстречу запаху. Остальные одним рывком скрылись в ельнике.

Вскоре Колесников и Быков вернулись.

– Товарищ командир, там костёр. Около него трое, все в красноармейской форме, вроде с оружием, – негромко доложил Александр.

– Что значит вроде? – недовольно перепросил Виктор, – с оружием или без?

– Две винтовки видели точно, а у третьего – не понятно, плохо видно, огонь заслонял.

– Что делают?

– Просто сидят, переговариваются, но говорят тихо, не слышно о чём.

Виктор немного подумал.

– А это случайно не «гости» мельника?

– Кажется, они: потрепанные больно. Один вроде совсем молоденький, а двое-то значительно старше. Похоже, они, – с долей сомнения ответил Быков.

– Всё «кажется да похоже», – недовольно одернул их Полозов, – точно надо знать! Вас на разведку посылали, а не в парк на прогулку!

– Извините, товарищ главный старшина, – с некоторым раздражением ответил Быков, – исправимся!

– Исправимся..., – пробурчал Полозов и спросил Виктора: – Что будем делать, командир?

– Вот я и думаю. У нас приказ: в столкновения ни с кем не вступать. Только в случае самой крайней необходимости. Её сейчас нет. Мы можем спокойно их обойти. Но если это те, что на днях были в деревне и у мельника, то это меняет ситуацию. Они пока обосновались в этой округе, но

могут двинуться дальше, и тогда встретятся нам на обратном пути. На что они способны, мы знаем.

Виктор помолчал, давая время взвесить сказанное.

– Вполне вероятно, мы с ними столкнемся. А произойти это может в самом неподходящем месте и в самый неудобный момент. Они могут создать нам массу неприятностей, вплоть до срыва операции. Значит, выход один – ликвидировать. Сейчас, заранее. Верно?

– Так точно, – ответил за всех Полозов и спокойно добавил, – а снимем мы их тихонечко, без шума.

– Будем убирать, – принял решение Саранов, – Николай, как они сидят? Далеко от кустов?

Быков подробно рассказал, как по отношению друг к другу, к деревьям и кустам сидят дезертиры, где лежит их оружие.

Разведчики предположили возможные пути бегства дезертиров, если не всё пойдет гладко, обсудили тактику перекрытия этих путей, распределили все роли в предстоящей операции. Саранов, Полозов, Скоробогатов убирают дезертиров, Колесников и Быков перекрывают пути их отступления, Молодец остается охранять автоматы и имущество.

– Определились, – подытожил Саранов, – Если что, на месте сориентируемся.

Разведчики неслышно направились к костру. Дезертиры сидели спокойно, костёр горел ярко, видимо, в него только что подбросили сухой валежник.

Выбрав момент, Виктор немного приподнял левую руку и резко опустил, что означало команду «Вперёд!». Саранов и Полозов через секунду достигли своих целей, всё произошло мгновенно. А Скоробогатов запнулся за торчащий из земли корень и потерял буквально доли секунды. Молодой дезертир успел вскочить и ошалелыми от неожиданности и страха глазами смотрел на произошедшее. Скоробогатов сбил его с ног, навалился, зажал рот рукой, но ударить ножом не смог: с перепуганного юношеского лица на него смотрели распахнутые ужасом глаза.

Быков и Колесников бросились помогать Скоробогатову, но дезертир даже не пытался оказать сопротивление и только мелко дрожал. Колесников за шиворот, как кутенка, поднял его и прислонил к дереву.

Подошел Саранов. Дезертир стоял перед командиром группы, наивно и растерянно моргая глазами.

«Чёрт возьми, и что нам теперь с ним делать?» – подумал Виктор. И тут же этот вопрос задал Колесников.

– А что, не ясно, что с ним делать? – резко бросил Полозов.

– Я не могу, – несколько отодвигаясь назад, тихо сказал Скоробогатов, почему-то решивший, что ему и предстоит исправить свой промах, и снова повторил: — Я не могу.

– Командир, – шёпотом обратился к Виктору Колесников, – и я не смогу. Посмотрите на него: в чём и душа-то держится, неизвестно. Да и ... в нашей форме... как-то...

— А остальные не в нашей!? — услышав это, сердито возразил Полозов.

– Командир, – опять обратился Колесников, – мельник же говорил, что убивали те, что постарше, – он кивнул в сторону убитых, – а этот так, ... как бы при них был.

– Костер загасите, – обернувшись к Скоробогатову, быстро приказал Виктор и привычно спросил красноармейца. – Фамилия, имя, отчество?

Солдат прекрасно понимал, что сейчас именно этот человек должен принять решение: жить ему или нет. Он заторопился ответить, но звук словно застрял в горле, и с трудом прорывалось только заикающееся «а... а... а...».

Крупная дрожь всё сильнее и сильнее колотила его тщедушное тело, ноги подкосились, но он устоял, ухватив ствол сцепленными сзади руками.

– Андрей, что ли? – довольно доброжелательно спросил Николай, и не получив ответа, переспросил, – Алексей?

– А..., а..., д- д- д- да-, – закивал мальчишка и через секунду с трудом ответил, – А-Алексей.

– Фамилия? – повторил вопрос Виктор.

– М...мо...моя?

– А чья же, моя что ли? – сердито и резко отреагировал Полозов.

– Фи-филимонов.

– Отчество? – настойчиво спросил Виктор.

– Афанасьевич, – тихо, но уже более четко ответил тот.

– Как сюда попал? – спросил Виктор.

Нервно и заикаясь, Филимонов стал рассказывать о том, как воевал, как попал в окружение, когда и почему остался один.

– А к этим как попал? – спросил Виктор и кивнул в сторону убитых.

– Я несколько дней... один шёл... лесом... думал, до наших дойду... а тут на них наткнулся... думал, что и они такие же... т-т-только п-п-потом п-понял... они из части с-с-сами ушли.

– Всё, заканчиваем. Пойдешь с нами, Филимонов, – подытожил разговор Виктор. – Но знай: если что - цацкаться с тобой не будем. Понятно?

– Т-так точно, т-товарищ командир, – с искренней, по-детски открытой радостью выдохнул Филимонов, вытирая слезы и размазывая сажу по лицу. Он жалко пытался улыбнуться, осознав, что чёрные дни прошли и он теперь среди своих.

– Идём в том же порядке. Колесников, пойдешь за Филимоновым.

– И возьми свою винтовку, – обратился к нему Полозов, – Патроны есть?

– У меня их давно не было, а эти, – Филимонов кивнул в сторону убитых, – мне не давали.

– Не доверяли, значит? – успокоившись, сказал Скоробогатов, – теперь сам можешь взять у них патроны.

– Есть! – с готовностью ответил Филимонов.

Группа вернулась к ельнику. Молодец с удивлением посмотрел на Филимонова.

– Потом узнаешь, – коротко бросил ему Виктор и скомандовал, – разобрать вещмешки и вперёд! Бегом марш!

Разведчики выстроились по порядку и привычно быстрым темпом двинулись на запад.

Солнце клонилось к закату. Жара постепенно спадала, и дышалось значительно легче. Группа ровным шагом продвигалась по лесу.

Саранов поднял руку и группа остановилась.

– Мы на месте, – тихо сказал Виктор, – до объекта осталось сотни две метров. Теперь могу уточнить нашу задачу.

Разведчики напряглись в ожидании.

– Здесь находится детский дом. Эвакуировать его не успели, как и некоторые другие, – Виктор помолчал. — Но это – специальный детский дом. Для детей с задержкой развития. Сами потом их увидите. Здесь сто пять детей и двенадцать человек обслуживающего персонала: директор, два врача, медсестры, завхоз, нянечки, повар. Наша задача – вывести их отсюда на нашу сторону, за линию фронта.

Бойцы молчали и только удивлённо переглядывались. Они могли представить задачу любой сложности: взять важного «языка», взорвать штаб, провести значимую диверсию. Но вывести из немецкого тыла людей, да ещё детей, да ещё каких-то особых... Этого никто из них совершенно не ожидал и даже не мог предположить.

Саранов прекрасно понимал их состояние. Он помнил своё ощущение – как от удара в солнечное сплетение, — когда Кравцов сообщил суть этой задачи, и сейчас, не дожидаясь реакции бойцов, продолжил.

– Если мы не выполним поставленную задачу, то немцы их уничтожат. Это точно. Такое уже случилось с подобными детскими домами. Были расстреляны все.

– Командир, – прервав общее молчание, четко спросил Полозов, – каковы наши действия?

Саранов благодарно глянул на главстаршину.

– Сейчас займём позицию на краю леса. Главстаршина Полозов распределит вас, чтоб каждый видел соседа. Себя не обнаруживаем, наблюдаем обстановку. Если всё спокойно, я иду на контакт с руководством дома. Думаю, что о своём возможном будущем они не догадываются.

Виктор оглядел отряд. Разведчики по-прежнему напряженно ждали.

– На ночь мы уйдем в лес. Там километрах в шести есть подготовленный для партизанской базы схрон человек на десять. Базу оборудовали, но группу не собрали. В схроне есть всё: и места для отдыха, и питание, и одежда, и оружие, и боеприпасы. Там мы обеспечим себя всем необходимым на дальнейшую дорогу. Поэтому и шли сюда почти налегке. Вопросы будут?

Бойцы молчали. Каждый думал о неожиданной для них задаче. Здесь и сейчас она казалась невыполнимой. Они столько времени и сил потратили, чтобы добраться сюда, а теперь нужно такой же, а может, даже и более долгий путь проделать с сотней детей. Хорошо, если повезет пройти так же скрытно. А если нет? Придется вступить в бой. А как воевать, когда на руках дети? Если завяжется бой, погибнут все, детей не спасти.

– Если вопросов нет, то в моё отсутствие старшим остаётся заместитель командира группы главный старшина Полозов, – Саранов дождался четкого ответа «есть» и продолжил: — За моё имущество отвечает красноармеец Филимонов.

Виктор снял маскхалат, отдал его и вещмешок Филимонову. Передавая автомат, сурово сказал:

– Головой отвечаешь!

– Есть, товарищ командир, – с готовностью выполнить любое задание командира ответил Филимонов.

Виктор засунул за поясной ремень на спине пистолет; в карман широких брюк, заправленных в сапоги, положил гранату; в правый сапог спрятал «финку»; слегка встряхнув помятую кепку, аккуратно надел её и по привычке пару раз подпрыгнул: нигде ничего не звякнуло.

– Выходим на линию наблюдения, – скомандовал Полозову.

Главстаршина подал знак, и бойцы рассредоточились по указанным позициям.

— Я буду вон там, — Саранов показал место, которое выбрал для себя.
— Если что, Егор Васильевич, дадите мне знать.

Разведчики, каждый из своего укрытия, наблюдали за детским домом и окрестностями. Они внимательно рассматривали постройки, расстояние между ними, пути возможных подходов и отступления, определяли наиболее выгодные и удобные места ведения боя, если такое случится.

На просторной, огороженной лёгким штакетником территории располагались несколько добротных деревянных строений под железными крышами. К небольшому двухэтажному зданию с двумя входами, видимо, административному корпусу, примыкали два одноэтажных крыла – жилые корпуса. Неподалёку находились две большие открытые террасы, вероятно, игровые площадки. Строения окружали многочисленные фруктовые деревья и ягодные кусты. На противоположной стороне территории размещались хозяйственные постройки: сарай, хлев, сенник, конюшня, дровяник и баня. Там же располагались грядки большого огорода.

Детский дом жил своей обычной жизнью, и трудно было предположить, что идёт война и что здесь над людьми, в том числе маленькими и беззащитными, нависла трагедия. Разглядывая детей, играющих в саду и копошащихся в огороде, Виктор отметил, что им всем присуща какая-то особая старательность. Он очень внимательно присматривался к поведению детей, стремясь понять их отношение друг к другу и ко взрослым, оценить в целом дисциплину и готовность подчиняться. Это было необходимо, чтобы выработать тактику поведения с детьми в предстоящей тяжёлой и опасной дороге.

Наблюдая за детьми, Виктор периодически поглядывал на главный корпус, куда время от времени кто-нибудь заходил. Наконец на крыльцо вышла крупная статная женщина, по-хозяйски оглядела двор, спустилась в сад, поговорила с детьми, прошла к хозпостройкам, отдала по пути несколько распоряжений сотрудникам, а потом вернулась в дом. Виктор внимательно присматривался к её поведению, манерам, к отношениям с персоналом и понял, что она и есть Софья Павловна — директор специализированного областного детского дома. Значит, именно с ней предстоит трудный разговор и ещё более трудный путь.

Видимо, наступило время ужина, и воспитательницы неторопливо собирали мальчиков и девочек в небольшие группки, часто поглаживая детишек по голове или приобнимая. Воспитанники послушно направились к столовой. Виктор отметил удивительную для такого количества детей дисциплину и сдержанность их поведения. Без криков, шума и толкотни, как это часто бывает в пионерских лагерях или в школах, дети вошли в столовую. Виктор даже проникся каким-то чувством уважения к этим необычным ребятам. Он немного успокоился и надеялся, что и все разведчики, наблюдавшие за детьми, тоже почувствуют это.

На территории детского дома наступила тишина. Виктор положил на землю бинокль, привалился боком к сосне и немного расслабился. Он решил подойти к детскому дому и встретиться с директором после отбоя, когда воспитанников уложат спать, а взрослые займутся своими делами.

Вскоре Виктор услышал стук колёс и пофыркивание лошади. По дороге от большака к детскому дому медленно подъезжала телега. У ворот лошадь остановилась, возница спрыгнул, по-хозяйски отпер ворота, взял лошадь под уздцы и повёл к конюшне. Саранов понял, что это завхоз. Шёл он неспешно, даже как-то понуро, но у конюшни лошадь распряг и телегу разгрузил споро. Виктор уважительно смотрел, как управляется с делами пожилой и явно уставший мужчина.

По двору торопливо шла, почти бежала к конюшне Софья Павловна. Завхоз отвёл её за телегу, где их было не видно от дома, и начал что-то говорить — явно с трудом, постоянно потирая ладонью лицо. Софья Павловна слушала застыв, потом в ужасе всплеснула руками и закачалась, как от горя.

Из столовой вышли дети, воспитательницы и другие работники детского дома. Софья Павловна выпрямилась, что-то сказала завхозу и твердым шагом направилась к административному корпусу.

Саранов размышлял об увиденном. Что могло так потрясти завхоза и буквально сразить директора? Перебрав несколько возможных ситуаций, Виктор решил, что, скорее всего, это было известие о трагедии в другом

детском доме. Если это так, то ему будет легче уговорить директора отважиться на такое сложное действие – увести детей на нашу территорию.

Из конюшни вышел завхоз, неся два длинных шкворня, два внушительных мотка веревки и небольшую кувалду, за ним послушно брели две лошади. Мирная тройца направилась через луг к опушке леса. Саранов понял, что завхоз ведёт лошадей на ночной выпас, и шли они прямо к тому месту, где находился Виктор. Он немного подождал и неторопливо вышел навстречу. Завхоз остановился, слегка подбросил кувалду, поудобнее перехватил её за ручку, всем своим видом показав, что готов к любому развитию событий.

Виктор, понимая его состояние, вежливо снял кепку и как можно доброжелательнее поздоровался.

– Добрый вечер, Василий Николаевич!

Завхоз не торопился отвечать, внимательно рассматривая Виктора.

– Может, и добрый. А ты знакомец мне никак будешь?

– Да пока нет. Мне о вас товарищ Великанов, – Виктор назвал фамилию первого секретаря райкома партии, – много хорошего рассказал и посоветовал к вам обратиться.

– И с чем пожаловал?

Вид у завхоза был строгий, слова он произносил жёстко. В нём чувствовалась та моральная сила, которая помогает человеку выполнить свой долг несмотря ни на что. Виктор понял, что Василий Николаевич будет защищать детей всеми силами и всеми доступными ему средствами.

Саранов облегченно вздохнул: правильно ему сказали, что завхоз может стать надёжной опорой в предстоящей операции.

– Я по делу пришел. Детей надо уводить отсюда. Расстреливают немцы детские дома.

– Знаю. Вчера в Сосновке расстреляли.

– Значит, у нас времени в обрез. Василий Николаевич, мне надо сначала одному в детдом попасть, с Софьей Павловной переговорить. Как это сделать?

Завхоз молчал. Он взял шкворень, в два сильных удара вогнал его в землю по самое ушко, накинул веревку на лошадь и хлопнул её по шее, отпуская пастись. Не говоря ни слова, пошёл в сторону, и вторая лошадь, самостоятельно, без понуканий последовала за ним. Виктор шел рядом. Пройдя метров тридцать, Василий Николаевич остановился, привязал лошадь и только потом повернулся к Виктору.

– Ты со мной ступай. Вроде я тебя нанял дров для завтрашней бани наколоть.

Подошли к сараю, около которого лежала гора напиленных поленьев. Завхоз молча принёс топор, показал, куда нужно складывать наколотые дрова, и так же молча ушёл в основной корпус.

ХIII. Оберштурмбанфюрер СС ШЕФФЕР.

Отбор биоматериала

Вальтер проснулся легко, бодро встал, позавтракал у открытого окна, наслаждаясь утренней свежестью. Впереди его ждал интересный и перспективный для работы день.

Ева Байер, в военно-полевой форме без погон, в бриджах и сапогах, пришла четко в условленное время и обстоятельно доложила о результатах поручений Шеффера.

У гостиницы их ждал легковой автомобиль, перед ним стоял мотоцикл с пулеметчиком в коляске, а сзади – грузовик, в кузове которого сидели солдаты.

Центр города проехали довольно быстро, но через несколько кварталов скорость резко снизилась: улицы сильно разрушены из-за отчаянного сопротивления русских при отступлении. Шеффер несколько удивился: таких разрушений после взятия европейских городов он нигде не встречал.

Выехали за город, но дороги оказались запружены войсками, санитарными машинами, военной техникой, колоннами пленных. Несколько увеличить скорость удалось лишь, когда съехали с шоссе и двинулись по проселочным дорогам.

Наконец въехали в небольшой городок и остановились у здания комендатуры. Комендант, молодой лейтенант, с готовностью обсудил с Шеффером и Байер некоторые вопросы предстоящей операции и предоставил группу сопровождения – как он объяснил, на случай неожиданной встречи с русскими варварами.

Дорога к детскому дому шла через прекрасный бор, нежно светящийся сосновой корой и напоенный нагретым смолистым ароматом. Вальтер особенно любил сосны, их стройные стволы всегда вызывали ассоциации с величественным собором и создавали приподнятое настроение. День складывался удачно.

Подъехали к территории детского дома. Группа сопровождения осталась у границы леса, мотоцикл остановился рядом, а грузовик – у ворот. Автомобиль подъехал прямо к крыльцу главного корпуса. Едва Шеффер и Байер вышли из машины, на крыльцо выбежала молоденькая девушка в белом халате. Она удивленно-вопросительно смотрела на пришельцев.

Шеффер по-русски любезно поздоровался, чем ещё больше удивил её, и спросил, где он может видеть директора детского дома. Немного замешкавшись, она предложила проводить к директору.

В небольшом уютном кабинете их встретила стройная красивая молодая женщина. Шеффер держался доброжелательно и галантно, ненавязчиво подчеркивая, что женщина ему нравится. Он назвал свою реальную фамилию, учёную степень и, отрекомендовавшись сотрудником специального медицинского центра Берлина, изложил цель визита.

Инна Львовна, директор детского дома, с трудом скрывала свое изумление: обаятельный немец свободно говорил по-русски, профессионально разбирался в проблемах её учреждения, поинтересовался, нет ли тяжелобольных детей, а если есть, то предложил немедленно забрать их в госпиталь, сообщил, что детей и персонал в ближайшие дни увезут в санаторий в Чехию – подальше от войны.

Поведение немецкого офицера и его внимание к ней лично почти полностью сковало Инну Львовну и лишило возможности реально оценивать

ситуацию. Она, работающая директором всего лишь второй год, предоставила все интересующие его документы и, оставив Еву Байер разбирать их, вышла с Шеффером на крыльцо.

Солдаты выгружали из грузовика коробку с мясными консервами и шоколадом. Рядом стояли работники детского дома и дети; они наблюдали за происходящим с интересом, без малейшего страха.

Вскоре пришла Байер, показала стопку медицинских карт детей, и Шеффер учтиво попросил разрешения взять их для изучения. Директриса легко согласилась, и они договорились о дате и времени следующего визита.

Прощаясь, Шеффер немного задержал руку Инны Львовны и с чисто мужским интересом заглянул в глаза. Она смущенно улыбнулась.

Когда машина тронулась, Шеффер негромко сказал Еве:

— Я полагаю, они нас будут ждать с нетерпением, особенно эта дамочка, — он легко рассмеялся и уже серьезно продолжил: — Ваша задача весьма упростилась после этого визита. Нужно только подогнать необходимый транспорт и распределить контингент. Отдельно загрузите тех, кто нам будет нужен. Список я вам предоставлю. Остальных отвезёте в место, которое укажет комендант. Сами можете в акции участия не принимать. Поручите это коменданту. Он выполнит задание, вряд ли ему захочется на фронт. А тех, кого я отберу, привезите в город, в бывшую детскую больницу. Пусть там их примут и подготовят к отправке в Германию.

— Когда я получу список, господин оберштурмбанфюрер?

— Дня через три, полагаю. Мне нужно время, чтобы изучить медицинские карты. Вы пока займитесь русскими государственными архивами. Хотя... Ева, вы можете взять день для отдыха. Вы его заслужили.

— Есть, господин оберштурмбанфюрер. Спасибо за отдых.

Несколько дней Вальтер Шеффер работал с медицинскими картами. Одни он откладывал сразу, только бросив взгляд на первичное описание диагноза, другие читал внимательно и складывал в аккуратную стопку. Рассортировав медкарты, он тщательно изучал отложенные, делал пометки, записывал информацию в свой блокнот. После скрупулезного анализа

большая часть медкарт отправилась к отложенным сразу, а несколько карт он сложил в небольшую папку. Именно туда попали те, которые интересовали его более всего. Так в большой стопке оказалось девяносто три медицинских карты, а в папке – только одиннадцать.

Завершая работу, Вальтер составил список для своей помощницы. Он был уверен в успехе операции: Ева Байер всегда подробно инструктировала исполнителей, а сама умела найти подход к людям и никто из них, как правило, до последней минуты не предполагал, что их ждет. Все подобные операции она проводила четко и без эксцессов.

Через три дня Байер получила список тех, кто нужен Шефферу для опытов, и спросила разрешение забрать остальные документы, чтобы вернуть директору детского дома.

– Вот что значит немецкая пунктуальность и порядок! – засмеялся Шеффер, – Зачем они этой дамочке? Ей они точно не понадобятся, да и вообще никому никогда не понадобятся.

– Да, действительно, господин оберштурмбанфюрер, – улыбнулась Байер, – зачем они ей!

– Пусть водитель сожжёт их в первой же котельной, чтобы не валялись.

Шеффер, довольный окончанием напряжённой работы и особенно её результатом, не по-уставному сердечно попрощался с Евой.

Вальтер собрался идти обедать, но вдруг понял, что ему не хочется оставаться в гостинице. Решив побаловать себя, устроить себе отдых и развлечение, он быстро переоделся в гражданскую одежду, положил во внутренний карман пиджака небольшой браунинг, вышел на улицу и неспешно направился к зданию комендатуры, рядом с которой только вчера открыли казино для офицеров.

Байер ехала в небольшом автобусе «рено» во главе колонны из нескольких грузовиков. Коменданту и солдатам группы сопровождения она детально изложила план действий и особо подчеркнула необходимость быть доброжелательными и терпеливыми, чтобы избежать паники и возможных эксцессов. Лейтенант прекрасно понял, что только беспрекословное

исполнение всех указаний Байер позволит ему провести операцию без срывов и в самые короткие сроки. Ему так хотелось поскорее избавиться от неприятного поручения!

Инна Львовна встретила Еву Байер и лейтенанта как добрых знакомых. Но, здороваясь с ними, невольно заглядывала в кабины машин, словно ожидая ещё кого-то. Байер незаметно презрительно усмехнулась и любезно сообщила, что доктор Шеффер ожидает в городе некоторых детей для особого осмотра перед поездкой, а Инну Львовну, когда она освободится после посадки детей в поезд, приглашает на ужин в ресторан, чтобы отметить их доброе сотрудничество.

Инна Львовна слегка покраснела и, чтобы скрыть смущение, деловым тоном доложила, что вещи сложены, дети и сотрудники готовы к поездке.

— Солдаты помогут детям разместиться в машинах, — сказала Байер и, легко улыбнувшись, добавила: — Сотрудники могут располагаться, как посчитают нужным. А вещи пока оставьте, машина вернется за ними немного позднее. Не волнуйтесь, все вещи доставят прямо к поезду!

Большинство сотрудников детского дома явно не хотели никуда ехать, но они не могли оставить детей и потому выполняли распоряжения директора.

Детям в дорогу раздали шоколад и печенье, и они оживленно устраивались в машинах, предвкушая много радости от предстоящего путешествия – сначала на машине, а потом даже на поезде! Особенно радовались одиннадцать детишек разного возраста: они поедут не на грузовике, а в маленьком хорошеньком автобусе! Двор звенел весёлыми голосами.

Наконец все удобно устроились, по два солдата сели у заднего борта каждого грузовика, Инну Львовну лейтенант галантно усадил в кабину, и колонна неторопливо выехала за ворота детского дома.

Вечером девяносто три ребенка от шести до двенадцати лет и одиннадцать сотрудников детского дома были расстреляны на краю леса.

Наступивший день обещал Шефферу ещё более интересную работу. Предстояла поездка в специальный детский дом для детей с задержкой развития, а там – широчайший выбор материала для исследований. Сегодня Вальтера радовало всё. Накануне он прекрасно провел вечер в казино с тремя офицерами СС и их спутницами, а часть ночи – с яркой жизнерадостной связисткой из комендатуры. И теперь, полный сил и оптимизма, вышел из гостиницы, ожидая свою помощницу. На рассвете прошел короткий сильный дождь, он прибил пыль и приятно освежил воздух. Вальтеру дышалось легко, и даже небольшое запаздывание Евы Байер не раздражало.

Не испортил ему настроения и доклад Байер о коротком обстреле, под который попала их машина. Шеффер вернулся в гостиницу, от администратора позвонил в комендатуру, и через несколько минут прибыла группа сопровождения и два мотоцикла с пулеметами.

Дорога вводила из города через небольшие перелески, мягко огибала широко раскинувшиеся поля пшеницы, поднявшейся в полный рост и набиравшей силу, шла мимо небольшой деревни, ни одного дома которой война не коснулась, словно ее и не было, вдоль высокого берега неширокой реки и по массивному бревенчатому мосту, твердо упирающемуся в крутые берега, наконец привела к детскому дому.

Группа сопровождения и мотоциклы остались у ворот. Грузовик въехал на территорию, а машина Шеффера остановилась у главного корпуса. Из сада к машине с любопытством, но осторожно и не спеша потянулись ребятишки и с ними две воспитательницы.

Шеффер и Байер вышли из машины и, улыбаясь, ждали детей, приглашая их подойти поближе. Но тут на крыльце появилась крупная статная женщина с белокурой косой, уложенной высокой короной. Она выглядела почти в точности как арийские женщины с германских агитационных плакатов.

Шеффер отработанно-заинтересованно заглянул женщине в глаза, галантно поклонился, и представился.

– Доктор Шеффер, врач, работаю в научно-исследовательском педиатрическом центре Германии. А вы – Софья Павловна, директор этого детского дома?

Шеффер обаятельно улыбнулся. Но улыбка осталась без ответа. Директор ответила утвердительно и настороженно-выжидательно смотрела на Шеффера.

– Софья Павловна, давайте пройдем в ваш кабинет, – любезно предложил Шеффер, но было совершенно очевидно, что другие варианты исключаются.

– Да, проходите, – сухо ответила Софья Павловна.

В кабинете Шеффер, стремясь снять напряжение и настороженность директора, заговорил серьезно и профессионально о проблемах детских домов подобного типа. Свободно владея научной и профессиональной информацией, он постепенно втянул Софью Павловну в обсуждение интересных для нее вопросов. Но такой легкости общения, как в предыдущем детском доме, не получалось. Всё же в конце беседы Софья Павловна вынуждена была согласиться эвакуировать детский дом в Чехию и передать Шефферу медицинские карты детей – для оформления поездки.

– Ну если другого варианта нет, – ей стало не по себе, – вам сейчас их принесут.

Прощаясь, уже на крыльце, Шеффер сказал:

– Думаю, что Инна Львовна, ваша коллега, с детьми уже пересекла границу и направляется в предместье Праги, – Шеффер тепло улыбнулся, но улыбка опять осталась без ответа.

Софья Павловна молчала. Она была напряжена, что-то было не так – и в поведении немцев, и в словах. Но что именно так беспокоило, она не могла понять. «Ладно, – решила Софья Павловна, – к вечеру вернется Василий Николаевич, с ним мы и обсудим ситуацию и этот визит».

– Извините, у меня дела. Я должна идти. До свидания.

Шеффер не стал ее задерживать. Ему не понравилось поведение директрисы. Но он знал, что Байер и в этом случае всё выполнит отлично.

XIV. Младший лейтенант госбезопасности

САРАНОВ.

Детский дом

Саранов повесил на гвоздь пиджак и начал неспешно колоть дрова.

К сараю торопливо подошла директор детского дома. Виктор вогнал топор в полено, разогнулся и приветливо улыбнулся.

– Добрый вечер, Софья Павловна.

Директор слегка кивнула и жестко осведомилась.

– Вы кто? Василий Николаевич сказал, что вы от товарища Великанова?

– Меня зовут Виктор Иванович. Пришел я к вам не только от Степана Петровича Великанова. У нас есть и другие общие знакомые.

Виктор назвал имена начальника областного управления здравоохранения, директора другого детского дома и ещё нескольких человек, хорошо знакомых Софье Павловне.

– Откуда вы их знаете? Не похоже, что вы работаете в нашей системе!

— А я и не работаю в вашей системе. Я пришёл... — Виктор сделал секундную паузу и тихо продолжил: — С той стороны фронта.

– С какой стороны? – подозрительно переспросила директор.

– С советской стороны, Софья Павловна, из-за линии фронта. Я пришел за вами и вашими подопечными, – твёрдо сказал Виктор, глядя ей прямо в глаза.

Виктор взял два больших нерасколотых полена, поставил их друг против друга и жестом предложил сесть.

– Софья Павловна, нам нужно серьёзно поговорить, и разговор этот должен остаться между нами. Это – залог безопасности и ваших воспитанников, и ваших коллег. Вы меня понимаете?

– Да, понимаю, – не совсем уверенно ответила директор.

– Наше командование, – продолжил Виктор, – поставило передо мной задачу вывести вас всех за линию фронта. Здесь вы подвергаетесь смертельной опасности. Вы согласны со мной?

– Да, я знаю. Василий Николаевич, наш завхоз, ездил в райцентр и там ему рассказали. Рядом, в соседнем районе есть..., – она запнулась и горько продолжила, – то есть был, детский дом. Так их всех... убили... в лесу... в овраге. Они сначала приехали с подарками и сказали, что детей увезут в санаторий в Чехию, а через три дня расстреляли. К нам они тоже сегодня утром приезжали.

– На чем? Сколько их? – насторожился Саранов.

— На двух автомобилях. На грузовике — солдаты, а на легковой машине мужчина, похоже старший из них, и женщина, оба в военной форме, — директор перевела дыхание и, немного успокоившись, продолжила: — И оба хорошо говорили по-русски, особенно мужчина — вообще без акцента. Я даже сначала подумала, что он русский.

– О чем они с вами говорили, Софья Павловна?

– В основном говорил мужчина. Он – грамотный специалист, это я точно поняла.

– Он назвал себя?

– Да, назвал, но я от волнения фамилию забыла, то ли Штефер, то ли как-то так. Сказал, что он врач и его интересует судьба наших детей, их лечение и медицинское обслуживание. Расспросил про детей, да где ещё есть такие же детские дома или интернаты. Потом объявил, что по решению немецких властей всех детей отправят на лечение в Чехию. Дал два дня на сборы.

– Это, значит, послезавтра?

– Нет. На сборы сегодня и ещё два дня. Они перед отъездом выгрузили из машины коробку с тушёнкой и шоколадом. Наверно, чтобы отвлечь нас от каких-нибудь мыслей.

– Вас это посещение насторожило?

— Да как-то неопределённо... И он какой-то... вроде, и специалист хороший, и говорит всё правильно, а будто заученно. И она... внешне добрая, а внутри чувствуется что-то злое, жестокое, — Софья Павловна помолчала и, зябко поёжившись, закончила: — А уж когда Василий Николаевич вернулся, так и совсем страшно стало.

Саранов молча обдумывал услышанное. Директор ждала, понурившись и уйдя в свои невеселые думы.

— Софья Павловна, мы все должны исчезнуть отсюда не позже завтрашнего вечера. Нам с вами нужно подготовиться к долгому трудному и опасному пути. Идти придется только пешком и только лесом, постоянно прячась от всех. Это и взрослым очень тяжело, а уж детям — и подумать страшно. Мне нужен ваш совет: ведь ваши дети, они....

Софья Павловна довольно резко перебила:

— С ними-то как раз проблем много не будет. Детки очень старательные, послушные и терпеливые. Но они очень доверчивы, бесхитростны и совсем беззащитны.

Директор замолчала и неожиданно спросила:

— Но я не понимаю, Виктор Иванович, как вы один сможете вывести нас отсюда?

— Я не один, Софья Павловна. Бойцы сейчас в лесу и внимательно наблюдают за нами, обеспечивают нашу безопасность. Но мы не знаем всех ваших людей и потому не можем пока открыться. У нас нет твердой уверенности, что никто из них не передаст информацию немцам. Вы уж извините за такие мысли, но эти вероятности нужно учитывать.

— Как вы можете такое говорить, Виктор Иванович?! Я знаю всех сотрудников много лет. Они честные, преданные нашему делу люди, и вы не смеее даже думать о них так, — возмущенно и даже раздражённо, но твёрдо сказала директор.

— Я не сомневаюсь в правоте ваших слов. Но в каждой профессии есть свои чёткие принципы и правила: и в вашей, и в нашей. Но в нашей профессии от них всегда жизнь зависит — и своя, и тех, кто с тобой. Я буду

искренне рад, если вы правы. Скорее всего, это именно так. Но чтобы спасти детей, давайте всё же будем осторожнее. Отпустить «гайки» мы всегда сможем. Вы согласны со мной?

Директор внимательно посмотрела Виктору в глаза и кивнула. Саранов облегченно вздохнул.

— Софья Павловна, — спокойно продолжил Виктор, — вам сейчас нужно отсюда уйти, чтобы не вызвать подозрений. И надо немедленно начать подготовку, но так, чтобы хоть в первое время никто не мог догадаться о настоящей цели. Организуйте так, как будто вы решили подготовиться к отъезду с немцами. Персонал о расстреле знает?

— Нет. Мы с Василием Николаевичем решили пока не говорить.

— Отлично! Завтра я сам скажу, если потребуется.

— Виктор Иванович, но врачу придется рассказать, иначе нам не подготовить медикаменты.

— А что, есть больные? — с тревогой спросил Саранов.

— Нет, больных нет. Так, царапины да ссадины, пустяки обычные.

Виктор облегченно вздохнул, но директор строго продолжила.

— Некоторым деткам почти постоянно требуются лекарства. Да и на всякий случай много чего нужно взять: от йода до противошоковых препаратов. Всё-таки несколько дней пути по лесу. Но вы не волнуйтесь. Анна Николаевна работает у нас давно, у неё сынишка был таким же, умер всего три года назад. Она за наших деток с любым начальством просто в бой вступала.

— Хорошо. Попросите врача незамедлительно начать подготовку. Вы, Софья Павловна, занимайтесь детьми и персоналом, а хозяйственные вопросы мы обсудим с Василием Николаевичем.

— Да, в этом он полезнее, чем я. Сейчас его к вам пришлю, — Софья Павловна встала и, не прощаясь, быстро пошла к административному корпусу.

Виктор продолжил колоть дрова — так ему легче думалось. Каждый удар топора словно подводил итог и ставил точку в принятом решении.

Подошел Василий Николаевич. Махнув рукой, предложил Виктору пройти в сарай. Саранов отложил топор и шагнул за завхозом, мысленно поблагодарив его за предусмотрительность.

Понимая, что от Василия Николаевича вопросов не дождешься, Виктор начал перечислять первоочередные шаги и необходимые действия. Завхоз слушал молча, лишь изредка кивая в знак согласия или одобрения.

– Василий Николаевич, все запасы – еду, воду, лекарства, теплую одежду – придется распределить на всех, даже на детей, хоть понемножку. Рюкзаки нужны. Может, в вашем хозяйстве что найдется?

– Найдется немного. А для деток кастелянша за ночь рюкзачки пошьет. Сколько успеет.

– А кастелянша надежная?

– Да. Она жена моя, Анфиса Егоровна.

– Отлично! Мы вернемся утром, часов в семь. Василий Николаевич, всю подготовку надо организовать, будто начали собираться в поездку по указанию немцев. И о нас пока никому ни слова. Договорились?

Завхоз кивнул и неожиданно улыбнулся – скупое, почти незаметно.

– За дрова не переживай, сам доколю!

Виктор тихо рассмеялся; попрощался с завхозом, осмотрелся, прислушиваясь, и быстрым шагом направился к лесу.

Собрав группу, Саранов коротко бросил: «За мной! Марш!» Бойцы, не задавая вопросов, след в след двинулись за командиром. Шли быстро, но на бег сил уже не хватало. Усталость валила с ног, хотелось и есть, и пить, и спать, спать, спать.

Подошли к партизанскому схрону. Виктор указал Быкову на торчащую корягу. Николай потянул, коряга легко подалась и открылась — почти как дверь на смазанных петлях.

– Вот это да, – не утерпев, воскликнул Колесников.

– Здесь ещё есть такие схроны. Распределимся в два по три человека. Товарищ главстаршина, – Виктор повернулся к Полозову, – распределите людей, назначьте очередность часовых и определите место для наблюдения.

Метрах в двадцати пяти под сухим стволом небольшой берёзы находился вход во второй схрон. Виктор спустился по почти отвесной лестнице вниз; стены и потолок аккуратно выложены обтесанными бревнами, пол земляной, но сухой, утрамбованный. Пятнадцатиметровое помещение казалось просторным и даже уютным: посередине – небольшой стол из струганных досок, вокруг него – табуреты, у стен – двухъярусные деревянные койки с подушками и одеялами и деревянные полки, вроде шкафа. На нижней полке сложены консервы, пакеты с сухими концентратами и галетами, упакованными в промасленную бумагу, рядом – канистра с водой; на верхних полках аккуратно, в ящиках, уложены боеприпасы и оружие.

Следом спустился Скоробогатов, огляделся и удовлетворенно протянул.

– Да-а, командир, благодать... И сделано на совесть. Партизаны могли бы немцам немало проблем устроить, а их самих и не найдёшь.

Сверху свесился улыбающийся Колесников.

– Разрешите на постой?

– Давай, заходи, – буркнул Саранов и повернулся к Скоробогатову, – Приготовьтесь к завтрашнему дню. Я – к Полозову.

Саранов осмотрел другой схрон; посоветовавшись с Полозовым, определил необходимый минимум оружия. Решили, что из всех запасов сейчас придется взять только ручной пулемет, по «лимонке» и по запасному диску к автоматам. Конечно, глядя на такое изобилие, хотелось вооружиться максимально, «до зубов», но решили, что это осложнит передвижение. Саранов знал, что на обратном пути будут ещё такие схроны, там можно пополнить продукты, а если потребуется, то и боеприпасы.

Саранов выбрал автомат, подержал его на ладонях и протянул Филимонову. Алексей покраснел, осторожно, как святыню, взял автомат и торжественно выдохнул:

– Служу трудовому народу!

Саранов сдержанно улыбнулся, приказал Молодцу обучить Филимонова владению оружием и отозвал в сторону Полозова.

– Товарищ главстаршина, наше задание осложняется. Погоня начнется через два дня. Будут идти буквально по следам. Замаскировать за сотней человек мы ничего не сможем. Если сбоев в дороге не будет, должны успеть. А если что, то придется менять маршрут. Мельник дал схему проходов по болотам. На наших картах их нет, значит, и у немцев нет.

Саранов достал из планшета пакет, протянул его своему заместителю. Пока Полозов внимательно рассматривал схему, Саранов продолжил:

– Посмотрим, как будут идти дети, смогут ли при необходимости пройти по болоту. Вы приглядывайтесь ко всем: надо определиться, как разбивать их на группы.

– Есть, товарищ командир! Из наших двое хорошо по болотам ходят – Молодец и Колесников, они рассказывали.

– Вот спасибо, Егор Васильевич! Учились-то мы все, да вот навыка хорошего нет, – Саранов улыбнулся, попрощался с заместителем и ушел в свой схрон.

Ночь прошла быстро. Около пяти часов Саранов пошёл проверить дозорного. Филимонова на месте не было. Виктор напрягся, достал пистолет, снял с предохранителя и, осторожно ступая, оглядываясь по сторонам, двинулся в обход. Метров через десять услышал сдавленный шепот:

– Товарищ командир, я здесь!

– Филимонов, ты?

– Так точно, я.

– А кто тебя так замаскировал?

– Товарищ главный старшина Полозов.

– Молодцы, – убирая пистолет, ответил Виктор.

— Вы отдыхайте, товарищ командир, ещё рано, — прошептал Филимонов и совсем по-детски добавил: — А я ещё посторожу.

Виктор добродушно улыбнулся.

– Уже поздно, товарищ красноармеец, а не рано. Все встают. Скоро тебя сменят, позавтракаешь, и будем уходить. Бдительность не снижать! Ясно?

– Так точно, товарищ командир, – радостно ответил Алексей.

Около шести часов группа построилась. Виктор, скорее по привычке, чем по необходимости, приказал всем попрыгать. Ни у кого ничего не звенело и не стучало, даже у Филимонова, отметил Виктор. Ручной пулемёт взял Колесников. Командир выступил первым. Шли, стараясь не наступать на сухие ветки, не сбивать росу с кустов, осторожно обходя их.

Подшли к опушке у детского дома. Саранов приказал всем залечь и некоторое время наблюдать за территорией. Не заметив ничего подозрительного, Виктор снял маскхалат и осторожно, оглядываясь по сторонам, ушел.

Несмотря на раннее утро в детском доме было оживленно. И дети, и персонал сновали из дома в дом, что-то носили, какие-то мешки складывали у главного входа.

Виктор прошел мимо корпусов, вежливо здороваясь со взрослыми и ласково улыбаясь ребятишкам, подошёл к сараю, снял пиджак, взял топор и принялся колоть дрова. Это сразу сделало его как бы «своим», интерес к нему постепенно ослаб, и только некоторые ребятишки изредка посматривали в его сторону.

Вскоре на крыльцо главного корпуса вышел завхоз и неторопливо двинулся к хозпостройкам. Виктор расколол несколько поленьев, взял охапку дров и почти одновременно с завхозом вошёл в сарай.

– Доброе утро, Василий Николаевич. Как подготовка?

Завхоз кивнул в знак приветствия и коротко сообщил:

– Вещмешки пошили. Почти для всех, кроме самых маленьких. Есть немного сала и хлеба, вермишель, печенье наше да тушенка и шоколад, что немцы дали. По мешкам разложили. Воду налили.

– Хорошо, – сдержанно одобрил Саранов. – В пути сможем пополнить запас.

Завхоз вопросительно глянул на Виктора.

– Есть места, там всё приготовлено. У меня просьба, Василий Николаевич, проверьте, пожалуйста, очень внимательно одежду и обувь.

Никаких ярких или белых кофточек, только тёмная одежда. И обувь чтоб не новая, но крепкая и разношенная, удобная.

Завхоз кивнул, взял какую-то коробку и отправился по делам. Через минуту вышел и Виктор. Он продолжил неторопливо колоть дрова, пристально наблюдая за детьми, за их поведением.

Со стороны огорода подошла директор, внесла в сарай большую корзину. Виктор снова повторил маневр с охапкой дров. Софья Павловна ждала его у верстака. Тепло поздоровались и сразу стали обсуждать план действий. Договорились, что после обеда, как и положено, наступит «тихий час» – дети отдохнут; полдник будет сытный, чтобы ужинать уже в дороге. Это даст возможность до темноты отойти как можно дальше. Директор вернулась в огород. Саранов продолжал колоть дрова и наблюдать за детьми и сотрудниками.

Время приближалось к полудню, жара становилась нестерпимой. Виктор присел в тенёк отдохнуть. К нему медленно шел, опираясь на самодельный костыль, пожилой мужчина в поварской куртке. Встав перед Виктором почти по стойке смирно, он и обратился по-военному.

– Разрешите обратиться, товарищ командир?

Виктор удивился, но встал, поздоровался и привычно ответил.

– Слушаю вас.

– Как я понимаю, все готовятся покинуть эту обитель. Я не спрашиваю, куда и с кем, могу только догадываться. Мне никто ничего не говорил, я сам понял.

Виктор внимательно посмотрел на него и предложил присесть.

Повар, осторожно вытянув почти не сгибающуюся ногу, сел рядом.

– Видите, ходок-то я никудышный, еще с гражданской войны, на Перекопе подстрелили. Я бы пошёл с вами, но мне не дойти. Придется остаться, если вы, конечно, не возражаете.

Виктор немного помолчал и неторопливо, как бы усиливая значение слов, ответил:

– Я вас понимаю. Но одна просьба: уходите отсюда после нас, но не сразу. Я бы не хотел, чтобы в округе узнали об этом до нашего ухода.

– Я это отлично понимаю. Приберу тут, что смогу, и уйду на следующий день. Я всё продумал, у брата отсижусь. Там никто ничего не заподозрит, я у него жил по несколько дней, когда нога совсем покоя не давала. Спасибо, командир, прощайте. Берегите детей и себя! Удачи вам!

Повар медленно встал, оперся на костыль и, сгорбившись, пошёл на кухню. Саранов с состраданием смотрел вслед.

Обедал Виктор вместе с сотрудниками. К нему почти не присматривались, все были заняты обсуждением предстоящего отъезда. А Виктор всё больше удивлялся людям, работающим здесь, их какому-то совсем другому, особому отношению и к жизни, и к детям, и друг к другу. Теплота и любовь, спокойствие и доброжелательность жили в этом доме.

Дети спали, взрослые продолжали сборы. Виктор понял, что время маскировки закончилось, пора бойцов представить персоналу и детям. Он подал условный сигнал, и через три минуты Полозов, Филимонов, Быков стояли около него; в укрытии на опушке остались Колесников, Молодец, Скоробогатов. Саранов и Полозов решили, что следить за окрестностями будут по трое, сменяясь каждые два часа. Остальные должны охранять территорию, постепенно знакомясь с персоналом и детьми, помогать, при необходимости, в подготовке.

Во время «тихого часа» Саранов коротко сообщил сотрудникам о предстоящей эвакуации и о её причинах, рассказал о сложности и опасности предстоящего пути. Он с удивлением и радостью убедился, что в этом сплошь женском коллективе не было ни слёз, ни стенаний – только деловитая заботливость о своих подопечных. Саранов и Полозов облегченно переглянулись: проблем с эмоциональностью поведения не будет.

Саранов, директор и завхоз проверили приготовленные припасы, вещмешки, одежду, обувь; мелкие недостатки сотрудники быстро устраняли. Виктор с удовлетворением отметил, что все указания директора и завхоза исполнялись моментально: значит, и с дисциплиной проблем не будет.

Персонал и дети присматривались к бойцам, но постепенно сотрудники все чаще подходили к ним, советовались, просто разговаривали, а за ними потянулись и дети. Они доверчиво окружали красноармейцев, что-то рассказывали им, начали даже определяться взаимные симпатии. К Саранову чаще всех подходил его тёзка – семилетний Витёк, славный голубоглазый малыш. А за Полозовым почти неотступно ходил Василёк, мальчик лет десяти. Виктор видел, как они о чем-то увлеченно беседовали, улыбаясь друг другу, и суровый старшина вдруг приобнял Василька, ласково взъерошил ему рыжеватый чубчик.

Наконец вещмешки и рюкзаки уложили, распределили их между всеми, надписали и сложили у ворот. После непривычно позднего полдника все обитатели детского дома, от мала до велика, разобрав свои рюкзаки, построились в колонну. Взрослые старались скрыть озабоченность, разговаривали с детьми веселыми голосами, но эти необычные дети, особенно чуткие к настроению других, даже не улыбались, стояли молчаливо и по команде послушно двинулись к лесу. Шли тихо, никто не разговаривал, лишь шуршали шаги по мягкой песчаной дороге.

Первым, в метрах пятидесяти впереди колонны, шёл Полозов, замыкали Скоробогатов и Молодец. Через пятнадцать минут колонна скрылась в лесу.

Повар, глядя им вслед, размашисто трижды перекрестил уходящих, тяжело вздохнул и вернулся в детский дом – скрыть, по возможности, следы поспешного ухода.

XV. Младший лейтенант госбезопасности

САРАНОВ.

Дорога

Колонна неспешно, ровно двигалась по широкой дороге через лес. В мирное время такие дороги и лесные тропы соединяли деревни и хутора, вели к мельницам и большакам. Но сейчас маршрут, разработанный капитаном госбезопасности Лавриненко и майором Коломийцем, шел в обход

оккупированных деревень и сел; он удлинял путь, но обеспечивал его скрытность и безопасность. На этом пути было отмечено всё необходимое: места привалов и ночлега, источники воды, партизанские схроны с запасами еды и оружия, участки возможного перехода дорог, зоны болот, обходные тропы и многое другое.

Саранов знал, что сегодня, пока дети не устали и пока «прогулка» по лесу им интересна, нужно уйти как можно дальше. Завтра предстоит путь сложнее: за весь день такой широкой лесной дороги почти нигде не будет.

Ребятишки привычно шли парами, держась за руки. Дневная духота отступала, и всем шагалось почти легко. Картина была совершенно мирной: детский лагерь идёт в поход, и казалось, что дорога не сулит никаких сложностей. Но впереди длинный тяжелый путь, и Саранов внимательно наблюдал за детьми. Ему важно было понять, на сколько их хватит, как долго они могут идти без отдыха. Удивительная послушность этих необычных ребят поразила Виктора ещё накануне, а сейчас он пытался определить их выносливость.

Прошли чуть больше половины намеченного пути, и Саранов остановил колонну на короткий привал. Он хотел узнать у воспитательниц, как идут дети, как переносят нагрузку, какой ещё есть запас сил. Пока детвора отдыхала, Виктор и Софья Павловна обсудили с сотрудниками обстановку и решили, что до места ночлега смогут дойти без дополнительной передышки. Это давало хоть и небольшой, но всё же резерв времени, а он, в свою очередь, мог помочь в непредвиденной ситуации, когда окажется бесценной каждая минута.

Дети, как всегда послушно, построились и зашагали. Но довольно скоро Виктор отметил, что шли они не так ровно, как до привала; значит, понял он, отрезки пути без отдыха будут в течение дня ощутимо укорачиваться. А значит, ощутимо сократится и время, отпущенное им, чтобы уйти от погони. Запас этого времени, решил Саранов, окончательно определится завтра к вечеру, и тогда придется корректировать или маршрут, или собственные действия.

Но пока преодолели запланированное расстояние и к месту ночлега подошли вовремя. Сотрудники детдома и старшие ребята набрали в лесу лапника. Предстояло устроить места для сна. Всех разделили на группы так, чтобы в каждой был взрослый и дети разных возрастов. И теперь каждая группа под руководством Быкова, Филимонова, Скоробогатова и Молодца готовила для себя «логово», в котором, прижавшись друг к другу, можно спать и не замерзнуть. Детям такая игра очень нравилась; и первая трапеза в лесу, и предстоящий сон в «настоящей берлоге» словно прибавили им сил. Но взрослые понимали, что следующий ночлег после тяжелой дороги не вызовет таких эмоций и придется придумывать какую-то другую «игру». Сотрудники детдома объяснили Саранову и его бойцам, что эти дети одинаково легко впадают в глубокое уныние и в безудержное веселье, но допускать нельзя ни то ни другое; нужно всеми силами стараться держать настроение на ровной спокойно-весёлой ноте — только тогда удастся избежать каких-либо осложнений и неожиданностей.

Для группы Саранова и сотрудников детдома эта первая ночевка была серьезным испытанием. Им предстояло найти тот оптимальный вариант, при котором минимальные затраты времени и сил дали бы максимальный результат: чтобы никто не простудился, не поранился, не заболел. Любой больной – серьезная обуза и в мирном походе, а здесь и сейчас – это просто трагедия. Ближайшие деревни и сёла оккупированы немцами, войти туда нельзя, значит, больного придется нести на руках весь длинный и трудный путь. О такой перспективе даже думать было страшно...

Пожинав, улеглись спать. Бойцы Саранова поочередно охраняли лагерь. Виктор долго не ложился; он сопоставлял свою карту с картой-схемой мельника и переносил его метки на свою карту, обдумывал варианты маршрута, мысленно проходил предстоящую на завтра часть пути, прикидывал возможные непредвиденные обстоятельства. Напряжение и тревога плотно держали и не давали расслабиться, но Виктор привычным усилием воли всё же заставил себя уснуть.

Ночь прошла спокойно. Детишки проснулись вместе с птицами, но не щебетали и даже почти не разговаривали: сказывалась непривычность обстановки. Бойцы и сотрудники детдома старались, как могли, смягчить условия, развеселить, ободрить детей, и они благодарно отзывались. К концу завтрака настроение стало почти веселым, и в колонну строились легко и оживлённо.

Начало пути было нетрудным, но уже через час пришлось, обходя деревню, свернуть с удобной дороги на узкую лесную тропу. Шли цепочкой, по одному, и колонна сильно растянулась. Детям идти так, в затылок друг другу, быстро наскучило, и приходилось каждый час делать краткие остановки, переставлять ребят на другое место. Но узкая неровная дорога утомляла, шаг колонны замедлялся.

Виктор заметил, что после отдыха дети идут почти так же быстро, как утром, и чтобы сохранить общую скорость движения, до обеда сделал два получасовых привала. Маневр удался, к заданному месту вышли вовремя. После обеда, пока малыши спали, бойцы беседовали со старшими ребятами, рассказывали о предстоящем пути, благодарили их за помощь, без которой они, красноармейцы, просто не справились бы с такой сложной задачей. И ребята готовы были теперь сделать ещё больше, слушаться ещё беспрекословнее! Они помогли будить малышей, развлекали их, и колонна быстро собралась в дорогу.

Шли по уже отработанной схеме: час пути – десять минут перестановка в колонне, через две краткие остановки – получасовой привал. На остановках и привалах бойцы и сотрудники старались как-то развлечь детей, побаловать их, если удавалось, ягодами – хоть по одной каждому. Ребята втянулись в этот ритм и шли довольно ровно.

Саранов не переставал удивляться этим детям. Он помнил, как ведет себя обычная ребятня, каким шумом и гамом сопровождаются почти все действия больших групп и как непросто даже учителю удерживать тишину и внимание на уроке. А этим детишкам сказали, что надо вести себя очень тихо – и их почти не слышно; сказали: надо идти – и они терпеливо идут, не

хнычут и не капризничают. Виктор никогда раньше не видел таких детей, и боевая задача «вывести с оккупированной территории детей с задержкой развития» просто ошеломила его, особенно напугав этой самой «задержкой развития». Но сейчас каждый километр пути и каждый час общения хоть и не приносил Виктору успокоения, но прибавлял уверенности: можно дойти. Он, младший лейтенант госбезопасности Саранов, не смеет не дойти с такими детишками! Виктор видел, как бойцы всё с большей теплотой относятся к ребятам, как, забыв усталость и напряжение, при каждой возможности разговаривают и играют с ними, и он верил, что его боевая группа обязательно спасет их.

За этот день прошли весь запланированный отрезок пути и вышли к намеченному месту ночлега – в густом подлеске неподалеку от шумно журчащего быстрого ручья. На карте ручей отмечен как питьевой, и это было особенно важно: необходимо пополнить запасы воды.

Занялись устройством лагеря. Саранов предложил Быкову и Филимонову на этой стоянке построить с детишками шалаши. Старшие быстро набрали лапника, малыши собирали и приносили прутья, а свободные от дозора бойцы весело взялись за дело. В этом строительстве деятельно и активно участвовали все дети, и после ужина они с восторгом заползли в «лесные домики».

Саранов проверил посты, уточнил детали завтрашнего маршрута и примостился у прогоревшего костра рядом с одним из шалашей, но сразу уснуть не получилось. «Завтра, – рассуждал он, – немцы будут в детском доме. К обеду, не позже. Скорее всего, сразу же в погоню. И сюда они дойдут к вечеру. Значит, у нас в запасе остается один день. Ну что ж, пока хватит, до болот должны успеть дойти. А к обеду должны дойти до схрона, а то детвору кормить нечем. Схрон – это хорошо». Виктор удовлетворенно вздохнул, приказал себе спать и проспал до рассвета.

Утром дети, уже почти привыкшие к «лесной жизни», встали бодро, быстро позавтракали, попрощались со своими домиками, пообещав скоро вернуться, и двинулись навстречу новым приключениям.

Тропа сменилась лесной дорогой, потом снова запетляла тропа, на привале поблизости оказались земляничник с остатками ягод и молодой черничник – впечатления не давали ребятам заскучать и почувствовать усталость. Взрослые терпеливо поддерживали ровное настроение детей.

Саранов привычно делал свою работу, проверял посты, контролировал скорость движения колонны, но мысли сосредоточились на том, как сбить немцев с пути преследования или хотя бы задержать их. Нужен маневр, и Виктор упорно искал его, прикидывал варианты, просчитывал результаты.

Саранов принял решение устроить большой привал у схронов, и своё пребывание там намеренно демонстрировать.

Колонна свернула с тропы вглубь леса, оставляя за собой новую протоптанную сотней ног тропинку. Удобно расположились группами между двух схронов. Бойцы достали «из-под земли» консервы и галеты. Дети радостно уплетали «лесные гостинцы». После обеда малышей уложили спать, старших отвлекал рассказами Скоробогатов.

Саранов приказал Полозову и Быкову заминировать вход в ближайший к протоптанной тропе схрон. Бойцы сноровисто смастерили из гранат мину-ловушку и установили её.

Отдохнув, двинулись дальше. Саранов, пропуская колонну, смотрел на идущих мимо детей и потрясённо думал: «Не всякий взрослый может выдержать такую дорогу, а они идут. Ни один не плачет, не останавливается, не кричит, не капризничает. Поразительные дети».

Некоторых ребят Виктор знал по именам, разговаривал с ними на остановках и сейчас они улыбались друг другу. Вот Витёк – беззубая широкая улыбка, синие глазенки светятся, идет легко, а рюкзачок, видно, увесистый. А вот Максимка – лицо сосредоточенное, крепко держит лямки рюкзака, где, Виктор знал, лежит одежда ещё для двух малышей.

Саранов пропустил колонну и замыкающего Колесникова и, отстав метров на пять, двинулся следом. Он знал, что через две короткие остановки им предстоит самое пока на их пути сложное и опасное: пересечь шоссе, соединяющее два городка с крупной железнодорожной станцией. Обойти его

невозможно, нужно выбрать вариант перехода. На карте отмечены три места вероятного пересечения этой довольно загруженной дороги, но расстояния между ними около двух километров, и это сильно затрудняло выбор.

Саранов решил устроить привал напротив среднего из предполагаемых мест перехода, спрятав детей в густом ельнике над дорогой.

Оставив троих бойцов охранять лагерь, Саранов с Полозовым, Быковым и Колесниковым направился осматривать шоссе. Движение на дороге оказалось не таким интенсивным, как сообщила разведка, но те сведения были почти шестидневной давности. И сейчас, во второй половине дня, пехотных немецких колонн и военной техники не было видно далеко в обе стороны. Только слева появилась небольшая колонна санитарного транспорта. Определив скорость её движения, Саранов и Полозов решили пересечь шоссе по левому переходу после того, как санитарная колонна пройдет оба отрезка пути – там шоссе делало небольшой поворот, скрывающий часть дороги. Скорость движения санитарного транспорта позволяла спокойно перебраться с детьми к выбранному переходу.

Саранов расставил троих бойцов вдоль открытой части шоссе так, чтобы они успели подать сигнал в случае непредвиденной опасности, а всю колонну разделил на шесть групп. Дорогу успешно перешли в несколько приемов. Заминка была только одна – промчалось подразделение мотоциклистов, но всё же времени на переход потребовалось немало. Саранов понимал, что нужно торопиться: место ночлега было довольно далеко. И надеялся только на то, что дети в ожидании перехода успели отдохнуть.

Колонна растянулась длинной лентой, но двинулась бодро. Вскоре вышли на лесную дорогу, и детвора снова построилась парами. Так, переходя несколько раз с дороги на тропу, подошли к опушке леса. Впереди простирались болота. Идти через них предстояло завтра.

А сейчас, выбрав удобное место, уже привычно занялись обустройством лагеря. Быстро приготовили «берлоги», накормили детей и сразу уложили спать – вставать предстояло раньше обычного.

Саранов достал свою карту и схему мельника и в очередной раз задумчиво рассматривал варианты маршрута. Но выбора практически не было. Идти в обход болота долго – наверняка догонят немцы. На схеме мельника есть короткий ход через правое болото к лесу почти у его хутора, но там тропа совсем узкая, не шире метра, да и не надо им в ту сторону. На карте Виктора между двумя болотами обозначен неширокий, метров от десяти до пятнадцати, извилистый проход длиной около шести километров, и на нём чуть дальше середины отмечен довольно большой твердый «пяточок» с какой-то порослью. Там можно передохнуть, потом по гряде добраться до леса и уйти. Саранов подозвал своего заместителя и сообщил ему маршрут на завтра. Полозов согласно кивнул, но уходить не спешил. Он пристально осматривал окрестности. Саранов ждал.

– Товарищ командир, думаю, немец уже наступает нам на пятки. Хорошо, если они выйдут на схрон. Это их задержит, но и разозлит. А дорога через болота наверняка и на их картах есть. Значит, нужно остановить их.

Это была та самая мысль, которая не давала покоя и Виктору, но он не позволял себе её обдумывать: слишком мало его «войско».

– Что вы предлагаете, товарищ главстаршина?

– Командир, выход только один: засада. Место в этой горловине самое удобное. Я уже присмотрелся к местности. Здесь я смогу их задержать, а вы успеете увести детей подальше. Разрешите мне организовать засаду, товарищ командир?

Саранов молчал. Полозов – его заместитель, он самый опытный из его бойцов; если что случится с Сарановым, кто поведет отряд? Но если не задержать немцев здесь, они уже завтра к обеду догонят. И погибнут все. Оставлять в засаде другого, менее опытного, не имеет смысла. Значит, только Полозов. Но нужно сделать всё возможное, чтобы у него был шанс спастись.

– Вы правы, товарищ главстаршина. Место для засады самое удобное. Мы поможем здесь окопаться и всё подготовить.

– Спасибо, командир, этого делать не надо. Времени мало, вы должны идти, а я успею сделать всё сам.

– Да я и не сомневаюсь, Егор Васильевич, совершенно не сомневаюсь..., – мягко протянул Саранов, помолчал и неожиданно жестко закончил: – С вами останется боец Филимонов.

Полозов собрался возразить, но Саранов подчеркнуто официально добавил:

– Это не обсуждается, товарищ главстаршина. Он будет с вами.

– Есть, – негромко ответил Полозов.

– Вот карта мельника, – Виктор открыл планшет и протянул пакет.

Полозов развернул карту-схему, Саранов негромко пояснял:

– На ней обозначены все тропки, это – ваш отход отсюда. Вот здесь тропа через болото, ширина около метра, местами – немного меньше, ориентиры обозначены. По ней выйдете в небольшой ельник, а дальше – путь к хутору мельника. Да, идти долго, тяжело и опасно, но можно. Немцы сюда не сунутся: этого хода, кроме мельника, никто не знает. Тропа петляет, и они вас быстро потеряют.

Полозов долгим пристальным взглядом как бы вобрал в память проложенный путь и выпрямился. Но Саранов протянул ему пакет и приказал забрать карту-схему.

– Вы, Егор Васильевич, запомнили, а Филимонов пусть изучает.

Полозов хмуро усмехнулся и взял пакет. Саранов видел, что главстаршине не нравится Филимонов, что смотрит Полозов на него как на дезертира, но никого другого оставить Саранов не имел права.

– Отберите нужное вам оружие и боеприпасы. Перед Филимоновым вы сами поставите боевую задачу.

Полозов по-прежнему хмуро молчал. Саранов, словно не заметив реакции своего заместителя, продолжил ровным командирским тоном:

– Оборудуйте свои точки ведения огня таким образом, чтобы постепенно отойти к болоту и скрытно уйти через него. Учтите, это – приказ, а не мое личное пожелание! Вам ясно, товарищ главстаршина?

– Есть, отойти в болото и скрыться по окончании боя, товарищ младший лейтенант государственной безопасности!

– Вот и отлично, – совсем не по-уставному ответил Саранов, – а теперь – ужинать и спать, Егор Васильевич.

На рассвете разбудили детей, развлекая их рассказами о птичках и зайцах, которые ждут их там, за болотом. После завтрака сотрудники детдома выстроили ребят в колонну, привычно пересчитав их.

Разведчики молча попрощались, отошли и рассредоточились вдоль неторопливо двинувшейся колонны.

Полозов и Филимонов смотрели вслед, слушая, как затихают шаги.

XVI. Младший лейтенант госбезопасности САРАНОВ.

Болота

Путь по гряде между болот оказался не таким сложным, как опасался Виктор. Да и с погодой повезло, день выдался облачным, нежарким. Саранов особенно радовался этому: готовить засаду, окапываться Полозову и Филимонову будет не так тяжело, как на солнцепёке. Виктор шел замыкающим и напряжённо прислушивался, стараясь не пропустить звуки боя. Но всё было спокойно. Значит, немцы еще далеко, на засаду выйдут не раньше середины дня, а Полозов с Филимоновым после боя успеют уйти через болото засветло.

За болотами потянулись леса. Детям больше всего нравилось идти по просторному и светлому сосновому бору. Но для разведчиков эти отрезки пути были самыми напряженными: никакого подлеска, идешь как по открытой террасе с колоннами.

К вечеру подошли к старому хутору. Разведка ничего опасного и настораживающего не обнаружила. Хозяйственный Колесников доложил, что большая часть просторного дома хорошо сохранилась и вполне пригодна для ночёвки. Видимо, заброшенный хутор использовали во время сенокосов: в доме есть широкие нары и лавки, стол и часть утвари. Этот ночлег оказался самым комфортным, и все хорошо отдохнули.

Детей подняли, едва рассвело. Времени оставалось всё меньше, а путь до одного из неприятных мест на маршруте — долгого обхода многокилометрового болота — был неблизким.

После завтрака построились парами и бодро двинулись по лесной дороге. По ней в своё время привозили на хутор из дальнего села косцов и припасы для них. А сейчас эта дорога, широкая и довольно длинная, позволяла идти с хорошей скоростью. Обходя село, часа за два до обеда свернули на тропу. Она привела к неширокой мелкой речушке с мостком в виде двух старых бревен и с такой же старой жердью вместо перил. Колесников и Быков вошли в воду и широко раскинутыми руками соорудили «перила» с другой стороны, превратив переход через речку в игру. Детям такая переправа доставила много удовольствия.

Обедать расположились в смешанном лесу с высоким густым кустарником. После обеда малышей уложили спать, а старшими, как всегда, занялись свободные от дозора бойцы. Саранов удобно устроился у сосны, привалился к её теплому стволу, раскрыл карту и задумался. Переходить линию фронта они должны завтра, поздним вечером. А сегодня днем выйдут к болоту — неширокому, меньше полутора километров, но длинному. Проложенная в обход тропа тянулась почти на два десятка километров. Таким был предписанный маршрут. Но когда его составляли, то, во-первых, не знали, что немцы уже побывали в детском доме и, значит, быстро начали погоню, а во-вторых, ни на одной карте нет пути через узкую часть болота. Но такая тропа обозначена на схеме мельника, и Виктор два дня назад тщательно перенес её на свою карту. Мельник отметил, что на болоте много сухостоя и тропа петляет, но все ориентиры чётко обозначены. Рассматривая схему, Саранов вспомнил слова мельника, что немцы наших болот не знают и боятся их. Значит, нужно именно это преимущество и использовать.

Виктор услышал лёгкий шорох и поднял глаза. К нему медленно, осторожно ступая, шел Витёк и что-то бережно нёс в руке.

— Тёзка, ты почему не спишь?

— Маленькие спят. Я большой.

Мальчик подошёл к Саранову и протянул раскрытую ладошку.

– Кушай. Ты не ел. Я видел.

У Виктора перехватило горло: Витёк принес ему кусочек хлеба с салом.

– Спасибо, – еле выдавил Виктор.

Он отложил карту и усадил мальчугана рядом. Витёк радостно устроился, прислонившись к Саранову.

– Ты думаешь? – серьёзно спросил он, заглядывая Виктору в глаза.

– Думаю, Витёк.

– А что думаешь?

– Как от немцев уйти.

– Надо бегом бежать, – уверенно сказал мальчишка, ожидая похвалы за подсказку.

– Молодец! Надо, но пока не получается, – Виктор обнял его, вдохнул лёгкий запах волос – совсем как у его младшей сестренки, и сердце защемило. Он крепче прижал к себе Витька, словно стараясь спрятать его, защитить.

Мальчик повозился, устраиваясь поудобнее, радостно вздохнул и серьёзно сказал:

– Ты думай. Я рядом посижу.

– Посиди, Витёк, посиди, отдохни.

Виктор медленно жевал хлеб, а Витёк мгновенно уснул, уткнувшись ему в колени.

Саранов осторожно, стараясь не потревожить ребенка, потянулся за картой. Он знал её наизусть, мог бы воспроизвести в деталях, но снова и снова внимательно всматривался в тропу, скопированную с карты мельника.

«Немцы идут гораздо быстрее, – размышлял Виктор, – значит, если пойдем вокруг болота, они нас догонят. Полозов их, конечно, задержал, но не на сутки. Нет, нельзя вкруговую. Значит – что? Значит, через болото. Почти как в учебнике по организации разведки в тылу врага». Виктор грустно усмехнулся. «Какой уж тут учебник с сотней ребятишек, – он зябко поёжился. – Но другого варианта нет. У мельника тут тропа, широкая, минимум метра

полтора. Если идти ровно, то пройдем. А немцы даже если и поймут, куда мы делись, за нами не сунутся. Детвора привыкла идти друг за дружкой, определим, кто из взрослых станет опорными точками в цепи, и потихоньку, не торопясь. Уйдем!».

Саранов уверенно выпрямился: решение принято, надо обеспечить его выполнение. Он перебирал взрослых, оценивал их возможности и вес, понимая, что самые тяжелые должны идти в конце цепи. Получалось детей по двадцать на каждого бойца, а между ними – сотрудники детдома. Саранов мысленно выстраивал цепь: «Групп десять будет. Лучше всех умеют по болотам ходить Колесников и Молодец. Значит, Саша первым пойдет, за ним — Софья Павловна, она же и решит, как расставить остальных. А завхоза — в середину цепи. Замыкающим — Тимофей. Перед ним — Марина Сергеевна и Александра Павловна, я — между ними. Они — самые крупные, но если что, мы с Тимохой их вытянем. А если не вытянем... Цепь уже уйдет, детишки и не заметят». Виктор погладил спящего Витька, словно заранее успокаивая.

«Надо жердей наготовить, — мысли переключились на другую часть плана, — а то вдруг там не удастся. Здесь есть подходящие, тут и нарубим. Надо десятка два... Ничего, донесем. И пройдем. Должны пройти!».

Виктор удовлетворенно вздохнул, но тут же одернул себя: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Он осторожно поднял Витька, отнес его, аккуратно уложил рядом со спящими и подошел к своей группе. Объяснил задачу разведчикам, назначил заместителем Скоробогатова и перешел к работникам детдома. Они, как всегда на привале, проверяли одежду и снаряжение. Саранов отозвал Софью Павловну и Василия Николаевича, сообщил о принятом решении, рассказал, что нужно сделать здесь, до ухода.

– Каждая группа будет держаться за свою жердину — получится что-то вроде перил. Пройти по трясине можно, если ступать аккуратно. Но сложно с людьми полными. Они должны идти последними и понимать, что, если оступятся, то помочь им будет очень тяжело. Мы сделаем всё возможное, но... Сами понимаете. Но что бы ни случилось,

не должно быть никаких криков, воплей, паники – ни-че-го. Это должен понять каждый. И выполнить.

Софья Павловна, горестно вздохнув, ушла к сотрудницам объяснять ситуацию и определять их место в колонне. Василий Николаевич отправился к бойцам готовить жерди.

Привычно построились и неторопливо пошагали. До болота дошли без остановки, но перед ним сделали небольшой привал. Объяснили и показали, как нужно идти, как держаться за «перила», как поступать, если провалишься. Сформировали группы, и осторожно, с небольшим интервалом между ними, двинулись по тропе.

Трясина нехотя прогнулась, однако выдержала, оказавшись довольно плотной. Дети старательно двигались именно так, как им показали: поднимали и опускали ногу мягко, не резко, делали маленькие шаги, крепко держались за «поручни». Но по трясине шаг был неровным, и жерди ходили ходуном. Взрослые крепко держали их, давая возможность удерживать равновесие всей группе.

Ширина тропы позволяла идти довольно уверенно, но болотная жижа постепенно заливалась в обувь. Лёгким детишкам это почти не мешало, вес увеличивался незначительно. Взрослым было труднее, и чем больше весил человек, тем сильнее прогибалась под ним тропа и тем медленнее она выравнивалась. Саранов дал команду увеличить расстояние между группами, и когда первая группа уже выбиралась на противоположный берег, последняя едва добрела до середины.

В конце колонны шли, не держась за общую жердь, две грузные женщины и между ними Саранов, замыкал Молодец. У каждого из четверых в руках была собственная жердь, которой они осторожно нащупывали путь в основательно прогнувшейся трясине. Перед Молодцом тяжело ступала Марина Сергеевна, делая каждый шаг с огромным усилием. Неожиданно она остановилась, обернулась, и Тимофей увидел, что она плачет.

– Я не могу больше, – обречённо сказала женщина, – у меня нет сил.

– Марина Сергеевна, надо идти. Нельзя останавливаться!

– Не могу.

– Надо! – резко бросил Молодец, – Вперед! Только вперед!

Марина Сергеевна сделала ещё несколько маленьких шагов, но, выпустив из ослабевшей руки шест, неудачно шагнула и провалилась выше колен. Женщина молча с ужасом смотрела на Молодца. Она знала, что кричать нельзя, и понимала, что спасти её этот молоденький боец не сможет.

– Держитесь! – тихо приказал Тимофей.

Он осторожно протягивал женщине свой шест. Марина Сергеевна, вспомнив, чему её сегодня учили, успела положить под грудь свою жердь и широко раскинула руки. Наконец, она смогла ухватиться за шест Тимофея. Он тянул ровно; женщина не дергалась, не рвалась, она даже нащупала ногой кочку. И в этот момент Тимофей почувствовал, что его ноги проваливаются. Он откинулся на спину, увеличивая площадь опоры, и старался отыскать ногами плотную кочку, чтобы можно было хоть как-то упереться. В лицо заливалась болотная жижа, Тимофей вытягивал шею, чтобы не захлебнуться, и продолжал тянуть шест. Но болото не отпускало Марину Сергеевну, хотя и не засасывало её. Тимофей, почти ни на что не надеясь, просто старался сохранить их равновесие. Он знал, что по правилам обязан спастись сам, понимал, что от его жизни зависят жизни больше ста человек, но не мог заставить себя выпустить шест.

Саранов, шедший перед Мариной Сергеевной, почувствовал изменение ритма и осторожно обернулся. С первого взгляда он понял ситуацию и резко приказал Молодцу отпустить шест. Тимофей растерянно замешкался, и Саранов властно повторил приказ. Молодец повиновался.

– Тимофей, сам вылезешь?

– Вылезу, товарищ командир, вылезу!

Саранов осмотрительно, ощупывая перед собой дорогу, продвигался к Марине Сергеевне. Приблизившись, протянул шест и спокойно, ровным голосом обратился к ней:

– Марина Сергеевна, не спеша, одной рукой крепко беритесь за мою жердь, потом быстро отпускайте ту жердь и хватайтесь за мою обеими руками.

Женщина, не сводя с Виктора глаз, точно выполнила указание.

– Теперь ноги расслабьте, руками держитесь крепко. И спокойно лежите, не волнуйтесь и не шевелитесь. Отдыхайте!

Виктор широко улыбнулся, ободряюще подмигнул Марине Сергеевне и серьёзно глянул на Молодца.

– Тимофей, подтягивай свою жердь и двигайся ко мне!

Молодец, получив свободу манёвра, осторожно нащупывал жердью тропу и, медленно обходя Марину Сергеевну, приблизился к командиру.

– Берись за жердь, и по моей команде перебираем руками. Марина Сергеевна, а вы потихоньку нащупывайте опоры для ног. Начали!

Казалось, прошли часы, пока Марина Сергеевна выбралась на устойчивую тропу и, тяжело дыша, стала пробираться к Саранову.

– Спасибо, ребята, – всхлипнула перепуганная и ещё не успокоившаяся женщина.

Виктор ушел вперед, за ним – Марина Сергеевна. Молодец пропустил её и двинулся следом. Тимофей ещё не отошел от напряжения, продвигался с трудом, и даже порадоваться сил не было. Но он шел, внимательно следя, как полагалось замыкающему, за окружающей обстановкой.

На берегу их ждали два костра, разведенные Колесниковым и Скоробогатовым. Первые группы уже потихоньку сушили промокшую обувь и одежду, готовили горячую еду. Наконец собрались все, в полном составе. Саранов оглянулся на болото: трясина медленно выравнивалась, затягивая их следы. Он облегченно вздохнул и жадно отхлебнул чай из протянутой Быковым кружки.

Через час колонна построилась и устало двинулась по лесу к охотничьей заимке, обозначенной на карте мельника километрах в трёх от болота.

Заимка – небольшая избушка, но в ней удалось уложить спать всех малышей. А старшие, как заправские лесовики, расположились у костров на лапнике.

Лагерь затих. Саранов, устроившись у стены избушки, анализировал прошедший день, мысленно проходил завтрашний маршрут, обдумывал возможные варианты. «Самое главное сегодня, – размышлял Виктор, – оторвались от погони. Да и со следа сбили. Они теперь не знают, куда бы мы пошли: налево или направо. А вот если бы в обход...» Виктор нервно передернул плечами и отогнал продолжение этой мысли. «Так, – он согнулся над выученной до мелочей картой, – до дороги у нас – тропа, четкая, она и за дорогу уходит, к реке. Дорога идет почти параллельно реке, мостов на нашей карте два. Значит, и у немцев так. И ждать они нас наверняка будут у ближайшего к болоту. А мы уйдем в сторону и перейдем по мосткам. Мельник пометил их как крепкие. И тропа к ним от дороги есть. Ох и спасибо же Василию Семеновичу!»

За рекой от мостков до места встречи со Скворцовым было дальше, чем от моста, но тропа у мельника обозначена через смешанный лес, значит, идти можно быстро, не опасаясь неожиданных патрулей. «И привал можно хороший сделать, и малыши поспят. А на главный маршрут выйдем за мостом. Идти немного останется. Дальше — Скворцов покажет. Главное — успеть дойти, чтоб дети не заснули на дороге. Ничего, за речкой подольше поспят. Места Василий Семенович хорошие отметил. Молодец дед! Какого замечательного помощника дал Лавриненко!» — Виктор удовлетворенно потянулся, расправляя затекшую спину, и отправился проверять посты.

Теплый, почти душный вечер обещал нехолодную ночь. После тяжелого перехода по болоту всем требовался длительный отдых, и Саранов разрешил поспать немного подольше.

Ночь прошла спокойно. Свежим ясным утром втянувшиеся в ритм походной жизни дети и взрослые быстро позавтракали, сноровисто собрались, и колонна двинулась в путь. Впереди, после трудной и опасной дороги, был конечный пункт маршрута — переход на нашу сторону, к своим.

XVII. Оберштурмбанфюрер СС ШЕФФЕР.

Погоня

Работа с медицинскими картами из специализированного детского дома заняла у Шеффера несколько больше времени, чем он рассчитывал. Отложенных для дальнейшего изучения медкарт оказалось слишком много, пришлось пересматривать их по несколько раз. Материал был обильным, увлекательным, обещающим интересные линии исследования и в ближайшей перспективе – весомые результаты. Однако часть материала была какой-то, как для себя определил Вальтер, смазанной, и ему не хотелось потом ещё раз тратить время на сортировку. В результате в список для Евы Байер попали девятнадцать фамилий и среди них – особенно ценные: трое близнецов. Такой материал Вальтеру давно не попадался, и ему не терпелось заняться ими в первую очередь. Последние уточнения Шеффер внес утром на третий день, но по двум медкартам он так и не сделал заключения и решил поехать в детский дом, чтобы посмотреть этих братьев лично. Да и поведение директрисы Вальтеру не понравилось. Она не шла на неформальный контакт и не проявила к нему совершенно никакого интереса. Такое холодно-настороженное отношение могло привести к ненужным вопросам и осложнить проведение всей операции.

Шеффер рассчитал, что наиболее удобным временем для последнего визита будет четыре часа пополудни: самый спокойный и тихий период после дневного сна, а приближающийся вечер не оставит времени на долгие сборы и рассуждения. И точно в назначенное время колонна из мотоцикла с коляской, небольшого автобуса и нескольких грузовиков во главе с легковым автомобилем медленно въехала на безлюдный двор детского дома.

Шеффер и Байер осторожно вышли из машины. Контраст с предыдущим визитом был ошеломляющим: нигде ни одного человека, полнейшая тишина и неожиданно возникшее ощущение заброшенности.

К ним подбежал фельдфебель, командовавший солдатами охраны.

– Господин оберштурмбанфюрер, какие будут приказания?

– Отправьте солдат проверить дом и все надворные постройки. Любого, кого обнаружите, доставить сюда!

Солдаты быстро и тщательно осмотрели территорию и все строения. Фельдфебель доложил Шефферу об отсутствии кого бы то ни было, особо отметив, что следов поспешного бегства нет и в доме полный порядок.

«Собирались спокойно и уходили не торопясь, – решил Шеффер, – следовательно, ушли совсем недавно. Догнать немедленно!»

Покинуть территорию детдома можно либо тем путем, по которому они только что приехали и на котором ничего подозрительного не заметили, либо по неширокой проселочной дороге, уходящей вглубь леса.

– По машинам! – резко скомандовал Шеффер и быстро сел в автомобиль.

Автоколонна тронулась по узкой для такого транспорта проселочной дороге, заросшей с обеих сторон высоким кустарником и деревьями. Грузовики часто снижали скорость, продираясь сквозь кустарник, а толстые ветки царапали солдат, сидевших в кузове.

Погоня на автомобилях продолжалась, пока дорога не превратилась в широкую тропу. Проехать по ней мог только мотоцикл, да и то с трудом.

Шеффер остановил колонну. Он принял решение продолжить погоню с группой солдат, взяв с собой пулемет, а мотоцикл и автомобили отправить обратно.

Байер развернула карту, и Шеффер, внимательно разглядывая обозначенные дороги и тропы, выбирал наиболее вероятный для сотрудников детдома путь бегства. Прежде всего следовало решить: они попытаются спрятаться где-то тут или уйти за линию фронта? Но в любом случае, как бы хорошо сотрудники ни знали местность, идти с таким контингентом можно только по достаточно удобным тропам. Получалось, что прятаться было попросту негде; таким образом, оставался путь за линию фронта. А это – далеко и долго. Значит, к вечеру их можно догнать. Шеффер свернул карту, но тут перед ним вытянулся фельдфебель.

– Разрешите обратиться, господин оберштурмбанфюрер?

– Что у вас? Докладывайте.

И фельдфебель, опытный охотник, доложил обстановку. Он немного прошел по тропе, осмотрелся вокруг и понял, что беглецы прошли здесь дня два назад. Это серьезно меняло ситуацию. Шеффер вновь развернул карту. За линию фронта можно попасть только в обход большого болота и дальше через мост. Значит, перехватить их можно у болота. Вторая возможность перехватить беглецов – мост.

Байер надлежало прибыть в ближайшую к болоту деревню и подготовиться к преследованию русских, взяв из местного гарнизона солдат. Определив места встречи и предполагаемое время, Шеффер и Байер расстались. Грузовики, с трудом развернувшись, направились в обратный путь, а группа солдат двинулась вглубь леса.

Шеффер, разъяренный поведением строптивой директрисы, вырвавшей у него прямо из рук такой интересный и перспективный материал, безжалостно гнал свой малочисленный отряд. Передышки составляли буквально минуты.

Поздно вечером почти обессиленный отряд кое-как устроился на ночлег в сосняке. Шефферу не спалось, и он мысленно зло разговаривал с директрисой, посмевавшейся пойти против него, попытаться обмануть: «На что надеешься, глупая курица? Завтра я тебя догоню, устрою переключку, отберу свой контингент, а ты теперь на лёгкую смерть не рассчитывай! Отправлю в бордель для солдат! И тебя, и твоих девчонок – всех до одной!» Ему и в голову не приходило, что за этим бегством могут стоять военные, что в сложнейшей для русских ситуации кто-то может спасти умственно отсталых, никому не нужных, обузу, что кто-то может видеть в них ДЕТЕЙ. Он, доктор Шеффер, видел в них только материал для исследований. И едва рассвело, снова жестко погнал свой отряд.

К полудню обнаружили отчетливые следы, идущие в сторону от основной тропы. Шеффер выслал вперед дозор. Продвигались осторожно, оглядываясь по сторонам.

– Господин оберштурмбанфюрер, мы нашли место их привала! – громко доложил ефрейтор, старший дозора.

Шеффер властно махнул рукой и группа, обогнав его, направилась в сторону дозорных.

Медленно обходя зону привала, Шеффер внимательно осматривался и прислушивался, что-то его настораживало.

– Господин оберштурмбанфюрер, – услышал он удивленный голос молодого ефрейтора, – здесь есть ход под землю!

Шеффер не успел ответить, как прозвучал взрыв. Когда пыль рассеялась, Вальтер выждал некоторое время, встал, отряхнул мундир. Он понял, что сработала мина. Солдаты поднимались, оглушенные неожиданным взрывом.

Ефрейтор и двое солдат с обезображенными лицами, лежали у самого входа в схрон.

– Раненые есть? – резко прозвучал вопрос фельдфебеля.

– Нет, – слышались негромкие ответы.

Как доложил фельдфебель, сработало взрывное устройство из гранат.

– Оружие соберите у погибших, – с нескрываемым раздражением приказал Шеффер, – их похоронить здесь же. Отметьте место на своей карте, фельдфебель. Мы их потом перезахороним ... с воинскими почестями.

Шеффер разрешил солдатам использовать запас продуктов, найденный в партизанском схроне. Он отошел в сторону, присел около березы, достал флягу и отпил коньяк. «По-видимому, это база для диверсантов, – подумал Шеффер, – Но откуда эти неучи могли узнать о ней? Случайность?» Он был уверен, что детей повели стихийно, рассчитывая на русский авось. «Или им сообщили? Кто? – и вдруг его ожгла мысль, – а что, если их уведут профессионалы?!» Шеффер поперхнулся коньяком, закашлялся. «Нет, нет, этого не может быть! Кто, зачем на это пойдет? Прислать спецгруппу в условиях, когда русские массово отступают? Где они возьмут таких людей? Каждый специалист на учете. Не до того им, нет», – Шеффер раздраженно

отбросил эту, как ему показалось, абсурдную мысль. «Нет, это случайность», – негромко, но твердо произнес Вальтер.

Захоронив погибших, отряд тронулся дальше.

Наступал вечер, темнело, но гибель солдат вывела Шеффера из себя, и он рвался вперед. Ему хотелось как можно скорее догнать русских и уничтожить их там же, всех, без разбора и пощады, самым жестоким образом. Он покрикивал на солдат, требуя от них одного: быстроты. Но вскоре идти по лесу стало невозможно, и Шеффер принял решение заночевать.

Поднялись с рассветом. Спешно позавтракав, двинулись по хорошо сохранившимся следам. Фельдфебель вел колонну уверенно, и вскоре вышли на перешеек меж двух болот.

Первый взрыв прозвучал неожиданно. Шеффер увидел двух рухнувших солдат, остальные залегли, приготовившись к бою. Упав на землю, Вальтер попытался определить, с какой стороны бросили гранату. Но тут практически прямо перед ними застучал пулемет, вскоре раздалась и автоматная очередь.

Пули свистели, казалось, со всех сторон. Шеффер вжался в землю. Сзади, за его спиной, кто-то громко вскрикнул. Наконец солдаты открыли ответную стрельбу. Пулемёт и автомат замолчали. Шеффер, приподнявшись, зло скомандовал: «Вперед!». Солдаты рванулись, но длинная автоматная очередь, совершенно с другой стороны, снова уложила их на землю. Солдаты беспорядочно стреляли во все стороны. Автомат замолк. Шеффер снова попытался поднять солдат, но тут ударил пулемет. Кто-то достал гранату и, удачно выбрав мгновение, метнул её в сторону стрелявшего пулемёта. Наступила тишина. Солдаты Шеффера продолжали лежать, не зная, с какой стороны ожидать выстрелов. В тишине отчетливо и страшно раздавались крики и громкие стоны раненых. Один из немцев дал автоматную очередь туда же, куда бросили гранату. Ответа не последовало.

– Фельдфебель, – крикнул Шеффер, – проверьте!

Фельдфебель отдал кому-то приказ. Солдат приподнялся и, пригнувшись, держа автомат наизготовку, короткими перебежками

направился в сторону недавно стрелявшего пулемёта. Раздалась короткая очередь, солдат начал медленно оседать, упал на колени, уткнулся головой в землю и со страшным криком повалился набок. Этот душераздирающий крик заставил солдат ударить из всех автоматов и пулемёта, снятого с мотоцикла.

Ответа не было, и стрельба постепенно стихла. Ждали, наблюдая, как упавший солдат кричал и корчился от боли, находясь между ними и теми, кого они не видели. Неожиданно раздался одиночный выстрел. Больше ни с той, ни с другой стороны не стреляли.

Выждав некоторое время, Шеффер приказал:

– Фельдфебель, вперед!

Фельдфебель поднял солдат и они, согнувшись, медленно, озираясь, направились туда, откуда недавно прозвучал выстрел. Встал и Шеффер. Подойдя к большой березе, он увидел лежавшего за ней человека в маскхалате. Перебитые ноги раскинуты врозь, большое кровавое пятно расплзлось на груди, мёртвые глаза смотрели в небо.

Шеффер отвернулся и отошёл в сторону, убирая пистолет в кобуру.

– Где же остальные? – не обращая ни к кому, негромко произнес Шеффер и машинально стал оглядываться.

Солдаты молчали, смотрели по сторонам, не опуская оружия.

– Может, сбежали? – неуверенно спросил фельдфебель.

– Может ..., – зло выругался Шеффер. – Наши потери, фельдфебель?

– Шесть человек убитых и два раненых.

– Раненых перевязать.

– Есть. А что делать с убитыми, господин оберштурмбанфюрер?

– Что, что!? Похоронить!

– Здесь?

– Где погибли, там и хоронить. Или вы предлагаете тащить их трупы на себе, фельдфебель?

– Никак нет! А с этим? – Фельдфебель кивнул в сторону красноармейца.

– Ничего. На все вам сорок минут, фельдфебель, – зло, как будто тот в чем-то виновен, приказал Шеффер.

Фельдфебель резко повернулся и направился к стоявшим в стороне солдатам.

Шеффер сел на ствол упавшей сосны, достал флягу с коньяком, сделал несколько больших глотков, поперхнулся и зло выругался. Теперь у него не было сомнений: детдом уводят военные. Как они попали сюда? Случайно? Допустить мысль, что группа русских пришла по заданию, он не мог. «Видимо, окруженцы, – подумал Шеффер, – как-то снюхались с директрисой, этой бабенкой, и она их уговорила. Это меняет ситуацию, но не настолько, чтобы не справиться с ней». Автоматная очередь ударила так неожиданно, что Шеффер даже не пригнулся; он только увидел, что солдат, находившийся неподалеку, завалился набок. Солдаты со всех сторон открыли стрельбу, что-то кричал фельдфебель. Шеффер низко присел и ждал развязки. Через несколько минут фельдфебель подбежал к нему:

– Господин оберштурмбанфюрер, мы прикончили ещё одного, – запыхавшись, выдохнул он.

Шеффер не спеша подошел и увидел убитого – совсем молодого русского солдата в маскхалате. На мгновение он замер и вдруг резко повернувшись, направился туда, где было тело первого русского солдата. «Да, я ошибся, – понял Шеффер, – это не окруженцы. Это русские диверсанты! Как же я сразу не увидел, что убитый – в маскхалате, а не в обычной форме».

Шеффер вернулся к лежавшей сосне и, развернув карту, в который раз вновь ее рассматривал, прокладывая свой путь с учетом новых обстоятельств.

Убитых похоронили, для раненых сделали что-то наподобие носилок. Шеффер разрешил отдохнуть, еще не зная как поступить с ранеными. Когда отведенное время отдыха заканчивалось, подошла группа солдат-венгров, которых доставила Байер.

– Мы услышали выстрелы и взрывы. По ним на вас и вышли, господин оберштурмбанфюрер. Вы не ранены? – заботливо спросила Ева, протягивая ему привезенную более подробную карту местности.

Шеффер раздраженно посмотрел на нее, затем перевел брезгливый взгляд на группу венгерских солдат во главе с сержантом, и ничего не ответил.

– Господин оберштурмбанфюрер, я привела местного жителя, он знает эти места. Сам вызвался нам помочь.

– Отлично! Где он?

Байер подала знак венгерскому сержанту, и тот вытолкнул неряшливо одетого пожилого русского крестьянина.

– Знаешь эти места? – спросил Шеффер.

Русский угодливо поклонился.

– Поведешь нас и не дай бог тебе выкинуть какой-нибудь фокус.

Крестьянин испуганно закивал головой.

Шеффер отвернулся, отдал указания фельдфебелю и венгерскому сержанту. Кивнув Байер, отошел немного в сторону.

– Байер, забирайте раненых, направляйтесь вот в эту деревню и ждите нашего возвращения. Если до полудня нас не будет, пусть местный комендант направит своих солдат к этим мостам, – он указал на карте деревню и два моста.

Шеффер сам возглавил колонну. Рядом семенил крестьянин. Шли довольно быстро, но накопившаяся усталость и прошедший бой сказывались всё сильнее. Ход операции, которая оказалась значительно сложнее, чем представлялась Вальтеру, давил своей неожиданностью и непредсказуемостью. Появление группы русских диверсантов не только ломало планы, но реально ставило под угрозу само их осуществление. Следовало остановиться, трезво оценить ситуацию, однако ярость обманутого в своих расчетах гнала Шеффера вперед — вопреки всем реалиям.

Пройдя до конца сухого перешейка меж болот и не догнав беглецов, Шеффер понял, что дальше в таком состоянии и с таким настроением ему идти всё же тяжело. Да и солдатам, участвовавшим в бою, следовало дать

отдых. Он принял решение заночевать в лесу. Венгры сноровисто устроили бивак, приготовили ужин, и усталые солдаты просто провалились в сон.

Шефферу не спалось. Он пытался определить, какое количество бойцов может насчитывать группа русских диверсантов, сколько людей можно было выделить для такой бессмысленной, с его точки зрения, операции, и сколько их теперь осталось. Ответов не было и быть не могло: невозможно представить, что в такой сложной военной ситуации, в какой сейчас находится русская армия, кто-то примет решение отправить специальную группу, так необходимую на фронте, спасти эти человеческие отбросы. Решив, что оставшихся диверсантов не может быть больше двух-трёх, Вальтер успокоился и уснул.

Выступили с рассветом. Шеффер нетерпеливо и жестко гнал отряд по следам, оставленным беглецами. Он знал, что идет правильно и скоро догонит их.

«Сколько же человек их ведет, – зло думал Шеффер, – хотя какая разница, мы их все равно уничтожим...». Ожесточение вновь полностью захлестнуло его, и он чуть не налетел на фельдфебеля.

– Господин оберштурмбанфюрер, следы ведут напрямую к болоту. Разрешите осмотреть местность?

– Действуйте, и побыстрее.

Отряд остановился. Шеффер повернулся к проводнику.

– Здесь есть проход через болота?

– Топи сильные. В обход надо.

Вернулся фельдфебель и доложил, что следы теряются у болота.

Шеффер понял, что его переиграли: русские, скорее всего, ушли через болото. Шеффер готов был кинуть свой отряд вслед за ними.

– Где проход, – грубо и резко спросил он у проводника, – где?

– Вот здесь, вроде, был, – неуверенно сказал крестьянин, указывал палкой направление.

– Пошел вперед! – нетерпеливо приказал Шеффер.

Крестьянин перекрестился, тяжело выдохнул и сделал первые шаги. Трясина держала его, и он шел всё увереннее.

За ним внимательно следили солдаты и Шеффер. Он кивнул фельдфебелю, как бы отдавая приказ двигаться за проводником. Но едва первый солдат сделал несколько шагов, как проводник по грудь провалился в болото. Он страшно закричал и, барахтаясь, пытался выбраться. Но трясина крепко держала его, затягивая всё глубже. Солдаты молча наблюдали за происходящим. «Если проводник сразу провалился, то мест он не знает, а раз так, то и рисковать ни к чему» - решил Шеффер.

– Пусть сам выкарабкивается, – негромко сказал он фельдфебелю и отошел в сторону.

Присев на старый пенек, Шеффер задумался. Он понимал, что, не зная тропы, болото не пройти. Значит, проводник был прав: только в обход. Шеффер развернул карту: мостов было два – у каждого края болота. Левый располагался километров на пять ближе, но ведь не известно, где именно на той стороне русские выбрались из болота. Выходит, ждать их надо у обоих мостов. Добраться к мостам можно по дороге из ближайшей деревни, где сейчас и находится Байер.

Фельдфебель и солдаты смотрели на него и ждали приказа.

– Идем назад и в деревню. Сообщите Байер, – обратился он к радисту, – мы там ночуем. Утром продолжим преследование. Всё, за мной, фельдфебель!

Шеффер резко повернулся и быстрым шагом, словно не было долгого и тяжелого пути, пошел по лесной тропе в обратную сторону. Солдаты устало последовали за ним.

Через несколько часов группа Шеффера расположилась в деревне, где предусмотрительная Байер приготовила всё необходимое.

Ранним утром усиленная солдатами небольшого местного немецкого гарнизона группа Шеффера на грузовике, легковом автомобиле и мотоцикле направилась в сторону ближайшего моста. Там, убедившись, что русские

здесь не проходили, Вальтер на всякий случай оставил венгерских солдат с пулеметом и приказал спешить ко второму мосту.

Автоколонна двинулась по просёлочной дороге, то удаляясь от реки, то приближаясь к ней. Густая серая пыль поднималась довольно высоко, и пришлось снизить скорость. Солдатам было приказано внимательно осматривать окрестности, но пыль почти скрывала ближайший подлесок.

На протяжении всего пути до второго моста ничего подозрительного не обнаружили, дорогу явно никто не пересекал. Шеффер облегченно вздохнул: «Значит, русские ещё не дошли. Здесь-то я их и уничтожу!»

Автоколонну остановили, не выезжая на открытое место. Шеффер и Байер вышли из машины и направились к небольшому бревенчатому мосту. Мост не охранялся. Следов большой колонны русских здесь тоже не нашли.

Шеффер немного прошел вдоль реки, рассредоточил солдат у кромки леса, организовал засаду у моста и вернулся в свой автомобиль.

Время тянулось медленно. Русских не было. Шеффер начал нервничать. Вопросы, временами задаваемые Байер, его раздражали.

– Господин оберштурмбанфюрер, – подбежал запыхавшийся фельдфебель, – идут! Группа солдат!

– Где?

Фельдфебель махнул рукой в сторону леса.

Шеффер выскочил из автомобиля. И тут же услышал громкий протяжный крик «Ура-а-а!», звуки выстрелов, взрыв, за ним второй и, не успев даже понять, что произошло, почувствовал, как его приподняло и сильно бросило наземь.

Вечерело. На крыльце немецкого госпиталя, расположенного в большом русском селе, сидели начальник госпиталя майор Хорст и его коллега – выздоравливающий после ранения майор Вебер. Спокойная тишина и прохлада после знойного дня настраивали на безмятежный лад, и два майора наслаждались отличным коньяком и неспешной беседой. Внезапно мирную картину грубо нарушили: к крыльцу подлетел легковой автомобиль. Из него выпрыгнула женщина с эмблемой «СС» на груди, резко потребовала

выгрузить раненого оберштурмбанфюрера СС и немедленно оказать ему помощь.

Майор Хорст отдал необходимые распоряжения, попросил коллегу присмотреть за транспортировкой этого важного чина и ушел. Карл Вебер подошел к раненому, всмотрелся в его лицо и чуть заметно отшатнулся. Но тут же резко выпрямился и уступил место санитарам, ловко уложившим раненого на носилки.

Шеффера унесли. Байер рванулась за носилками, но Вебер её остановил, объяснив, что сейчас нельзя мешать врачам, и предложил ей помощь: умыться, обработать царапины, принять успокоительное лекарство.

Поздним вечером суэта улеглась. Шефферу оказали необходимую помощь и поместили в отдельную палату. Байер приняла приглашение начальника госпиталя отдохнуть в соседнем доме, где для неё приготовили комнату. Майор Хорст остался в госпитале, выполняя обязанности дежурного врача. Около полуночи он навестил Шеффера, убедился, что все в порядке, и лег отдохнуть на диване в своем кабинете.

Карл Вебер долго гулял по саду вокруг госпиталя. В три часа, в самое темное время ночи, он обогнул здание, незамеченным вошёл с чёрного входа и, осторожно миновав пустой коридор, ступил в палату Шеффера, плотно закрыв за собой дверь.

Карл остановился, давая возможность глазам привыкнуть к полумраку. Ночник слабо освещал спящего: бледное лицо, голова высоко на двух подушках, обе ноги и правая ключица закованы в гипс, пальцы левой руки слабо шевелятся на одеяле, словно пытаются что-то схватить.

Карл осторожно потряс Шеффера и, когда тот открыл глаза, тихо спросил.

– Девочки Марты... Помнишь их?

Мутный взгляд немного прояснился, Шеффер узнал Карла, но одурманенный лекарствами, не смог оценить обстановку и утвердительно прикрыл веки, даже попытался слегка кивнуть.

Карл, профессионально используя ситуацию, быстро продолжил.

– Ты их увез?

Шеффер ещё раз слабо улыбнулся и кивнул головой, но как-то криво, в сторону. Вебер не мог ошибиться, он смотрел внимательно, его глаза привыкли к полутьме.

Карл резко выдернул одну подушку, накрыл ею голову Шеффера и плотно прижал, навалившись на него всем телом. Несколько конвульсивных движений, слабая попытка схватить Карла левой рукой – и Шеффер затих.

Через некоторое время Карл Вебер поднялся, проверил пульс, убедился, что Шеффер мёртв, спокойно взбил подушку и, положив её на место, вышел из палаты.

XVIII. Младший лейтенант госбезопасности САРАНОВ.

К своим

Тропа от заимки оказалась довольно широкой, и дети построились парами. Колонна двинулась бодро: детворе так идти интереснее, а взрослые знали, что до своих остался всего один день пути.

Но постепенно в густом ельнике тропа сузилась, пришлось двигаться по одному, и темп замедлился. Приближались к проселочной дороге. План предписывал выйти на эту дорогу значительно правее, недалеко от моста, и по нему перейти реку. Саранов остановил колонну в густом кустарнике и, взяв с собой Быкова и Колесникова, отправился на разведку.

Осторожно подползли к краю леса. Почти вплотную к дороге росли невысокие деревья и кустарник. Лежали, прислушиваясь, внимательно рассматривали дорогу. На ней нетронута, толстым слоем серой муки лежала пыль, свежих следов не было. Дорога хорошо просматривалась в обе стороны, и перейти ее, как решил Виктор, не представляло труда, достаточно только выставить дозоры на некотором расстоянии от места перехода. Виктор приподнялся и в этот момент каким-то внутренним чутьем уловил некий слабый далёкий гул. Он прижался к земле и через несколько секунд услышал отдаленный шум моторов.

– Саша, – тихо окликнул он, – сообщи нашим, чтоб ни звука. Давай быстро.

Колесников мгновенно метнулся к детям.

Шум моторов нарастал. Появился мотоцикл с коляской и крупнокалиберным пулемётом. За ним с небольшим интервалом двигались легковая машина и грузовик с солдатами. Саранов профессионально зафиксировал и неспешность хода, и особую внимательность, с которой мотоциклисты рассматривали лес вдоль дороги. «Не просто едут, ищут кого-то», — отметил Виктор и вдруг отчётливо понял, что ищут их и что ждать будут у моста. «А мы туда и не пойдем, да и дорогу перейдем после них. Вот повезло!» — Саранов облегчённо выдохнул и приказал Быкову отправляться за детьми.

Пыль висела над дорогой плотной пеленой, и Виктор ещё раз порадовался, что они не прошли до немцев: пыль после такой колонны стояла бы очень долго и выдала бы их.

Детей перевели быстро. Сделали небольшой привал, очистились, как смогли от пыли и двинулись дальше. Саранов повел колонну по едва заметной тропе над рекой. Ельник сменился смешанным лесом, потом светлым березняком, потом снова смешанным лесом, спускающимся почти к самой реке. Здесь, неподалёку от мостков, выбрали место для отдыха.

Саранов отправил Колесникова и Молодца в разведку: выяснить обстановку, определить места, где можно устроить огневые точки, если потребуется.

Через час вернулся Колесников.

– Товарищ командир, разрешите доложить? Мостки – три узкие доски. Подходы к ним открытые, но расстояние небольшое. От кустов до мостков на этой стороне метров пять, на той – немного больше, потом кустарник и снова лес. Если нужно будет переждать, то в кустах вполне можно. Молодец остался наблюдать.

– По мосткам давно кто-нибудь проходил?

– Да нет, командир, свежих следов не обнаружили. Видать, немцы про них не знают, да их за кустами и не видать, а наши-то сейчас редко куда ходят, побаиваются. Нет никаких следов ни на этом берегу, ни на том.

Колесников подробно описал обстановку вдоль реки по обе её стороны. Саранов внимательно выслушал, уточнил детали и дал команду разделить колонну на группы. Двинулись привычным порядком, с небольшим интервалом между группами. На краю леса остановились, укрылись в кустах.

Подошел Молодец, доложил обстановку. Саранов выслушал, ещё раз глянул на карту, задумался, взвешивая ситуацию, и негромко приказал:

– Колесников, Быков, Молодец, слушайте задачу. Первые двое переходят мостки и идут метров четыреста. Если всё спокойно, ищите место для нашей остановки. Один возвращается за нами, второй остается наблюдать. Если произойдет что-то непредвиденное или появится опасность, второй возвращается и предупреждает. Молодец, ты занимаешь подготовленную огневую точку, прикрываешь переход ребят. Задача ясна?

– Так точно, – за всех ответил Колесников. Молодец как всегда просто кивнул.

– Быков, Колесников, вперед! Тимофей, когда кто-то из них вернется за нами, занимаешь место обороны на той стороне, прикрываешь наш переход. Тыл мы сами прикроем.

– Хорошо, – тихо ответил Молодец и ушел к реке.

Саранов подошел к сотрудникам детдома, предупредил, что колонна подступила к прифронтовой полосе и передвигаться необходимо ещё осторожнее. Он объяснил, как надо приближаться к переправе и как на этот раз переходить речку.

Вскоре на невысокой песчаной насыпи появился Колесников, призывно махнул рукой. Первая группа торопливо спустилась на открытое пространство, перешла мостки и скрылась в лесу. Выдерживая определённые Сарановым интервалы, таким же порядком перешли и остальные группы. Колонну построили, и она, растянувшись длинной «многоножкой», отправилась вглубь леса.

Двигались привычным порядком и в привычном темпе. Но шли не по заранее проложенному маршруту, и Саранов отправил Быкова вперед – выбрать место для обеда и отдыха.

– Товарищ командир, – запыхавшись, с трудом переводя дыхание, сообщил Николай, – метров пятьдесят в сторону от тропы есть хороший небольшой овражек, там удобно будет.

Место действительно оказалось удобное: в низине, и из леса не просматривается. Саранов приказал приготовить обильный обед, оставив запас продуктов лишь на ужин и совсем небольшой резерв на случай, если сегодня не удастся перейти к своим. «Переход предстоит поздним вечером, почти ночью, – пояснил Виктор, – и чем легче будут у детей рюкзаки, тем проворнее они смогут двигаться. А это нам ох как понадобится!»

Пока малыши спали, Саранов отправил Быкова и Колесникова вперед на разведку, а сам подошел к Скоробогатову – наступило время выхода в эфир. Радист снял наушники и протянул Виктору листок бумаги.

– Товарищ командир, сеанс связи завершён. Информация передана и той стороной получена. Нас будут ждать в квадрате тридцать шесть двенадцать в восемнадцать часов, вот точные координаты.

Саранов взял шифровку, отошел в сторону, сел на поваленное дерево, развернул выученную наизусть карту, определил расстояние до основного маршрута и по нему до места встречи с капитаном Скворцовым. «Получается часа три ходу. До выхода на маршрут примерно час. Это хорошо. Маршрут все-таки проработан, и сюрпризов быть не должно. Там и сделаем небольшой привал. Значит, в запасе около часа, – размышлял Виктор, – быстро разъяснить, как пойдём, и поднимать детей. А то не уложимся». Саранов убрал карту и отправился к Софье Павловне и Василию Николаевичу. Он подробно объяснил директору и завхозу особенности предстоящего перехода линии фронта и поручил им подготовить остальных сотрудников детдома.

Внезапно перед Сарановым появился Быков.

– Командир, там наши идут!

– Какие наши!? Где?

– Там, наверху. Идут через лес.

– Далеко?

– От нас примерно метров пятьсот. Должны пройти мимо, если не свернут.

– Сколько их?

– Одиннадцать человек.

– Разведка есть?

– Нет, идут скопом. Колесников за ними наблюдает.

– Похоже, это – группа окруженцев. Пойдем, покажешь.

Саранов сбросил маскхалат, одернул пиджак, сдвинул на лоб кепку и быстро зашагал рядом с Быковым.

– Если они свернут в нашу сторону, я выйду к ним. А вы с Сашей сидите тихо и никак себя не обнаруживайте.

– Командир, а вы?

– А я прикинусь местным и пойду показывать им дорогу. Потом тихо исчезну. Искать не будут – сами всего боятся.

Двигались скрытно, но проворно, и вскоре увидели небольшую группу красноармейцев. Шли они устало и как-то обреченно, но все же осторожно пробираясь по лесу. Саранов и Быков затаились, внимательно наблюдая за ними. Окруженцы ушли в сторону ближайшего моста. Саранов с Быковым подождали еще минут пять и поднялись. Почти сразу к ним присоединился Колесников.

– Товарищ командир, дальше путь свободен, можно идти.

Оставив Колесникова и Быкова наблюдать обстановку, Саранов вернулся к лагерю. Колонна уже была готова и, быстро построившись, двинулась через лес.

Наконец вышли на основной маршрут, и каждый из группы Саранова вздохнул с облегчением: неизвестная, непроработанная часть пути закончилась. Они знали, что впереди много сложного и опасного, но на маршруте были варианты — предусмотренные и обозначенные, из них можно выбрать, а не искать где-то что-то, надеясь на везение. Вот и на

небольшой привал остановились в определённом для них безопасном месте. Виктор видел, как уходит напряжение у его ребят, да и сам ощутил некую лёгкость, словно всё тяжелое осталось позади. Но он тут же строго одёрнул себя и сурово осадил бойцов: такое обманчивое состояние благополучия — самое опасное, именно оно чаще всего приводит к просчетам и ошибкам.

Дорога после привала позволяла идти парами, и повеселевшие дети, уловив настроение бойцов, шли ровно и довольно быстро. К месту встречи с капитаном Скворцовым подошли немного раньше назначенного времени. В густом подлеске устроили лагерь и занялись приготовлением ужина.

Саранов, взяв с собой Быкова, отошел на несколько десятков метров в сторону — к тем ориентирам, которые определяли место встречи. На небольшой хорошо укрытой лесной прогалине никого не было. Скворцов, видимо, ещё не успел подойти. Саранов и Быков устроились по разные стороны этой крошечной полянки и приготовились ждать.

Прошло несколько минут, и небольшой, густо поросший черничником холмик у края прогалины неожиданно зашевелился. Быков ошарашено смотрел на него, не понимая, как реагировать и что делать. Холмик медленно приподнимался. Быков направил на него автомат и передёрнул затвор. На звук обернулся Саранов и жестом приказал бойцу замереть.

— Виктор Иваныч, — послышался спокойный голос Скворцова, — хорошо, что обернулся. А ты, Никола, с дуру-то не шарахни по мне.

Капитан поднялся, неторопливо отряхнулся и протянул Быкову руку. Подошел Саранов и от души обнял Палыча. А Быков, только теперь окончательно поверивший в происходящее, легко и весело рассмеялся.

— Да тихо ты, — проворчал Скворцов, — зайцев распугаешь.

Саранов и Быков радостно смотрели на капитана. Встреча с Палычем, сильным, опытным человеком, для них была твёрдой надеждой на успешное завершение операции.

— Здравия желаю, Андрей Павлович, — Виктор улыбался всем лицом.

— Намучались? — спросил капитан. — Все живы?

– Думаю, все. У меня нет информации только о главстаршине Полозове. Очень надеюсь, что он успел уйти через болото. Но не уверен. Мельник о нем ничего не сообщал?

– Ладно, Виктор Иванович, – казалось, не услышав вопроса, по-деловому, без эмоций заговорил Скворцов, – давай прикинем силы, переход обсудим. Сколько всего людей?

Виктор назвал количество детей, работников детского дома и своих бойцов.

Скворцов помолчал, что-то прикинул и неторопливо, с расстановкой заговорил.

– Наши штабисты точно и грамотно всё рассчитали: это место немцы не наполнили войсками, оно относительно чисто. Разведгруппа Коломийца местность исколесила всю, досконально. Да и я сегодня на неё посмотрел. Точно установлено: немцы этот лес прочесывают только периодически. И не особо тщательно. Но все же прочесывают.

Саранов, услышав это, напрягся. Скворцов заметил и почти шутливо продолжил.

– Виктор Иванович, расслабься. Они это делают шесть раз в сутки. Я сам недавно в этом лесу «любовался» ими. В следующий раз пойдут через два с половиной часа. Так что и место, и время определены точно. Успеем.

– Товарищ капитан, – Саранов, докладывая, официально обратился к Скворцову, – мы днем видели окруженцев. По всей видимости, они идут к линии фронта.

Скворцов нахмурился, но спокойно склонился над картой.

– Где видели и куда они шли?

Виктор показал место, где встретили окруженцев, назвал их численность, подчеркнув, что группа без командира.

— Так. Тут они немцев увидят. Значит, пойдут вот сюда, а пробиваться будут здесь, километра на четыре правее нас. Но они тоже засветло не пойдут, — растягивая слова, произнес Скворцов и замолчал, обдумывая ситуацию.

– Если они начнут пробиваться позже нас, – продолжил рассуждать Скворцов, – то и на здоровье. А вот если раньше... Давай-ка, Быков, бери Колесникова и на разведку. Себя не обнаруживать ни в коем случае. Бегом туда–обратно.

Быков умчался. Скворцов и Саранов понимали, что обстановка складывается «половина на половину». Если окруженцы пойдут на прорыв раньше, то всё будет зависеть от того, где они это сделают: километра за три–четыре – хорошо, это поможет, отвлечет немцев; ближе двух – плохо, дети могут испугаться, запаниковать.

Ожидая разведчиков, Саранов рассказал, как в его группе оказался Филимонов, где и зачем он оставил Полозова и Филимонова. О вестях от мельника Виктор больше не спрашивал. Он понял: раз Палыч молчит, значит, Полозов до мельника не дошел, а раз не дошел...

Вернулись Быков и Колесников. Они доложили, что группа красноармейцев спит, даже не выставив часовых, в лесу в километре отсюда.

– Виктор Иваныч, мы не можем им ни помочь, ни остановить, ни предупредить, – Скворцов твердо посмотрел Саранову в глаза. – Мы должны действовать по плану. Всё. Пошли.

Саранов представил Софье Павловне и Василию Николаевичу Скворцова. Он быстро и доходчиво объяснил им задачу, их действия и поведение в случае непредвиденных обстоятельств. Виктор слушал, и ему казалось, что Скворцов сам когда-то работал в таком детском доме, с такими детишками. Но Виктор совершенно не удивился: он давно понял, что капитан Скворцов знает и может такое, чего больше никто не знает и не может.

Детей разделили на группы так, как сказал Скворцов, сотрудников равномерно распределили среди детей. Впереди, задавая темп, шли Скворцов и Саранов, замыкали Молодец и Колесников, Быков и Скоробогатов заняли места с флангов. Быстро смеркалось, и колонна неторопливо шагала по лесу.

Через час вышли к небольшому полю и залегли в подлеске. По краю поля росли густые кусты и редкие деревья, а почти посередине левого края поля лежала большая груда камней. Видимо крестьяне зачищали поле и

складывали камни, чтобы потом вывезти их. Пройти можно было только краем поля. В лесу, по данным разведки, были установлены противопехотные мины.

Скворцов лежал, напряженно вглядываясь в темноту и ожидая условного сигнала. Скоро слабый зелёный огонёк мигнул вдали несколько раз. Палыч довольно крикнул, включил портативный фонарик и ответил.

– Всё, Виктор Иваныч, пошли, – он поднял руку и резко махнул.

Ожидавшие сигнала бойцы, Софья Павловна, завхоз и все взрослые передали сигнал друг другу, и колонна осторожно двинулась за Скворцовым и Сарановым. Шли так, как четко объяснил Палыч: след в след за ним от густого кустарника к груде камней, от нее к другому кусту, от куста к лесу за полем.

Вошли в лес и оказались на неширокой тропе. Скворцов шел спокойно, уверенно и неторопливо. По плану маршрута здесь уже должен быть свой тыл. Но Саранов не видел никаких изменений, да и людей не было видно. Не вытерпев, он спросил Скворцова.

– Мы где? Где наши люди?

– Да-а, устал ты, Виктор Иваныч, вот и не заметил. Мы их уже прошли. Они сзади остались. Немцев задержать, если понадобится. Да и детишек не стали пугать. А то увидят чужих в темноте и запаникуют.

Виктор облегченно выдохнул и, опустив автомат, расправил плечи. Шагалось легко, но все тело мелко дрожало – так выходило многодневное напряжение.

Основная часть колонны приблизилась к первой траншее, и Саранов увидел улыбающегося Лавриненко.

– Товарищ капитан государственной...

– Не надо Виктор Иванович, потом. Завтра с утра рапорт составишь, расскажешь как да что было. А сейчас иди, отдыхай. Вас там машина ждет.

Лавриненко махнул рукой в сторону и обернулся к директору детского дома.

– За вами пришли автобусы, Софья Павловна. Размещайте свою гвардию. До свидания. Доброй дороги!

Лавриненко пожал протянутую женщиной руку и пошел к своему автомобилю.

Виктора и его бойцов окружили дети и сотрудники детдома. Некоторые женщины тихо плакали, стараясь, чтобы этого не увидели дети. Все понимали, что нужно поскорее размещаться в автобусах и уезжать, но расстаться не было сил. Как не было и слов. Бойцов просто обнимали, гладили, пытались им что-то сказать, но все словно неожиданно онемели. Саранов с трудом проглотил вставший в горле ком и заставил себя попрощаться с сотрудниками и детьми. Бойцы молча обняли стоявших рядом ребятишек и устало побрели к ожидавшему их грузовику.

Не успели они подойти к машине, как услышали подряд несколько хлопков осветительных ракет. С немецкой стороны застучал пулемёт, потом другой. Послышались автоматные и ружейные выстрелы. Где-то там, откуда они только что пришли, завязался бой.

– Видать твои окруженцы пробиваются, – Скворцов прислушался и, немного помолчав, добавил, – сейчас им помогут. Не зря же наши там столько времени пролежали.

Сколько времени продолжался бой, и чем он закончился, Виктор узнает только через два дня, как и о гибели Полозова и Филимонова.

А сейчас небольшой обшарпанный, с отверстиями от осколков в бортах, грузовик вез их домой, в распоряжение особого отдела корпуса.

Операция «Дети» завершилась.

Эпилог.

Каждый раз, когда грузопассажирский пароход «Белоостров» заходил в портовую гавань Лондона, первый помощник капитана Саранов выходил на палубу и, всматриваясь в силуэт города, мысленно возвращался в май тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда он в составе делегации защитников Ленинграда впервые побывал в этой стране.

После снятия блокады города, преклоняясь перед мужеством его защитников, английский король Георг VI, его супруга королева Елизавета Боуз-Лайон и их старшая дочь принцесса Елизавета Александра Мария приняли делегацию ленинградцев, воинов Ленинградского фронта и Балтийского флота, внесших личный героический вклад в защиту Ленинграда. Среди них был и двадцатипятилетний офицер «Смерша» Краснознаменного Балтийского флота Саранов.

В зале приемов Букингемского дворца король, доброжелательно улыбаясь, каждому пожал руку и поздравил с победой под Ленинградом. Вслед за королем с поздравлениями подошли королева Елизавета и принцесса Елизавета.

Принцесса остановилась перед молодым офицером и негромко сказала:

– Господин Саранов, нам рассказали о вашем подвиге. Не могу даже представить, как вам удалось спасти столько детей! Мы восхищены вашим мужеством! Мы рады, что у господина Сталина такие солдаты и офицеры. Такие воины не могут не победить!

Виктор поклонился, как положено по этикету, и не совсем по этикету ответил:

– Мы, несомненно, победим, Ваше высочество.

Принцесса улыбнулась.

– Мы желаем вам удачи, господин офицер!

Пожелание принцессы исполнилось: Виктор Иванович **САРАНКИН**, несмотря на тяжелое ранение, остался жив. В послевоенные годы он работал первым помощником капитана на судах Балтийского флота, а затем, окончив исторический факультет Ленинградского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию, много лет преподавал, был заместителем декана исторического факультета ЛГУ. Но почти никто из его коллег и, тем более, студентов не знал о подвиге молодого офицера – подвиге, вошедшем в анналы истории органов государственной безопасности СССР, но до сих пор не оценённом в полной его мере. Это – победа не только в

противостоянии спецслужб. Это – нравственная победа ценности человеческой жизни, подвиг во имя высокого человеколюбия и гуманизма.

Питеркин Илья Валентинович
Особисты. Операция «Дети».
Повесть.

Опечатано в авторской редакции
Издательство «Радуга» (издатель ИП Преловская М.И.)
Заказ № 260/2018